

Вторые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биография
как парадигма
исторического процесса

Санкт-Петербург
16-18 апреля

2004

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Международный благотворительный фонд
имени Д.С.Лихачева

Европейский университет
в Санкт-Петербурге

Вторые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биография
как парадигма
исторического процесса

16-18 апреля

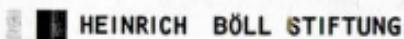
2004

Санкт-Петербург
2005

Чтения проведены при поддержке:

Фонда Генриха Белля

Международного благотворительного фонда
имени Д.С.Лихачева

Генерального консульства Республики Польша
в Санкт-Петербурге

© НИЦ «Мемориал», 2005

Абрам Рейтблат

Нравственные мотивации биографа

Абрам Ильич
РЕЙТБЛАТ

кандидат педагогических наук;
заведующий рецензионным
отделом «НЛО», заведующий
Сектором редких книг
Российской государственной
библиотеки по искусству

В своем выступлении на Первых биографических чтениях памяти В.В.Иофе и в написанной на его основе статье¹ основное внимание я уделил социальной функции биографии и ее генезису. Речь шла о том, что биография возникает в момент разлома родового, мифологического сознания и выделения индивида из некоторой цельности (рода, племени, полиса и т.д.). В модернизирующемся, постоянно усложняющемся обществе, в котором социальная регуляция осуществляется не подражанием представителям старших поколений (как в обществе традиционном), а ориентацией на нормы и ценности, биография служит личностной идентификации, выбору того или иного жизненного пути.

В данной работе я хотел бы рассмотреть смысловую структуру биографической деятельности и формы осознания ее биографом. В качестве материала использованы отечественные биографии XVIII–XX веков.

Жанр биографии в России весьма консервативен и до последнего времени менялся очень слабо. В более поздний пе-

¹ См.: Рейтблат А. Биографируемый и его биограф // Право на имя: Биографии XX века. СПб., 2004. С.53–62.

риод биография как жанр рутинизировалась, стала привычной, цели ее были ясны современникам. В этом периоде редко можно встретить декларации о том, к чему стремится автор, чего хочет достичь, работая над биографией. Иначе обстояло дело в конце XVIII – первой половине XIX вв., когда этот жанр в России еще только складывался. Тогда биографы в предисловиях нередко писали о том, в чем видят свою задачу, к какому читателю обращаются и т.д. Анализ этих предисловий раскрывает сложную структуру мотиваций, характера самосознания биографа.

Биограф, реконструируя жизнь своего персонажа, создавая ему биографию, идентифицируется с ним, «собирает» тем самым себя, проясняет и иерархизирует свои жизненные цели и ценности, придает своей жизни смысл. Таким образом, объективно биографирование позволяет биографу решить свои внутренние проблемы, гармонизировать свой смысловой мир. Можно сказать, что в этом биографируемый помогает биографу. Субъективно же биограф осознает работу над биографией как исполнение долга перед ним, как символическую расплату. Персонаж своей деятельностью (военной, политической, литературной и т.д.) принес пользу обществу (и, в частности, биографу), кроме того, он научил, как жить, показал, ради чего стоит жить, а в воз-
даяние биограф должен запечатлеть этот ценный опыт.

Свою задачу биограф видит в том, чтобы отразить то, что существует независимо от него. Он выступает в роли зеркала, следовательно, от него не требуется творчество, изобретение, он лишь должен быть верен действительности: «Начиная изображать знаменитые деяния, незабвенные добродетели и неподражаемые подвиги того Великого Монарха, которому удивляется все-ленная, боготворят подданные, союзники и – сами – неприятели; чувствуя, что мой талант слаб для сего важного предмета; но, внимая гласу усердия, понуждающего меня приняться за перо, думаю: кто же может достойно изобразить сии деяния? Конечно, я менее других имею красноречия и способностей, но нужны ли такие дарования для изображения деяний, самих по себе великих и знаменитых?»²

Но для кого же пишет биограф? Биографируемый знает свою жизнь, и, кроме того, чаще всего биография пишется после его смерти. Так что она обращена не к нему, а к читателям биографии. Обычно биограф видит в этой роли потомков. Вот типичные примеры. Н.И.Новиков писал о мотивах создания им словаря русских литераторов: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать пользу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило. Польза от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна; не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти [курсив мой. – А.Р.] своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писании прославившихся мужей»³. А через три четверти века П.А.Вяземский завершал на-

² Жизнь, знаменитые деяния и достопамятнейшие изречения императора Александра I <...>: В 3 ч. М., 1826. Ч. 1. С. III.

³ Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях [1772] // Новиков Н.И. Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 277.

писанную в 1848 г. биографию Фонвизина схожими словами: «Горе писателям, которые самонадеянно предают забвению и поруганию дела доблестных отцов! <...> В полном убеждении, что память о прошедшем [курсив мой. – А.Р.] есть достояние, а частию и сила настоящего, предаю с доверчивостью труд мой вниманию читателей»⁴.

Аналогичным образом другой мемуарист отмечал, что «память, сохранившаяся для потомства о мужах поревновавших совокупной славе и пользе ценных народов и государей, есть жертва достодолжно приносимая великим их душам. Описание поступков и деяний должно быть свято соблюдено в пример и наставление грядущим временам [курсив мой. – А.Р.]. Изображение жизни оных да будет зерцалом предопределенным к подобной судьбе». При жизни таких приближенных к трону делателей добра ничем не отблагодаришь. «Собственная таковым мужам награда есть передаяние их памяти в роды родов [курсив мой. – А.Р.] и умилиательное воспоминание о их любви к человечеству. Изваянные и исченные памятники напоминают о них токмо присущему; отдаленный едва о сих знамениях их заслуге ведает, и время сотрет прежде, нежели наступит позднее потомство. Описание же их деяний и поступков, проникая в отдаленнейшие концы земли, достигнет позднейших веков; потомство почтит их подражанием <...>⁵. Вот еще один пример: «Цель моя – сохранить для потомства подвиги [курсив мой. – А.Р.], достойные подражания, и осмеивая слабости, описывая преступления, возвысить цену добродетели»⁶.

Биограф видит свою задачу в изображении героев, замечательных людей, оказавших услуги согражданам. Впрочем, иногда (но достаточно редко) жизненный образец задается от обратного, и тогда пишется биография предельно плохого человека, представляющего собой воплощение зла (Ванька Каин, Емельян Пугачев и т.п.). Существование подобной биографии аргументировалось следующим образом: «Это сочинение, представляя нам одни ужасные преступления, не может по-видимому иметь настоящей пользы? – нет; оно изображает в разительных чертах такую картину, которая и самого порочного человека приведет в содрогание, научит его и обратит на путь добродетели»⁷.

Это до будущих поколений, преодолев временную дистанцию, биограф стремится донести информацию о жизни биографируемого, спасти его от забвения. Получается, что, описывая прошлое, биограф обращается к будущему. Но, разумеется, обращается он не к реальным потомкам, которых он плохо представляет и вкусы которых знать не может. Потомки в данном случае – это смысловая инстанция, элемент конструкции современности. И характерно, что биограф не ждет этого самого будущего, а публикует биографию сейчас, рассчитывая, что ее будут читать современники, что она повлияет на них, окажется им полезной и т.д. И прошлое трактуется в биографии с точки зре-

⁴ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т.5. С.194.

⁵ [Виноградов И.И.]. Житие Франца Яковлевича Лефпорта, российского генерала и описание жизни нижегородского купца Козмы Минина. СПб., 1799. С.1–3.

⁶ Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли: В 3 ч. СПб., 1847. Ч.1. С.1.

⁷ Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика, Емельки Пугачева. Ч.1. М., 1809. С.VIII.

ния современности, точнее, тех ее аспектов, которые считаются выражающими будущее, тенденции развития.

Подобный просветительский посыл (дать образцы для подражания) русская биографика в основном сохраняла и в дальнейшем.

Не моралистический, а психологическо-позитивистский подход к биографии сформировался в России лишь к середине XIX в. Вот характерное выражение нового подхода: «По нашему мнению, биография в области литературы то же, что портрет в области живописи; ее задача воспроизвести точнейшим образом природу и жизнь описываемого человека»⁸. Однако этот подход был представлен скорее в теории жанра, чем в его практике. Подавляющее большинство биографий и во второй половине XIX в., и в веке XX писалось все же в моралистическом и прославляющем духе, попытка воссоздать противоречия персонажа, отразить его слабые стороны почти не было.

Другое понимание биографии человека, другая антропология складывалась в иных жанрах – автобиографии (мемуарах) и автобиографической художественной литературе (самый яркий пример – «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Толстого). Здесь читателю предъявлялись персонажи неоднозначные, более противоречивые, чем в традиционном биографическом жанре. Здесь позволялась гораздо большая степень субъективности в показе персонажа, гораздо большая степень детализированности в изображении его частной жизни и т.д. В результате, если в господствующей биографии просветительского типа был представлен рационалистический подход к интерпретации деятельности человека, ее мотивов, то в мемуаристике, а тем более в автобиографической прозе находили выражение и подсознательные импульсы, аффективные состояния и т.д.

Это связано с тем, что биограф изначально обращался ко всему обществу, а мемуарист зачастую записывал свои воспоминания для членов своего рода, для детей и внуков, не рассчитывая на публикацию. А.Г. Тартаковский писал про их «семейное назначение, имевшее в виду детей, внуков, сестер, братьев, правнуоков, с тем, чтобы сохранить <...> память о роде у потомков, чтобы фамильные традиции не угасали в будущих поколениях»⁹.

Итак, и биограф, и мемуарист пишут для современников, учитывая их интересы, запросы, ценности.

Прошлое и будущее в биографии – это элементы смысловой картины настоящего, используемые для повышения статуса, подчеркивания высокой ценности того, о чем идет речь. «Прошлое» самой своей давностью, свершенностью усиливает значимость персонажа, а подключение «будущего» подчеркивает не ситуативную, а универсальную его востребованность, нужность, его бессмертие.

Сохраняя память о биографируемом, биограф заботится о том, чтобы его (биографируемого) не забыли в будущем; он сберегает персонажа (а в конечном счете – себя) от смерти.

Тут мы переходим к другому важному аспекту деятельности биографа.

⁸ [Рецензия на: Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847] // Сочинения. 1847, №9, Отд. 3, С.2.

⁹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С.79.

В конечном счете исполнение своего нравственного долга перед биографируемым он осознает как спасение персонажа от смерти. Ведь при наделении жизни смыслом ключевой проблемой является смерть, прерывающая индивидуальное физическое существование и ставящая под вопрос деятельность личности («Зачем жить и действовать, если все равно умрешь?»).

Осознание подобной возможности столь травматично, что человеческое общество неизменно создает компенсаторные механизмы, позволяющие решить проблему смерти, осознать, что главное – не чисто физиологический процесс прекращения отравления организмом своих биологических функций. Простейший ход – разделение индивида на тело и душу, причем смертным объявляется только тело, а душа считается бессмертной (этот комплекс представлений исходит из веры в продолжение личного существования). Такой подход к проблеме смерти существовал тысячелетиями, в разных культурах. Но и в секуляризированном обществе неявно предполагается, что физическая смерть не до конца уничтожает человека. Здесь акцент делается на переключении на сверхличное (семья, народ, родина, государство и т.д.), которое будет «помнить» об индивиде и, таким образом, символически убережет его от смерти.

Считается (хотя обычно это не эксплицируется), что пока человека помнят, пока он существует в сознании других, он не до конца умер, он как бы продолжает свое существование. Приведу следующий пример. Допустим, ваш знакомый уехал далеко, и у вас нет возможности общаться с ним. Вы не знаете, умер он или нет, и хотя физически он уже, возможно, умер, но для вас он еще жив. С другой стороны, родители иногда говорят о своем ребенке, с которым прервали контакты: «Он для нас умер!»

В.Набоков очень ясно и выразительно сформулировал эту идею в одном из своих текстов: «...есть земная возможность бессмертия. Умерший продолжает подробно и разнообразно жить в душах всех людей, знавших его <...> покойник остался на земле во многих образах, иногда гармонически дополняющих друг друга. Но лично знавшие его умрут; вот первая стадия этой продолженной жизни окончена, вот люди знают о нем только понаслышке, по записям, его образ длится, но он скуч и холоден. И нам больно предчувствовать тот будущий холод, – когда только имя будет еще жить»¹⁰.

Издавна выработаны различные формы обеспечения символического бессмертия (или долголетия), прежде всего надгробия и памятники.

Например, на римских погребениях первых веков нашей эры имелась надпись, «указывающая имя покойного, его семейное положение, иногда его социальный статус или профессию, возраст, дату смерти <...>. Надпись часто сопровождается портретом умершего <...>. Назначением надгробия было передать последующим поколениям память об усопшем. <...> Пережить смерть значило не только заручиться гарантиями в эсхатологическом плане, но и со-

¹⁰ Набоков В. Памяти Ю.И.Айхенвальда // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2001. [Т.2]. С.668.

¹¹ Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С.191–192.

хранить славу о себе на земле, будь то в виде надгробия с надписями и знаками или в виде похвального слова писца»¹².

Для профанного сознания на первый план выходит внешний облик умершего, отсюда стремление сохранить его тело (см. мумии, мавзолеи) или хотя бы поместить изображение на надгробие. Как указывал А.Базен, «искусственно закрепить телесную видимость существа – значит вырвать его из потока времени, "прикрепить" его к жизни»¹³. Теперь эту функцию еще успешнее выполняют кино и видео. Для более искушенных, более образованных людей важнее словесное повествование о покойном, запечатление смысла его жизни – прежде всего в форме биографии.

Деятельность биографов для современной России чрезвычайно важна, поскольку здесь массовое сознание обычно осмысливает историю не в рамках генерализованных понятий, закономерностей и тенденций, а через личностные и семейные модели. Поэтому значимы не только идеологические и политические программы (характерно, что современные партии не предъявляют их, а избиратели не очень ими интересуются), сколько лидеры. И история трактуется как цепь биографий. Постоянно тасуются одни и те же наборы персонажей (Петр Первый, Суворов, Кутузов, Ленин, Сталин, Пушкин, Толстой, Менделеев, Гагарин и т.д.)¹⁴.

Но в современной постперестроечной России постепенно формируется и иной подход к биографии со стороны биографов и читателей. Тут персонаж – объект не поклонения, а скандального интереса, и интересен он не только своей профессиональной деятельностью, сколько частной жизнью. Герой здесь – поп-звезда (в этой роли может, впрочем, выступать и спортсмен, и писатель, и даже политический деятель), а задача биографа – не воспеть его, а «сорвать покровы», рассказать о «тайнах» его жизни, описать миф (ср. название одной из книжных серий – «Женщина-миф»), и т.п. Соответственно, биограф видит свою задачу не в том, чтобы сохранить у потомков память о герое, а в том, чтобы заработать побольше денег и по возможности прославиться.

¹² Базен А. Что такое кино? М., 1972. С.40.

¹³ См.: Левинсон А.Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. №2. С.26–29.

Борис Беленкин

Маргинальные биографии: нарушение словарных схем

Борис Исаевич
БЕЛЕНКИН

НИПЦ «Мемориал»
(Москва)

Использование термина «маргинальный» в контексте «биографии» требует пояснения.

На протяжении достаточно длительного времени имея дело с биографическим материалом разного рода, я обратил внимание на ряд, скажем так, общих особенностей биографии советского человека. Речь идет о разных, точнее, о разножанровых биографических текстах: от краткой справки и служебной биографии до развернутого повествования (конечно, вполне легитимного, т.е. официозного характера).

Я говорю вовсе не о схожести биографических схем, не о формализации биографических текстов и тому подобных последствий обитания человека в так называемом «индустриальном» обществе. Нет. Объединяющий смысловой признак особенности советской биографии, на мой взгляд, находится на ином уровне: если иметь в виду традиционную семантику слова «текст», то вне текста биографии, за его пределами¹.

belenkin@memo.ru

¹ Конечно, уместнее было бы говорить о «биографическом тексте» в рамках семиотики, см., напр., у Ю.М.Лотмана: «Текст представляет перед нами не как реализацией сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения

Очевидность того, что претворенная в текст биография советского человека лишена смысла – вообще или же в большой степени, – заставляет искать объяснение этой «обессмыслинности»... Мне показалось наиболее точным и подходящим для определения сути этого общего признака биографии (т.е. ее особенности) – понятие маргинальность².

Почему же я остановился в выборе определения явления на понятии, столь часто ныне употребляемом к месту и не к месту?

Во-первых, всю историю страны Советов можно рассматривать с точки зрения истории маргинальных групп и социумов³. Это история одновременной насилиственной маргинализации групп и социумов и борьбы с маргиналами, и – инициирование, поощрение к маргинализации. Маргинализация населения шла мощными потоками, кампаниями («бывшие», спцы, нэпманы, члены других партий, священнослужители, кулаки, оппозиционеры, «враги народа», ЧСИРы, целые этносы, высланные в отдаленные районы передвойной и в годы войны, советские граждане, побывавшие в плену, угнанные на работу в Германию, находившиеся на оккупированной территории, имеющие родственников за границей, и др.). С другой стороны – разного рода «социальные» выдвиженцы, двадцатипятисячники, переселенцы, «искатели счастья», строители промышленных гигантов, путешественники-первоходцы, осваивающие земель, летчики-перелетчики и полярники на льдинах, пограничники, эвакуанты⁴... Итак, маргинальность стала характерной чертой урбанизированного (в первую очередь) населения.

Или, другими словами: в результате репрессивной и социально-экономической политики доля маргиналов в обществе становится весьма существенной. Можно даже говорить о тотальной маргинализации. К послевоенному периоду общее число граждан, принадлежащих или когда-то принадлежавших (считая с начала 1920-х годов) к маргинальным группам, категориям, социумам, достигло критической массы. Ограничение в правах, включая потомство – детей, в силу

► и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 тт. Т.1. Таллинн. Александра, 1992. С.132).

² «Маргинал (лат. *marginales* – находящийся на краю). 1. Тот, кто утратил прежние социальные связи и не приспособился к новым условиям жизни (обычно о представителях национальных меньшинств, мигрантах, выходцах из деревни). <...>» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998).

³ См. в кн.: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / Отв. ред. С.А.Красильников. Сиб. Отд-ние РАН. Ин-тистории. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 2004.

⁴ В хрущевско-брежневскую эпоху – целинники, геологи, строители БАМа, Асуанской плотины... Недаром единственный за всю дорожбачевскую историю юридически оформленный процесс демаргинализации – реабилитация эпохи ХХ съезда (в том числе возвращение репрессированных народов) – был процессом половинчатым и незавершенным. В стране одновременно обитали миллионы поощряемых властями маргиналов-мигрантов и миллионы преследуемых парий общества. Рабочего поощряют учиться в институте, москвича-филолога отправляют по распределению на край света... Сюда же можно отнести такие специфические проявления «пограничности», как, например, садовые участки, где горожане приобщались к сельскому труду, командировки за рубеж (какие-нибудь три года работы в каком-нибудь Алжире означали и последующий карьерный рост, и материальное благополучие), отправка рабочего на учебу на вечернее отделение института (для последующего продвижения)... Кроме того – особенно в 1960–1970-е гг. – стали давать о себе знать следы социальной, идеологической, культурной амбивалентности.

ряда очевидных причин становилось невозможным: число «ограниченных» могло составить слишком впечатительную цифру. Приходилось практиковать дифференцированный подход: ограничения по отношению к целым группам и категориям населения становились формально неактуальными (что, начиная с конца 1930-х гг., легко было рифмовать с Конституцией 1936 года).

Все кончилось тем, что советский человек однажды проснулся утром без своей биографии. Неважно, когда это произошло: в 1933, 1934, или 1937 году. Формально официальной датой утери советским человеком своей биографии можно считать 5 декабря 1936 года. До этого общество, законодательно делившееся на маргиналов и немаргиналов, еще могло тешить себя иллюзиями насчет обладания некоторыми дифференцированными текстами биографий. В один день исчезли лишенцы, спецы, эксплуататорские классы и т.п. маргинальные группы и социумы. Реальность закончилась. Врагом народа мог стать подсобный рабочий и маршал, колхозник и писатель, большевик – член ЦК и бывший, но не очень раскаявшийся эсер, ученый и священник и т.д. и т.п.

Если суммировать число выживших, скажем, к 1947 году всех представителей перечисленных маргинальных групп и их детей – получатся десятки миллионов.

Сколько должен был утаивать, скрывать, о скольком должен был умалчивать советский человек в анкетах, автобиографиях, рассказах, письмах, мемуарах (рассчитанных на читателей-современников), на следствии – где угодно, во всем, что оставляет и письменный, и даже устный след!

Одной из форм репрессии становится лишение человека его биографии. «Отсутствие биографии» становится элементом идеологии, социокультурным феноменом. Собственно, отсутствие – и есть результат этого непрекращающегося смещения, и есть логическое завершение движения биографии к краю, за край, в никуда.

Но одновременно другая жизнь, жизнь «вне биографии» брала свое. В конце сороковых – начале пятидесятых где-нибудь на Урале или за Уралом дочь кулака встречала сына строителя Магнитки и – почему бы нет?! Сын репрессированных родителей встречал на своем жизненном пути дочь героя-партизана и – почему бы нет?! И так далее, и тому подобное. Население страны перемешалось, как коктейль, как какая-нибудь «Слеза комсомолки». Но со всем этим «кровосмешением» биографический текст справиться не мог. Пункты и графы всевозможных анкет заполнять по существу становилось все сложней. Пока социально-маргинальная ситуация превращалась в нечто усложненное, запутанное – от текста биографии требовалась все большая простота, легкость, наконец, пустота.

Биография как текст переместилась на край реальности, на ее границу: отдельно взятые слова вроде бы напоминали нечто бывшее в действительности (имя... фамилия... отчество... родился... мать... отец... город... село... национальность...), но соединенное, слитое в анкете, автобиографии, характеристике, в развернутых жанрах (статья, беллетризованное произведение и др.) пребывало на грани или даже за гранью реального.

Проживая одну жизнь, советский человек отображал, фиксировал нечто искаженное или совершенно иное, нечто совершенно неважное, периферий-

ное, дутое, пустое... Достаточно быстро исчез повод (возможность) воспроизвести свою/чужую жизнь, ставя перед собой задачу аутентичного отображения... Большинство формулируемых биографических сведений основаны на смещении (лексико-семантическом, интонационном и др.).

Одна из причин постепенной маргинализации жанра «биография» – его «пограничность» в советских условиях, функциональное многообразие и несовместимость этих функций (например, одновременное присутствие в рамках одного и того же текста функций научно-познавательных и идеино-политических).

Постепенно реальность уступила в биографии место канону, точнее, превратилась в некое подобие «пустографии» с заранее известными правилами и приемами заполнения. Сведения о том, что одного деда раскулачили, другого деда-коммуниста посадили и расстреляли, что родители родились в ссылке, – в 1960–1980-е годы среднестатистическим носителем подобной родословной могли нигде не отражаться (если, конечно, носитель не претендовал на работу в особо престижных или секретных учреждениях, на поездку за границу). На передний же план маргинализации выходил факт евреяства владельца биографии.

Фрагменты, ячейки биографии становились объектами многочисленных анекдотов: социальное происхождение, участие в революции и войнах, вступление в партию (партийность как необходимый элемент карьеры), национальность...

В различные периоды как проживания, так и «написания» биографии такие основополагающие факты, как происхождение, образование, служебный список, могли кардинально пересматриваться и «изменяться». Могли менять семантику. Так, происхождение из «профессорской семьи» могло быть представлено как «из семьи служащих», должность лаборанта в химическом институте – как «рабочий», образование начальное – как «незаконченное среднее». В этом же ряду то, что факты биографии, которые нельзя было представить в более или менее приукрашенном (на данный исторический период) виде, – предпочтительнее было вообще скрыть.

К 1970-м годам оказалась навсегда утерянной возможность использования биографии как инструмента тотального контроля.

Постоянство оппозиции (официальное–неофициальное, скрытое–явное и т.д.) и постоянство существования биографируемого на грани двух (иногда взаимонепроникающих, взаимоисключающих) «биографических» пространств не могли не иметь и социально-политических и культурных последствий.

Биографии разделились на анкету (неважно, как называть сей вариант и как он мог быть воспроизведен) и на то, что «на самом деле». В анкете – социальное положение, национальность, партстаж, семейное положение, трудовые вехи и т.д. В жизни – зарплата в конвертах, блядки на даче, товары из закрытых распределителей, брат-алкоголик, женатый на еврейке, домработница из раскулаченных, теща из «бывших», сын стиляга⁵...

Тексту биографии, т.е. некоему псевдожизнеописанию, формальному протоколу мало что значащих по существу жизненных вех противопоставлялась частная жизнь, никак или почти никак с этим текстом не взаимодействующая.

Понятия «престижность», «успех» для эпохи 1950–1980-х годов перестают соответствовать анкетным данным.

Среднестатистическим советским человеком последние сорок лет существования СССР биография не делалась, он, этот человек, совершаил действия, соответствующие «биографическим требованиям». Биография делала человека. По замыслу – делала человека, абсолютно не свободного. Получалось: биографический текст, созидающий образ (объект), а не биографируемый (объект), создающий свою биографию (проживающий свою жизнь). Получалось – не человек создает свою биографию, а биография создает человека! Биографируемый как член общества и имеющий свое публичное «я» делегировал это «я» тексту. Это текстовое «я» имело набор своих сущностных характеристик.

В то время как во многих западных странах укреплялась модель жизни, позже названная «протестантской этикой» – когда образование, таланты и трудолюбие награждаются высоким уровнем жизни, хорошей зарплатой и достатком, в России такие обыденные ценности, как карьерный рост (даже в самом идеальном понимании смысла слов), подвергались недоверию в общественном сознании. Жизненный опыт подсказывал, что успешная карьера слишком редко бывает непосредственно связана с достоинствами того или иного человека, а скорее обусловлена «связями», умением прогнуться перед начальством или отпихнуть соперника.

Многие профессии стали восприниматься как однозначно недостойные. Или, наоборот, как героические, несмотря на их подчеркнуто мирный характер. Подобные отношения нашли наиболее яркое отражение в кинематографе (или даже формировались им самим). Например, отрицательные персонажи работали в сфере торговли и общепита («Дайте жалобную книгу», Мосфильм, 1965; «Берегись автомобиля», Мосфильм, 1966), а положительными были геологи («Дом, в котором я живу», Киностудия им. М. Горького, 1957; «Неотправленное письмо», Мосфильм, 1959), врачи («Дорогой мой человек», Ленфильм, 1958; «Коллеги», Мосфильм, 1962; «День счастья», Ленфильм, 1963), в начале и середине 60-х эстафету героической профессии приняла физика («9 дней одного года», Мосфильм, 1961; «Иду на грозу», Ленфильм, 1965; «Здравствуй, это я!», Арменфильм, 1965). В кино, например, служащем в большой мере иллюстрацией «правильной биографии» или даже ее каноном, семейный достаток в виде дачи, машины или даже хороший библиотеки вызывал столь противоречивые эмоции (от тайной зависти до откровенной подозрительности), что его, этот достаток, предпочтительнее было или скрывать, или оправдывать случайной премией⁵.

В результате биограф должен был из постоянно меняющихся наслоений и ориентиров выплыть нечто, соответствующее не столько конкретному пер-

⁵ Это условные «картинки» из эпохи 1950-х.. «Двойное дно» последующих эпох имело свои характерные типологии, реконструировать которые, полагаю, излишне.

⁶ Почему-то приходит на память эпизод из фильма «Берегись автомобиля», когда Смоктуновский-Деточкин попадает в капкан. К машине, где прячется перепутанный главный герой, подходит кампания во главе с хозяином машины Мироновым-Семицветовым.. Симптоматично, что всю эту нарядную разодетую кампанию кинокритик Н. Зоркая назвала «рыцарями прилавка».

сонажу, сколько трафарету, подходящему под образ Ученого, Революционера, Передового рабочего, Директора завода, Потомственной колхозницы и т.д., и вставить в этот трафарет ФИО.

Человек «тексту жизни» не сопротивлялся, но по-своему мстил. Мстил своему «я», противопоставляя другое «я»! Сорока часам еженедельной несвободы противостояли 128 часов частной жизни, если не считать сон – то 65–70 часов свободы от службы, ну, если вычесть дорогу на работу и обратно, то получится все равно больше 50 часов в неделю свободы, часов вне биографии! Вне текстового «я»! Вне биографии будет всё, или почти всё: бытовое пьянство,очные стояния за итальянскими осенними сапогами, поход на Клязьму с друзьями, Зинка из соседнего подъезда, слепая копия «Доктора Живаго», преферанс до 5 утра, отпуск в Судаке, самоучитель польского языка и чтение нового романа Хмелевской, подработка частными уроками по математике, прогулки с Рексом по парку, аборт... И все больше и больше – именно в эти пятьдесят часов жизни вне биографии..

Можно сказать так: основной составляющей биографии советского человека становится повседневность. История повседневности становится главным пространством формирования контрибиографии.

Грандиозный проект «Биография советского человека» (деятеля партии и правительства, военачальника, так называемого рядового участника войн и революций, то есть ветерана, героя ВОВ, героя труда – передовика производства, космонавта, дипломата ленинской школы, чекиста, деятеля литературы и искусства, ученого и т.д. и т.п.) лопнул, провалился именно тогда, когда определились каноны и круг объектов описания, жанры и стили. Понятно, что окончательно проект лопнул в самом начале 1970-х, умирание длилось ровно двадцать лет, начавшись с кино 1940-х и закончившись нескончаемыми серийными изданиями⁷. Биография постепенно превратилась в игровое поле с жестко обозначенными границами, с заранее установленными правилами, перечнем ролевых функций. Движение по этому полю сравнимо с движением по дефиле, ступать налево и направо не рекомендуется и опасно. Для существования в этой жизни можно перейти в иное качество, маргинальное, но вовсе не обязательно столь стеснительное и опасное для самой жизни, как это было в предыдущие эпохи. Несоблюдение правил игры почти неминуемо приводило к прекращению биографии, биография теряла свои функции, свое значение, как прекращается любая игра при нарушении или несоблюдении играющим ее правил.

В 1960-е и, в меньшей степени, в 1970-е гг. в контексте определенных особенностей общественно-политической и культурной жизни СССР широкую известность получили попытки заявить о другой биографии человека XX века. «Реабилитировать» биографию пытались некоторые беллетристы и литераторы. (Но все эти попытки либо быстро пресекались, либо видятся сегодня

⁷ В том числе ныне благополучно забытые серии Политиздата, «Молодой гвардии», «Знания», «Герои и подвиги», «Герои Советской Родины», «Борцы за великое дело», «Пионер – значит первый», «Прочти, товарищ!» и др. Не отставали и местные издательства: «Борцы за советскую власть в [название региона]», «Герои Гражданской войны в [название региона]».

достаточно робкими.) В кино это сделал Герц Франк в документальном фильме «Без легенд» (Свердловская киностудия, 1972), в литературоведении – Аркадий Белинков в своем «Юрии Тынянове» (2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1965) и публикациях об Олеше в журнале «Байкал» (1968, №1, 2), беллетрист Юрий Трифонов в документально-биографической повести «Отблеск костра» (Сов. писатель, 1966), а затем в беллетризованном «Старике», опубликованном в журнале «Дружба народов» (1978, №3). Чуть позже Юрий Давыдов коснулся, правда, начала XX века в документальной повести-исследовании «Герман Лопатин, его друзья и его враги». Опыты оказались сколь яркими, столь и немногочисленными. Все остальное, уже неподцензурное, касалось зарубежных публикаций и самиздата.

Недаром одно из первых и вполне справедливо претендующих на научность изданий, противопоставлявшееся и составителями, и читателями официозной истории XX века, в том числе в биографии, называлось «Память». Не имевшие доступа к определенного рода архивам авторы и составители в первую очередь «делали ставку» на воспоминания, на устные свидетельства. Оказывается, именно «предание», память – и есть бесспорно «общественно-нормальное», противопоставляемое в нашем случае (или – в том числе) и советской биографии, и советской биографии⁸.

Текст Феликса Светова, отмеченный премией Даля, так и назывался – «Опыт биографии»⁹, кстати, опыт этот оказался вполне своевременным и оригинальным.

Совершенно отдельно стоит проблема «Маргинал "по биографии" и "по жизни"» (так же, как отдельно стоит проблема «владения биографией»); при этом биография маргинала может рассматриваться и как частный случай «маргинальной биографии», и как совершенно отдельное явление.

Человек с биографией стал опасен для государства. Одними из самых опасных лиц стали перебежчики, иначе – «невозвращенцы». Самое опасное, самое гнусное, что они могли сделать для государства, для режима, – это рассказать о своей жизни, о своем личном опыте биографии. Личный опыт, личное свидетельство становилось грозным оружием против системы. Вспоминается ахматовское: «А рыжему-то биографию делают...» В смысле того, что в биографии Бродского нарушена традиционная схема, канва, волей государства поэт не просто становится маргиналом, но и страдальцем за свои убеждения...

Слом биографической схемы мог обойтись довольно дорого. Незаконченность образования (среднего ли, высшего ли), не та национальность, нечленство в ВЛКСМ (в соответствующем возрасте), частая смена места работы, работа не по специальности, перерыв в рабочем стаже, судимость, зафик-

⁸ Собственно, после гениальной метафоры – «Зеленая лягушка» вместо человека, вымыщенная тварь, проживающая в водоемах Средне-Русской полосы, вместо академика Зеленина, чем-то не угодившего властям и потому в срочном порядке выброшенного из энциклопедии и замененного на указанную мифическую тварь... – собственно, после этого приводить какие-то дополнительные доказательства маргинальности биографического текста в советских условиях – излишне.

⁹ Светов Ф. Опыт биографии. Paris: YMCA-PRESS, 1985.

сированные взыскания... Кроме того, оставаясь, как правило, вне анкеты, могли найти отражение (т.е. быть зафиксированы) в таком формализованном документе, как характеристика: сигнал по месту работы из «компетентных органов», демонстративный отказ от участия в общественной работе и соответствующих мероприятиях, нескрываемые религиозность, «не та» сексуальная ориентация и прочая «аморалка»¹⁰. Собственно, не так уж и много места для «проколов»¹¹.

А если не «прокалываться», то соблюдение нехитрых правил игры позволяло легко вести «другую жизнь», внутреннюю, частную, в кругу семьи, в двух семьях, в кругу друзей, единомышленников, событъльников, картежников... Замечательность советских формальных биографических текстов брежневского периода именно в том, что «вычислить» по ним человека было почти невозможно...

Что касается темы «Маргинальная биография в постсоветский период», то отмечу лишь проблемы:

- движение от попыток разрушения советских стереотипов к созданию новых и повторению старых схем, канонов и т.п.; от опыта слияния биографии (биографируемого) с идеологией (режимом, властью и т.п.) к опыту (попытке) их полного отчуждения;
- социальная стратификация на новом этапе; биограф (и биографируемый) в переходную эпоху;
- процесс «возвращения в историю»; источниковедческие проблемы; невыверенность, неточность сведений;
- «невозможность соседства» фрагментов (частей, элементов) биографии (биосправки); нарушение причинно-следственных связей; двусмысличество в подаче и восприятии факта/события как результат отсутствия базисных моральных (нравственных) критерий (хорошо/плохо, нравственно/безнравственно);
- допущения-недопущения смешения биографических канонов, схем, жанров;
- человек XX века и его «биографическая справка»: кризис и умирание жанра.

Иллюстрацией части перечисленных проблем современной биографики может стать, например, сравнение некоторых текстов из Словаря репрессированных ученых-востоковедов¹² и из сборника «Репрессированные этнографы»¹³.

¹⁰ В советских характеристиках 1950–1980-х широко использовались устойчивые обороты и формулировки (например: «политически грамотен», «морально устойчив» и т.п.). Маркирующим было как отсутствие «заклинательных» формулировок (что уже само по себе указывало на маргинальность характеризуемого), так и, наоборот, присутствие «негатива» (например, при увольнении с работы или отчислении из института) в виде также устоявшихся формулировок. Фразеологический оборот в таких случаях начинался со стандартного «в связи с...», а далее использовался подходящий к случаю стандарт («в связи с несоответствием званию советского студента...» и т.п.).

¹¹ Например, В.В.Жириновскому, окончившему престижный вуз, кратковременная отсидка в турецкой тюрьме за неуместно проявленный комсомольский идеализм навсегда испортила советскую карьеру.

¹² Люди и судьбы: биобиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

¹³ Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Вост. лит., 2003.

Сравним биографические записи, тексты, посвященные двум фигурантам – Альберту Николаевичу Липскому и Александру Михайловичу Золотареву. В Словаре тексты представляют собой словарные статьи, небольшие по объему, в один-два столбца, с пристатейной библиографией. В сборнике «Репрессированные этнографы» – развернутые статьи объемом одна 20, другая 38 страниц (!) тоже с пристатейной (и весьма внушительной) библиографией. Издания вышли почти одновременно (с разницей приблизительно в полгода), готовились долго. Работы велись совершенно разными коллективами авторов, друг с другом, судя по всему, никак не контактировавшими и, может быть, даже не знавшими о работе друг друга. Общее впечатление – многочисленные и поразительные несовпадения.

Да, конечно, разные жанры, разные способы подачи материала, разные возможности (учитывая жанры и вытекающие из этих жанров объемы статей). Золотарев предстает в развернутой статье О.Ю.Артемова в основном в качестве исследователя, 15 из 20 страниц посвящены анализу-пересказу научных трудов этнографа. О его нелепом аресте и скорой смерти в лагере – беглый вступительный абзац; затем читатель в основном погружен в научные дебри изысканий молодого ученого в области происхождения дуалистических космогоний юкагиров или что-то в этом роде. В статье биобиблиографического словаря более или менее сохранен баланс между сведениями из научной деятельности Золотарева и другого рода фактами и событиями биографии. В развернутой статье потонули, а в справке не нашлось места сведениям о «живом» Золотареве – самым интересным, на мой взгляд, событиям его жизни.

Итак, научная деятельность этнографа-востоковеда длилась, собственно, в общей сложности менее десяти лет и прекратилась, когда Золотареву было 34 года. Он был молод, красив, спортивен, по складу своему – типичный супермен, смелый, обаятельный, увлекающийся и очень искренний человек (последнее и погубило – сперва карьеру, затем жизнь). В словаре комсомольско-троцкистскому, назовем его так, эпизоду посвящено целых десять строк, при этом кандидат в члены РКСМ (т.е. комсомола) назван «активным комсомольским работником». Конечно, история – хоть и вздорная, тем не менее, наполнившая отпечаток на всю последующую короткую жизнь, достойна упоминания! Но почему нельзя дать какие-то человеческие и адекватные характеристики (как я понимаю, известные автору статьи в Словаре), очень уместные для создания полноты образа в ограниченной по объему и жанру справочной статье?! Кто и почему определил канон? В случае с Золотаревым жаль еще и потому, что в представленной в Словаре статье собранные сведения претендуют именно на создание образа, что редкость!

Совершенно иная картина с Липским.

Как известно, серьезным людям лучше с авантюристами не связываться, они сложнее всего поддаются «учету и контролю». Автор статьи С.И.Вайнштейн наивно поверил байкам Липского, и у него вышел преследуемый Роком романтик, М.Сорокина не поверила ни одному слову – и получился монстр, «этнограф с пистолетом». В результате в двух вышедших почти одновременно изданиях в текстах, посвященных Липскому, не совпадают: год рождения (от того, какой вариант истинный, зависит достоверность половины материала Вайнш-

тейна), социальное происхождение, годы учебы в университете, годы участия в первых экспедициях, место работы в середине 20-х годов, даты освобождения из лагеря и реабилитации.

Перед нами либо случай изобилия ошибок и неточностей в небольшой статье, по сути справке (Сорокина), либо случай некритического воспроизведения мифологических источников (Вайнштейн), либо случай пользования совершенно разными источниками, в равной степени достоверными или недостоверными, проверка которых по каким-либо причинам для авторов была затруднительна. Но пользователю все три объяснения, вежливо говоря, малоподробны. Шекспировские страсти и бесспорные научные достижения (у Вайнштейна) и малосимпатичный авантюрист, чекист-доносчик, чекист-клеветник с неубедительным научным багажом (у Сорокиной)... Перед нами наглядная иллюстрация того, как случаи нарушения словарных схем – а жизненный путь Липского, похоже, весь состоит из таких «нарушений» – приводят биографов в состояние растерянности, необъективности и предвзятости, некорректности.

Вайнштейн не скрывает, что хочет «сосредоточить внимание прежде всего на романтике, научном подвижничестве и трагедиях в жизни крупного этнографа и археолога». Сорокина пишет: «Уже в эти годы о нем отзывались как об авантюристе и называли его "этнографом с пистолетом"», – и далее: «Отличился в травле В.К.Арсеньева, в работах которого находил отсутствие марксистского подхода», – и далее: «В 1960-е продолжал утверждать, будто В.К.Арсеньев был "шпионом и террористом"».

Прервем рассмотрение этих, вполне характерных, примеров и подведем некоторые итоги.

Биография перестает быть своего рода итоговым документом, текстом, перестает быть жизнеописанием (в случае биографической словарной статьи – конспектом или тезисами этого жизнеописания); не жизнь и предания об этой жизни становятся поводом для описания, а, наоборот, бытование «преданий» становится следствием, результатом появления «жития» (что – нонсенс!).

Диагноз: данный и подобные ему тексты находятся на границе между реальностью и мифом, вымыслом. Биографический текст постоянно балансирует между такими базовыми компонентами и приметами, как реальность/вымысел (миф); информация/дезинформация; сведения/умолчания; точность/неточность (приблизительность). Выверенный, легитимный текст с соблюдением соответствующих канонов призван скрыть главное – маргинальность его хозяина.

Борис Дубин

Границы и ресурсы автобиографического письма

(по запискам Евгении Киселевой)

**Борис Владимирович
ДУБИН**

ведущий научный сотрудник
Аналитического центра
Юрия Левады (Левада-Центр)

Мой источник – опубликованные восемь лет назад специализированным издательством в научных целях автобиографические записи Евгении Григорьевны Киселевой (урожденной Кишмаревой, 1916–1990)¹. Обычно они рассматривались исследователями в двух перспективах: «наивной литературы» («наивного письма») и «гендерных стратегий» (альтернативных форм построения идентичности, способов самоописания). Иными словами, текст Киселевой интересовал ученых как «другое» – другая, неканоническая, непрофессиональная словесность, либо другая, опять-таки неканоническая, немужская и не «благородная» идентичность. Меня как социолога в этом тексте, его коммуникативной конструкции интересуют, напротив, нормы, а именно:

- к каким структурам, формам, инстанциям социальности автор обращает свой рассказ о себе от первого лица;
- какие (чьи) символические и смысловые ресурсы при этом использует, их дефицитность;

¹ Киселева-Кишмарева-Тюричева [Е.Г.] Я так так хочу назвать кино // Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996. С.89–244.

- каково отношение между разными планами повествования, а значит – как задается структура «я» и конструкция «реальности» («моей» и других проекций).

Данная работа – один из очерков по антропологии советского человека в перспективе дефицита и патологии социальности в советском обществе 1930-х – 1970-х².

Евгения Григорьевна Киселева родилась в крестьянской семье на хуторе Новозвановка (Луганская область, Украина). У нее пять классов образования, полученного в украинской школе, отсюда украинизмы и полонизмы в ее письменной речи. Позднее она работала официанткой в столовой, грузчиком, стражем на стройке, в отделе охраны шахтоуправления г. Первомайска («Я живу в Первомайске там где и до войны жила только улицу переменила, и шахту», – скажет она потом о себе на старости лет). Перебивалась случайными заработками, вела подсобное хозяйство. Свои записки (с элементами дневника, поскольку каждая запись датирована) она пишет во второй половине 1970-х – середине 1980-х гг. – от времен позднего Брежнева до начальной эпохи Горбачева. Но начальным травматическим событием, открывавшим рассказ о себе, выступает, как можно понять, война. Неизменность заданных рамок привычного социального существования, советского образа жизни приходит в столкновение с исключительным событием войны и всем, что герояния, молодая женщина, мать двоих детей, пережила лично³.

В детстве я жила невесома материально хорошо, семья моя была большая. Отец, мать, сестра Нюся, Вера и два брата – Ваня, Витя и я. 17 лет я вышла замуж. Это в 1933 году.

Был у меня муж Киселев Гаврил Дмитриевич. Жили мы с ним 9 лет было у нас два сына Витя и Толя, рожденные в 1935 году 5.IV, а Анатолий с 1941 г. 22 июня. Жили мы с мужем очень хорошо, но когда началась война в 1941 году она нас разлучила навсегда. и началися мои страдания. Мой муж Киселев Г.Д. работал до войны до 1941 года в Пожарной команде, ровно 10 лет, когда началась война году его эвакуировали с машинами назначили его потому он был партийный, и авторитетный командир в пожарной доверенное лицо какому можно доверить все социалистическое имущество. Началась война меня он с детьми отправил до мамы и отца в хутор Новозвановку Поласнянского р/н, где мое детство проходило в этом хуторе, а сам поехал эвакуировался из машинами в г. Саратов. И в скором времени Новозвановку захватили немцы.

² Проблематика статьи в данном конкретном случае определена рамками общего с Алексисом Береловичем исследовательского замысла, посвященного нескольким типовым разновидностям автобиографий позднесоветской эпохи; эту работу, как пока предполагается, войдут также записи И. Зренбурга, В. Буковского, Г. Жукова (или А. Васильевского) и ряд других.

³ Исследователи отметят, что такая болезненная значимость происходившего тридцать пять лет – больше, чем полжизни, – назад заставляет задуматься о непреодоленном трагизме случившегося тогда в позднейшей памяти, непреодоленности даже при всем том нагнетании парадно-триумфальных сторон войны, ходульной риторики «великой победы» и проч., которые заполнили советские масс-медиа после 1965 г. и тогдашней юбилейной речи Л. Брежнева.

Уже здесь, как мне кажется, намечены опорные смысловые линии самоописания, в дальнейшем они проходят через весь текст:

- семья (постоянный круг первичного самоотнесения);
- имущественное положение (зарплата, сбережения, еда и угощение, одежда, квартира, обычно с точным указанием цен, – комплекс значений своего места в жизни, порядка и стабильности, данных обычно в негативном залоге – как то, чего нет, чего предельно мало или что отнято, недоступно);
- официальная точка зрения на жизнь, положение и заслуги человека;
- страдания – модус существования как претерпевания и выживания на минимальном уровне;
- война – главная, всеобщая, Отечественная; событие, в ретроспекции дающее возможность мысленно совместить свои мучения с испытанием для всех, соединить – именно в данном страдательном залоге – собственное «я» с предельным коллективным «мы».

Главным смысловым планом отсылок в тексте выступает официально-учетный, идеологически-советский. Таков основной ресурс значений для генерализации повествователем образа своего «я» и обстоятельств собственной жизни. Этот план задается двумя семантическими измерениями:

1) технология государственного управления (централизованного учета и распределения трудовых ресурсов), которая определяет точку зрения на себя как «другого»: даже при описании близких воспроизводится терминология и позиция отдела кадров, паспортного стола, учетного листка, стандартизированной «биографии» (в написании официальных документов даются даты, приводятся названия мест действия – «г[ород] Муром», «х[утор] Новозвановка», инициалы располагаются после фамилии упоминаемых людей, личные имена сопровождаются указанием должности и партийности, перечнем наград и заслуг);

2) идеологическая легенда власти, определяющая границы и значение коллективного «мы»; этот план будет задаваться в тексте цитатами из сообщений радио, но особенно – телевидения («Американский руководитель Вашингтона», смерть «Брежнева Лионида И.»), советской идеологической риторикой («Ленин говорил кто работает тот и ест»), – точно так же сам нынешний день повествователя структурируется радио- и телепрограммой, сеткой актуальных телепередач.

Образами непременных врагов, фигурами, вызывающими враждебность и недоверие, для Киселевой обычно выступают американцы, немцы, поляки, самым близким «другом» – Фидель Кастро. Но основная позитивная точка, смысловой центр мира – масс-медиальный образ Брежнева:

...съехались социалистические страны руководители, смотрю на них все люди как люди, нет разницы между народами, а вот на немцев немогу смотреть равнодушно аны наши враги а теперь циуют нашего любимого и защитника мира Брежнева Л.И. как вроде такие хорошие гады проклятие розрываются мои раны хотя оны коммунисти, сидят на креслах в дворцах культуры жизнерадостные одети прилично а мне все кажется оны в тех шинелях в зелених, в сапогах с подковами, который

очувствуется ихний стук шагов и собственная пичаль на душе томится до сих пор, и все думается что оны нас обманутуть так как в 1941 году Нагрузили наши Ешалон хлеба им а оны поблагодарили нам войной, поуничижали 20 миллионов людей Сталин был доверчив и милостив, все неевреирил что Гитлер такой извист человеческого существования, на утром в 4 часа 22 июня 1941 года пошел войной на нашу любимую родину. гады проклятыи, нашим салом да нам помусалам.

Другой, наряду с официальным, тоже всеобщий и анонимный план самосоотнесения Киселевой – внеидеологический, традиционалистский ресурс для обобщения опыта – русские и украинские пословицы, поговорки, песни. Эти нормы отсылают к коллективной традиции, но нередко восприняты повествователем через те же масс-медиа – удостоверенные государственным авторитетом радио, телевидение, кино («луганая ворона каждого куста боится», «отрезана скыба от хлиба, теперь ее не притулиш», «милая Моя, милое создание взял чимодан сказал досвидание»⁴, песня на мотив «Ромашки спрятались»⁵ и т.п.).

Наконец, «нижний» план собственно личного опыта, как будто не редуцируемого к готовым стереотипам идеологии или традиции, характеризует отношения повествователя с непосредственными современниками. Это семья, соседи, товарищи по работе, все остальные: представители власти («начальники»), люди с ресурсами, возможный источник помощи и, вместе с тем, предмет зависти и раздражения.

Развернутый в тексте личный опыт дан как последовательное переживание ситуаций лишения, в которые попадает героиня-повествовательница, и ее попыток отстоять хотя бы что-то из того, что у нее и ее близких есть и чего она так или иначе лишается с течением жизни. Больше того, сам этот опыт представлен в записках как напряжение между традиционными, позитивными установками на «семью», ее высокой значимостью – и постоянным сужением круга семейного общения, который, к тому же, нарушается вторжением различных форм патологической социальности. Причем это разрушительное начало вносят именно члены семьи, ближайшие родственники и их семьи (тунеядство, пьянство, измены мужа, столкновения с детьми и внуками; денежные, вещевые и квартирные свары; злоба, бытовая агрессия словом и действием). Взвинченность, недоверие и подозрительность, злоба, прямая агрессия и рассеянная ксенофобия (направленная на татар, армян и других, но не на евреев, кажется, ни разу не упомянутых в тексте Киселевой напрямую), характерны как для окружающих, так и для самой героини-повествовательницы. Она постоянно недовольна другими, злится и ругается на них или настырно их поучает, а это, в свою очередь, вызывает новые вспышки взаимного недовольства и агрессии участников.

⁴ А. В. Блюм в личной беседе любезно указал нам, что в тридцатые годы первая половина этих стихов неизвестного сочинения рамочкой входила в типовое оформление «художественных» фотографий, даримых близким, посыпавшихся почтой и т.п.

⁵ Песня из кинофильма Леонида Марыгина «Моя улица» (1970), музыка Евгения Птичника, слова Игоря Шаферана.

То есть в поведении и тексте повествовательницы постоянно воспроизводится обвинительно-автовиктимизирующая позиция, тут же оборачивающаяся с ее стороны «ответной» или даже предупредительной агрессией («дать сдачи первой»), что и составляет привычный горизонт повседневного существования описываемых в тексте людей, прежде всего – самых близких.

Я хватала из тачки дрын, ударила дверь ногой она разтворилась, в там уже стол накрытый, и бутылка на столе я как ударю постолу дрыном так и разбила все что было на столе, а он за хуражку, за пальто, и хода из комнаты, но я не вышла а схватила эту любовницу за волоса и ногой б'ю в живот и в гречишное место, вырвала волосы да еще тащю что-бы вырвать волосы даю ей дрозды зделалася как змия, а потом думаю скем еще подратся, где он идиот я бы и ему дала чертей конечно знаю что я неправильно делаю, но я сама-собой невладаю, так розтроилася, прихожу домой а его нету через некоторое время он приходит я вцепилася и за ниво кинулася как змия а он меня схватил за волосы да об чистялку головою, сеалил пошла у нас потасовка подралися, я его выгнало он забирает вещи и уходит к ней, ходят по улицам пьяные оба и появляются по нашей улице Микояна подручку ходят, вот прошло девять дней является, начал проситься ах ты кабель до каких ты пор будиш женится [отделяться (укр.)] от меня идиот проклятый, принимаю обратно как закалдовано на чертей-бе он мне нужин колотится сама знаю что ненада сходится схожуся. Начинаем жить обратно такой хороший зделается, печку ростоплюет, воду носить меня без конца цикует Женечек моя дорогая, там мне все чужое, тут дома мне так хорошо, а чибо ты так делаешь говорю буть ты хороший а мы сим' хорошая мы любим ласку, но не розрват.

Жизненная роль героини состоит в том, чтобы выжить. Но выжить так, чтобы не отняли то немногое, что у нее осталось (так она отругивается от внука – инвалида, бездельника и пьяницы). Вместе с тем Е.Г.Киселева стремится сохранить позитивную самооценку работницы, матери и бабушки, хорошей соседки. Но при этом она каждый раз напоминает себе и окружающим о традиционной норме (долге) отношений младших со старшими, девичьей морали и т.п., а также о тех или иных элементах советского морального кодекса («ценность труда», «борьба за мир», объятия и поцелуи Брежнева, вызывающие у повествовательницы – по контрасту с ее собственной жизнью и постоянным чувством опасности извне, психологией «вражеского окружения» – особое умиление). Таким образом, структура едва ли не каждого повествовательного эпизода задается для Киселевой столкновением нормы с фактом или угрозой ее нарушения, отклонения от нее, а все повествование предстает цепочкой таких однотипно повторяющихся, раз за разом воспроизводимых срывов, крахов, катастроф.

...как я понимаю Брежнев достойный всему миру своим отношением к людям не только к нам в нашей стране многонациональной а и за рубежными странами, я горжуся своим руководством в нашей стране Идет

Брежнев в зале засиданию сезда на трибуну гордо стройно с улибочкой, несмотря что ему семдесят лет, а ему подымает дух гордость и умество, завоевал сколько стран без слез и крови, а поцелуями и обятиями. Дорогой наш Лионид Ильич Брежнев я пишу эту книгу, и знаю что Гитлер попил моря слез и окианы крови, знаю в тысячу девятсот сорок фтором году, в г. Первомайске в клуб имени Коволенко загнали неизвестное количество наших солдат пленных замкнули и поставили охрану, забили окна и эти солдаты померли из голода, там и оправлялися и умирали не сразу, и живые нухали мертвых смрад и все как один погибли, а потом подогнали машину после месяца, и грузили как дрова, а нас ганяли колать ямы для дохлых солдат, вот там и лягла ихня молодость, вед они хотели жить и россвятить, как россвятает молодость, и наслаждаться жизнью. Но сичас такого возроста люди верней молодеж не понимают что такое плохо, одеты обуты кушают по своим деньгам только работай и наслаждайся жизнью. Наши люди особо молодеж недоволна, что наши правители дают за границу помогают, как Кубе, Венграму, Румуни, Венгрии и многим странам, не могу вспомнить я часто ругаюся с ними тое. [так!] Молодеж у нас такая политика как говорил и писал тое Ленин нада поделяться из любой страной и дружить, что-бы был мир и не было Войны проклятой. У нас страна богатая, наша Россия всем зависна нашими богатствами, лучше давать, да плохо просить, путь будит мир на земле да будут сонце что-бы было небо чистое и у нас на душе радость у каждого человека.

Общий смысловой горизонт текста задан для Е.Киселевой значениями советского, государственного как всеобщего, вседесущего, всесильного. С одной стороны, это государство, в сознании повествовательницы, живет тем, что постоянно дает отпор вражеским пропискам вовне и карает нарушителей внутри, устанавливая этим порядок в стране и мире. С другой стороны, государство и олицетворяющие его фигуры – Ленин и особенно, как говорилось, Брежнев – выступают воплощением всего лучшего, справедливого и доброго. Подобный «стокгольмский синдром», характеризующий сознание жертвы – зависимого и поднадзорного индивида с его неустранимым чувством вины за свою «отдельность» (бессилия перед внешней угрозой, интериоризированной в структуру самоопределения и самоощущения), относится в тексте Киселевой как к коллективному «мы», так и к любой индивидуальной частице этого воображаемого целого. Так повествовательница описывает советскую страну, существующую для нее в горизонте постоянной смертельной угрозы извне:

...нет господин Рейген мы всю жист воюем вернее отбиваемся от вас гадов то та то другая страна нападает на нашу Россию, но мы никогда не отпадим свою землю которая заваеванная кровью <...> под руководством Ленина.

Но точно так же она воссоздает всевидящее око карательной власти, говоря о недостойном поведении собственного мужа:

Сейчас идет тысяча девятсот сорок шестой год а он думает, скротса на веки от детей и алиментов, нет в Союзе негде нескрошся, всярамно найдут и накажут несечас так позже.

Как можно предположить, импульс повествования (тяга к самоизложению, страсть и сила к нему возвращаться, чтобы снова продолжать один и тот же рассказ) питается в случае Евгении Киселевой именно остро ощущаемым, настойчиво воспроизведимым в сознании и поведении разрывом между разными планами существования – коллективным официально-событийным, опять-таки коллективным традиционно-моральным и переживательно-пассивным личным. По мере все более явной ощущимости такого разрыва в позднесоветскую эпоху, десятилетия криптораспада социального и идеологического целого «страны Советов», все остнее чувствуется и дефицит социокультурных форм опосредования подобного разрыва (бедность общества – развитых форм общения, промежуточных институтов), его выражения (бедность культуры – собственного языка как одного из многих наличных культурных «языков»). Индивидуальная жизнь с ее типовым опытом принудительного труда, лишений, самопожертвования и несвободы не получает универсального смыслового оправдания, поскольку не развито или заблокировано само представление о самостоятельности и самоценности индивида (в других исторических условиях обеспеченное, например, протестантской этикой ответственности, идеологией культуры, нормами цивилизованности и др.). С другой стороны, формы позитивной солидарности тоже ограничены и опосредованы в советских условиях неизменным социальным барьером – условием отказа от личного (интереса, достижения, разумения, счастья и т.п.). Так что общее значение и реперные точки жизне-описания (письма) остаются заданы официальным символическим кодом, с одной стороны, и традиционистскими конструкциями «возрастов жизни», календарных праздников, дней рождения – с другой.

Не случайно время в записках Евгении Киселевой структурировано официальной хронологической датировкой и официальными же праздниками; событийной сеткой сообщений по радио и телевидению; традиционистскими «возрастами» жизни – гендерными и поколенческими ролями; днями рождения – своими и близких, несколькими традиционными православными праздниками. Семантика «жизни» связывается со страданиями и их переживанием. Повествование все время располагается в точке рассказа, здесь и сейчас (иллюзия сиюминутной фиксации, почти «автоматического письма», которое снова и снова датируется). Но, кажется, ни разу не выходит в планы возможного дистанцирования и дистанцированной рефлексии – предвосхищения, сна, самокритики, волевого переинициации, извлечения нового смысла и проч. Можно сказать, что рассказчица никогда не попадает в ситуацию непонимания, не сталкивается с неожиданностью, неповторимостью, проблематичностью реальности (иначе говоря, с собой как становящейся личностью), а можно – что она так и не в силах высвободиться из пут непонимания, чтобы действительно понять случившееся с ней, извлечь из этого неустранимый опыт и сделать пережитое реально-прошлым.

Вместо этого героя и повествовательницы постоянно ввергает себя в конфликты, межличностные столкновения, крайние эмоциональные состояния, каждый раз заставляющие ее виновато чувствовать, что она себе не принадлежит и делает не то. Тем самым она рвет связи именно с теми людьми, которым хотела доказать свою правоту и рассказать правду, к которым, в конечном счете, она мысленно обращает рассказ. Это снова и снова возвращают повествование к парадигматической для записок Киселевой структуре – структуре разрыва связей, невозможности уже почти нереальной довоенной и еще более отдаленной прежней жизни, недоступности нормальных отношений и т.д. Киселевой некому передать то, что она пережила, – этим травматическим моментом и рожден, как мне кажется, ее текст. Но она и сама – невольно, повинуясь неведомым, не опознаваемым для нее коллективным силам принуждения к воображаемому всеобщему целому и отказу от реальной себя в позитивной связи с близкими, друзьями, потенциальными партнерами и т.п., – именно так выстраивает любую ситуацию, бередит привычную болячку, что дело опять завершается разрывом коммуникации. Записки Евгении Киселевой – пример не «отражающей» или «выражающей» словесности, а одна из разновидностей «невозможного», синдроматического письма, которое проблематизирует самоизложение в условиях дефицита или при отсутствии универсальных повествовательных ресурсов⁶.

Вероятно, литературное повествование как обобщенная форма разворачивающегося во времени условного целого создается синтезом значений низового опыта (эмпирии) с теми или иными обобщенными, идеальными значениями индивида и символическими проекциями добровольно-позитивных, а не принудительно-репрессивных форм развитых общностей (инстанций и горизонтов множественного самосоотнесения), то есть с ценностями, значениями и радикалами «культуры», письменной культуры. В частности, у автобиографии как символической формы представления опыта есть в европейской (западной) культуре свои социально-исторические и культурно-антропологические границы. Они, в общем, описаны в авторитетных трудах Георга Миша, Жоржа Гюсдорфа, Филиппа Лежена и других исследователей. Так или иначе, для автобиографии необходимы содержательно иные образцы самоопределения, кроме пассивно-коллективных и остаточно-традиционистских (таков, скажем, «бог» у Киселевой). Подобные образцы вносят проблематику ответственности за собственное существование, делают ответственность проблемой, темой, «нервом» рассказа и задают воображаемую форму жизни и ее изложению – форму биографии как проекта и практики самопостроения «по образу и подобию»⁷.

⁶ Более подробно об этом понятии и его смысловых составляющих см. статью автора: Дубин Б. В отсутствие спор: автобиография и письмо Жоржа Перека // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. С. 154–170.

⁷ Из работ последних лет см. об этом: King N. Memory, Narrative, Identity: Remembering the Self. Edinburgh, 2000; а также давнюю статью автора и указанную в ней исследовательскую литературу: Дубин Б. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Лица: Биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 7–31 (перепечат. в книге Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 98–119).

Скорее всего, такие внешние и не столько объяснительные, сколько квалифицирующие обозначения, как уже упоминавшееся «наивное письмо», относятся исследователями именно к продуктам повествовательного коллапса, дефицита или сбоя в том или ином из указанных отношений. Это условная и далее не раскрываемая метка, своеобразный шифр для ситуаций, когда у повествователя либо отсутствует универсальная мера «человеческого», личность для него не выделена из мира, не артикулирован «принцип индивидуации», либо в горизонте его мысленных отсылок нет добровольных форм нерепрессивной, состязательной, но позитивной социации и социализации, а преобладают образцы «роевого» существования, либо обнаруживается дефицит обобщенных культурных, символических средств для кодификации опыта и фиксируется распад языка, аналогичный коснозычию, заиканию, немоте и т.п.

В какой мере этот самым беглым порядком характеризуемый здесь круг феноменов связан в более общем плане с известной неконвенциональностью «русской литературы», русского романа, русской поэзии и другими характеристиками «исключительности», увиденными как с внутренней точки зрения (Гоголь, Л. Толстой, Достоевский и др.), так и извне (Вогюз, Рильке, Андре Жид, Т. Манн, Гессе и др.), – комплекс вопросов, который не решается походя, а требует большой серии специализированных исследований. В предварительном плане можно высказать такую гипотезу: эти, говоря гоголевскими словами, «существо» и «особенность»⁸ образно-символической презентации, стиля, жанра в русской литературе, «неклассичность» ее выразительных средств связана – по крайней мере, для социолога – с базовой антропологией русского-советского-российского человека, а именно с системной редукцией символов и значений автономной субъективности в его коллективном образе, создаваемом усилиями интеллектуального слоя России с конца XVIII века по сей день (само же подобное вытеснение субъективности, защиту от нее и т.п. допустимо представить как проекцию или транскрипцию обстоятельств формирования и самоопределения отечественного интеллектуального слоя, его зависимости от власти, Запада и других тому подобных воображаемых инстанций и целостностей). Это человек массовый и при том атомарный, но, в любом случае, не самостоятельный и не индивидуальный. Но потому он, строго говоря, и не развивающийся, не автобиографический и не автобиографируемый, если, конечно, не иметь в виду стандартизированную трудовую автобиографию для отдела кадров и прочих государственных нужд⁹.

⁸ Имею в виду известную программную статью из «Выбранных мест...»: В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 тт. Т. 6. М., 1967. С. 367–412.

⁹ См. коллективную монографию «Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х (М., 1993) и ее последующее развитие в 1993–2004 гг. на страницах журнала «Мониторинг общественного мнения» и «Вестник общественного мнения», напр., в статьях: Левада Ю. Человек приспособленный // Мониторинг общественного мнения. 1999. №5. С. 7–17; Человек лукавый // Там же. 2000. №1. С. 19–27; Человек ограниченный // Там же. 2000. №4. С. 7–13; Координаты человека: к итогам изучения «человека советского» // Там же. 2001. №1. С. 7–15; Человек советский: проблема реконструкции исходных форм // Там же. 2001. №2. С. 7–16; «Человек ностальгический» // Там же. С. 7–13; «Человек советский»: четвертая волна. Человек «кособенный» // Вестник общественного мнения. 2003. №2 (68). С. 7–14, а также: Гудков Л. Комплекс «жертвы» // Мониторинг общественного мнения. 1999. №3. С. 47–60; Он же. К проблеме негативной идентификации // ►

Для дальнейшей работы важно было бы в предварительном порядке наметить несколько разновидностей образа советского «простого» человека в неофициальной литературе «на входе» в советский режим и на выходе из него (рептильно советскую словесность сейчас не рассматриваем): таков, скажем, мечтательно-героический и жертвенный у Платонова, лукавый, прикидывающийся простаком и думающий перехитрить других у Зощенко и др. В тексте Е.Г.Киселевой это человек пассивно-страдательный, заведомо «маленький», производный от социальных обстоятельств, не им созданных и ему не подчиняющихся. Последовательное, структурированное и целостное повествование о нем – его автобиография – кажется, так и не складывается, поскольку его эмпирическое «я» всегда выступает ущербным, обделенным и страдающим от этого, а позитивным, но недоступным осмысленному усилию, индивидуальному достижению, личному пониманию может быть лишь предельно общее официальное «мы», которым поглощается любое «я».

► Там же. 2000. №5. С.35–44 (перепечат. в кн.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С.83–120; 262–299); Дубин Б. Запад, граница, особый путь // Там же. 2000. №6. С.25–34; Он же. Массовые коммуникации и коллективная идентичность // Вестник общественного мнения. 2003. №1(67). С.17–27 (перепечат. в кн.: Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. М., 2004. С.300–318; 217–231).

Габор Т. Риттершпорн

Жизненный путь, индивиду, масса, история, биография и автор

Габор Т.РИТТЕРШПОРН

Национальный Центр
Научных Исследований
(Париж)

Биографический жанр намного более проблематичен, чем это кажется на первый взгляд. Как, в сущности, вообще проблематично выявление прошлого и повествование о нем. В подобном процессе возникают вопросы, не имеющие четких однозначных ответов, а возможно, не имеющие ответов вовсе. Данная попытка говорить о некоторых аспектах написания биографий неизбежно приведет к вопросам, возникающим в ходе исторического исследования и при изложении его результатов, равно как поставит под сомнение и саму возможность узнать прошлое.

Поскольку структура биографии с самого начала дана очевидным течением человеческой жизни, рождением, взрослением, опытами героя, становлением и преобразованием его личности, его деятельностью и вытекающими из нее последствиями и его смертью, – то тенденциозным оказывается в читательской среде мнение о том, что жизнеописание – довольно простая задача. Возможно, и среди самих биографов найдутся те, которые, несмотря на собственные трудности в сборе материалов, лишь отчасти отдают себе отчет в том, как объемны и разнообразны проблемы практикуемого ими жанра.

9tr@msh-paris.fr

Было бы иллюзией ожидать, что источники однозначно освещают жизнь и мир любого индивида. Письма и дневники предмета биографического исследования, скорее всего, несут отпечаток дискурсивных стереотипов и стратегий, самообмана и ролей, выполняемых героем. Административные документы, как правило, больше отражают приоритеты их составителей, нежели время и живущих в нем людей. Тексты об эпохе и ранние жизнеописания далеко не свободны от авторских замыслов и подчас от их сиюминутных соображений.

Историк не может избежать заполнения многочисленных пробелов реконструкцией, основанной на собственной интерпретации событий, обстоятельств, поступков, намерений, убеждений. Поэтому, определяя, в чем смысл жизни героя, он невольно становится ответственным как за результат своего исследования, так и за его метод. Ответственность особо тяжелая, когда речь идет о биографиях малоизвестных, неизвестных или безымянных людей. Их жизнь все чаще и чаще интересует историков и читающую публику, но обычно она мало освещена документацией, и прежде всего источниками, которые позволили бы увидеть их личность, ее действия, ее индивидуальную судьбу.

Биографическое произведение близко к роману. Если повествование о жизни известных, менее известных или неизвестных людей занимательно написано, оно развлекает читателя, позволяет ему разбираться в действиях и переживаниях героя, в переживаемых им событиях и временах. Герой может оказаться симпатичным, антипатичным или просто интересным. Но в любом случае создается впечатление, что жизненный путь и его исторический фон ясны, понятны и полны уроков.

Историк вносит ясность во все, что случилось с героем, он решает, что является релевантным из исторического контекста, что является историей героя и в конечном итоге историей как таковой. Он делает это в зависимости от уроков, которые он извлекает из всего, что он пишет о герое. Часто историк интересуется своим героем потому, что уроки его жизни кажутся ему очевидными. В этом случае итоги исследования лишь иллюстрируют выводы, к которым автор пришел заранее. Его гипотезы могут также меняться в силу изученного материала и открытия новых и иногда неожиданных обстоятельств.

Рассуждения историков-профессионалов об истории часто малодоступны обычному читателю. Проблемы связаны не только с более или менее экзотическими культурными сферами, знание которых часто предполагается как само собой разумеющееся теми, кто пишет прежде всего для своих коллег. Препятствием является и своеобразный концептуальный жаргон, связанный со всякими структурами, моделями и тому подобными абстракциями. Мешают и витиеватые споры, малоинтересные за пределами узкого круга исследователей. Эти обстоятельства во многом способствуют тому, что для широкой публики история с большой буквы в значительной мере отождествляется с рассказами о жизни и судьбе героев различных биографий.

Но до какой степени доступно и доступно ли вообще человеческое существование? Доступны ли стремления и переживания исторической фигуры, истоки и последствия ее действий так, как они появляются в ее мыслях и ощущениях? Они часто неясны даже тогда, когда речь идет о близких и родных. Какова доля достоверной информации и авторского замысла в биографическом повествовании?

В идеальном случае жизнеописание должно представлять собой *histoire totale* – историю всего, происходящего в душе героя и вокруг него. Оно должно было бы быть всеохватывающим и включать в себя панораму событий, обычав, человеческих отношений, нравов, психологии, ментальности, идей, искусства, политики, права, экономики, по крайней мере, так, как они относятся к герою и отражаются не только в его жизненном пути, но и в его замыслах, чаяниях, надеждах, разочарованиях.

Широко распространенный жанр политической биографии является косвенным, хотя чаще всего и неосознанным признанием авторов в определенной однобокости, продиктованной доступной документацией и их собственным специфическим интересом. Упор делается на сенсационные, но не обязательно важные события, на предполагаемые решения и поступки выдающегося деятеля, знакомого прежде всего по газетам, по служебной документации, по корреспонденции, по текстам, написанным им самим о собственной карьере, и по текстам, написанным его сторонниками или противниками. Сомнительно, идет ли речь о жизнеописании, даже если историк старается говорить о характере известного человека. Не политикой единой живет человек. И не только и не совсем великими событиями, которые стоят в центре большинства биографий.

В любом случае жизнеописание ближе к микроистории, чем к идеалу *histoire totale*. Биографический подход так же сфокусирован и селективен, как микроистория. Правда, в микроистории индивид, как правило, менее важен, чем его время, непосредственное окружение, специфические события, действующие лица которых мало освещаются. Жизнь индивида, становящаяся все более открытым достоянием по мере изложения, превращается во всеохватывающую категорию, несмотря на значительные пробелы в исследовании и изложении как ее исторического фона, так и ее самой, протекающей в близости героя и переживаемой героем.

Более того: жизнеописание создает поле чуть ли не безграничной свободы. Предполагаемые переживания, решения, действия индивида не оказываются просто в центре внимания и повествования. Чаще всего создается впечатление, что судьба героя, и порой даже его воля преобладает над всем остальным. Он находится как бы вне истории или над ней. Отчасти или полностью отстраняется то, что профессиональные историки склонны принимать за обычное течение истории, за логику феноменов прошлого, но отстраняется и то, что некоторые из них считают пресловутыми законами истории.

Предмет биографии легко может стать творцом собственной истории и истории как таковой, и даже если этого не случится, его жизнь обычно превращается в историю и в историческую закономерность *sui generis*, т.е. в упразднение логики истории и ее законов, если они вообще существуют.

В жизнеописаниях они существуют. Предмет биографии чем-то замечателен, поэтому стоит рассказать о нем. Скорее всего, он замечателен в силу Примерности поступка, личности. Злодеи относительно редко интересуют авторов, но если они попадают в поле зрения, тогда их эпоха и судьба тоже служат примерами, хоть и отрицательными. В конечном итоге, биографии содержат уроки, они говорят о добре и о зле, воплощенных в герое, его дей-

ствиях, его времени и о его участии. Тем самым они пытаются объяснить, как должна складываться история, чтобы добро преобладало над злом, т.е. определяют логику и законы, каким должна подчиняться история.

Впечатление о почти неограниченной свободе поля биографического произведения создается в силу свободы историка. Он не только решает, что заслуживает внимания из жизни героя, когда, в каких моментах воля героя преобладает над историей, но и определяет урок жизни героя и, в конечном счете, то, что является логичным, добрым и злым в историческом измерении. На первый взгляд, автор делает это на основе источников. Конечно, он подбирает материал и он пишет окончательный текст. Но он делает это не только исходя из того, что ему кажется состоявшимся, вероятным или неизбежным. Он знает, что интересуется героем потому, что он как исследователь имеет более или менее четкие представления о том, чему учит жизнь его героя и как оценить прожитое его героем время.

Однако на выводы историка очень часто влияют стереотипы общественного мнения. И нелегко отделить стереотипы и условности от всего, что воспринималось как добро и зло в отдаленном или менее отдаленном историческом периоде, и что в настоящем дне автора воспринимается как добро и зло. Кроме того, и публика часто имеет свои соображения, и даже если она не отдает себе отчета в этом, она ожидает чего-то от жизнеописания. Успех может состояться в удачном, т.е. предвидимом ответе историка на ожидания читателей. Правда, иногда ключ успеха лежит в разоблачении, в превращении предполагаемого положительного героя в носителя негативного примера или, несколько реже, наоборот. Но и здесь играют роль стереотипы. Зло и добро как таковые стереотипны, во всяком случае, непросто избегать шаблонов при их описании. Разоблачение или раскрытие положительного лица, обычно вознесенного или осужденного индивида, также часто совпадает с определенными представлениями и ожиданиями, особенно в моментах ослабления влияния традиционных норм и переоценки прежних ценностей.

С этой точки зрения, основные модели биографии весьма близки к таким древним жанрам, как *vita* – житие, *apologia* – защита репутации и *damnatio memoriae* – проклятие памяти. Если понимать логику и закономерность, подразумеваемые биографическим повествованием, как желательный курс истории, то этот жанр особенно оправдывает критиков истории как науки, не без основания считающих, что традиционные приемы дисциплины отождествляют ее с основополагающей идеей христианства, выражаемой в истории спасения, проживаемой всем человечеством.

Подобные предположения относятся и к жизнеописаниям малоизвестных и неизвестных фигур истории. Их судьба тоже должна служить примером, она должна воспитывать в той мере, в которой история рассматривается как учитель жизни – *historia est magistra vitae*.

Повествование о неизвестных людях возможно только в рамках коллективной биографии. Она ближе всего к истории, как ее понимает и практикует большинство профессиональных историков. Здесь преобладают канва великих событий, политика, контекст, культура эпохи, ментальности, характерные модели поведения и мышления, здесь вообще типичное преобладает над особым.

Отсюда закономерное сомнение: является ли коллективная биография жизнеописанием и не остается ли за ее рамками именно то, что составляет личность?

Трудно решать и то, до какой степени проявляется любая личность, если рассказ о ее жизни построен на стереотипах. Представления публики и многих биографов об определенных исторических фигурах основаны, по меньшей мере отчасти, на стереотипах. А штампы необязательно включают в себя все, что возможно было бы извлечь из источников безотносительно к ожиданиям и предубеждениям публики или замыслу автора.

Характерные для определенных эпох поведенческие модели и коды, испыляемые в разные исторические периоды амплуа и роли, продиктованные обычаями поступки тоже в состоянии озадачить. Что относится к индивиду и что к времени, к социокультурной среде? Какой человек скрывается за стандартным образом действия, в какой степени можно воспринимать его как личность и в какой мере придется видеть в нем тип, категорию и, в результате, предмет коллективной биографии?

Невольно напрашивается вопрос: что такое историческая фигура? Что решает, будет ли определенный индивид личностью исторического значения? Герой должен быть творцом истории? Или история должна его формировать, чтобы он удостоился внимания биографа? Как понимать в этом случае историю: кто творит ее, если не исторические фигуры? И как понимать личность, творящую историю? Появляется она *ex nihilo*, откуда-то извне истории, из какого-то трансисторического времени и пространства? Какое значение имеют для биографа и для публики индивиды, лишь выдерживающие испытание историей? Не творят ли они историю своими переживаниями? Кто они, с точки зрения истории? Возможно ли узнать через их судьбу историю как таковую? Или история, рассматриваемая исключительно через призму их доли, представляет собой только их собственную историю и историю подобных им людей, но менее относится или вовсе не относится к истории, переживаемой другими? На такие вопросы историк ответит, руководствуясь ожиданиями публики и своим собственным интересом. Можно ли выявить личность исторического масштаба и через людей, не относимых на первый взгляд к этой категории? Для этого биограф должен иметь хоть туманные понятия об обыкновенном человеческом существовании, о так называемом маленьком, статистически среднем человеке. Историк обычно имеет такие понятия, даже если он не систематизирует свои знания.

Как ни странно, источники коллективных биографий многочисленнее и порой более насыщены сведениями, чем материалы жизнеописания известных индивидов. Метрические книги и реестры рождения, смерти и гражданского состояния информируют о средней продолжительности жизни, о характерных и модных именах, о бытующих вероисповеданиях, о возрасте вступления брака, о возрасте родителей в момент деторождения, о внебрачных детях и о много другом. О типичных болезнях можно узнать из медицинских статистик, а причины смерти выясняются из таблиц смертности. Фольклорный материал, черты народной культуры, данные о религиозности, о поколениях, о доходах, о жилищных условиях, о практиках в области работы, о досуге, о стереотипах поведения, о потреблении разными группами разных про-

дуктов, о популярности отдельных профессий, о посещаемости театров, кино и стадионов, о вкусах читателей, об интересе к некоторым произведениям искусства, о дебатах общественности, о частной сфере, об опросах общественного мнения – информируют об образе жизни, о преобладающих нормах и их вариантах. Нормы культовых практик, каноническое право, дискурсы и дискуссии о различных ересях, законодательство, подчинение ему и его применение или неприменение государственным аппаратом или судебными и внебюджетными инстанциями и криминальные статистики говорят об установках, господствующих в высших кругах и диктуемых ими, о преобразованиях таких установок, о реакциях на них и об отклонениях от них.

И все же такая документация хранит молчание о любви, о ненависти, о жизненном опыте, о вере, о сомнениях, о связях с родными и близкими людьми – практически обо всем, что формирует и в конечном итоге является собой личность.

Масштабы коллективной биографии могут осложнить задачу автора. Легче всего изучать широкие массы, толпу, потому что источники позволяют очертить, по меньшей мере, контуры их облика. Чем меньше группа, тем проблематичнее ее биография. Но это обстоятельство не уменьшает ее потенциального значения в перспективе эпохи и истории как таковой. Если существуют великие судьбы необыкновенных индивидов, тогда должны существовать и категории безымянных людей, жизнь которых по-своему объясняет многое в истории. Это верно даже в случае, когда речь идет о людях, не являющихся доминантой в истории.

История едва ли заключается в общем, в испытываемом всеми. Можно предположить, что именно характерные детали освещают историю, что деталь, которой является жизненный путь не только отдельной личности, но и отдельных групп, в состоянии освещать историю. Однако история генерального секретаря большевистской партии и рядового колхозника, стахановцев машиностроительной промышленности и заключенных, осужденных по политическим статьям советского уголовного кодекса, хоть и открывает перспективу понимания прошлого, но в силу присущего ей разнообразия выявляет лишь отдельные его аспекты.

Необходимо подчеркивать снова и снова, что историк свободен, и что в конечном итоге он определяет, кто является для него личностью или группой, достойной его внимания, он устанавливает, что является историей, он решает, что можно вообще выхватить из истории, он решает, что важнее: теоретические конструкции о прошлом или индивиды и человеческие судьбы.

Сомнительно, что можно писать биографию, сомнительно и то, можно ли писать историю вообще. Где найти ключ к личности, к ее правде, как определить, кто может служить примером, как выявить историческую правду – существует ли она вообще? Не имеем ли мы дело прежде всего с правдой автора и очень часто с правдой, обусловленной общественным мнением, предрассудками, шаблонами, вытекающими из широко распространенных представлений? Не говорит ли биографическое и историческое произведение прежде всего о чаяниях, стремлениях, суждениях и нормах, предполагаемых читателями, и в конечном счете – о современной автору эпохе? Не остается ли в

тени именно жизнь предмета биографии, история отдельных индивидов и групп, личность которых в значительной мере остается малодоступной?

Историк свободен и поэтому несет ответственность. Но перед кем? Перед публикой? Она может ошибаться, она может оказаться под влиянием конъюнктур. Историк ответствен перед предметом своих исследований и перед самим собой. Неплохо, если он осознает, в какой степени все, что он считает своими взглядами, неотделимо от его времени. Но желательно и то, чтобы он отстоял все, что ему кажется собственной правдой, даже если он вынужден это делать вопреки общественному мнению и господствующим нормам.

Борис Колоницкий

Оскорблении императорской фамилии и антидинастические «народные» слухи эпохи Первой мировой войны

Борис Иванович
КОЛONИЦКИЙ

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института
истории РАН, преподаватель
Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Историками давно осознана необходимость изучения слухов, возникавших во времена великих политических потрясений, достаточно упомянуть опубликованную в 1932 году работу Ж.Лефевра, посвященную «Великому страху» 1789 года. Тогда некоторые французские провинции были возбуждены слухами о заговоре аристократов, о бандах, готовых терроризовать мирных обывателей. Образы вездесущих и неуловимых врагов, создавая истеричное настроение, способствовали мобилизации патриотов и радикализации революционного процесса¹.

Забывая это классическое исследование, некоторые исследователи и ныне противопоставляют слухи «реальным событиям», тому, что было «на самом деле».

Между тем описано немало ситуаций, когда слухи организовывали события. Так, немецким зверствам в Бельгии в 1914 году предшествовали панические слухи о бельгийских зверствах по отношению к германским солдатам. Память о «вольных стрелках» франко-прусской войны, меняясь, оставляла определенные образы в исторической памяти, которые

boris_l_kol@mail.ru

¹ Lefebvre J. La grande Peur de 1789. Paris, 1932.

в критической ситуации получили новую жизнь, влияя на действия германских военнослужащих разного ранга².

Современники осознавали важность изучения слухов кануна Российской революции 1917 года. В отчете Охранного отделения за ноябрь 1916 г. отмечалось: «Слухи заполнили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые по цензурным условиям не могут открыть всей правды. [...] Общество [...] жаждет вести разговоры на "политические" темы, но не имеет никакого материала для подобных бесед. Всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр. Не видно конца всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица»³.

Известный исследователь истории войны и революции генерал Н.Н. Головин впоследствии писал: «Все эти сложные слухи являлись одним из характернейших симптомов того патологического состояния общественной психики, первой причиной которого являлись тяжелые жертвы и напряжение, вызванное войной. Социологу, пожелавшему понять назревание русской революции, приходится обратить большое внимание на ту роль, которую сыграли эти слухи. Ложные сами по себе, они, тем не менее, широко воспринимались благодаря создавшейся атмосфере всеобщего разочарования и неудовольствия и вместе с этим способствовали еще большему нарастанию этих настроений, так как в корне подрывали моральный авторитет Царской власти. В результате Государь оказался морально изолированным»⁴.

Следует признать, что задача изучения слухов в целом до сих пор не реализована. В многочисленных исследованиях, посвященных политической истории Первой мировой войны, слухи нередко упоминаются как фон для действий основных участников политического процесса. Предметом самостоятельного изучения они еще не стали.

Это связано не только с недооценкой темы. Изучение слухов представляют сложную исследовательскую проблему. В настоящей работе мы попытались показать значение такого источника, как дела по оскорблению членов императорской фамилии для изучения слухов. В последнее время этот источник используется исследователями, изучающими политическое сознание различных эпох (П.В.Лукин, Е.В.Анисимов, И.В.Побережников, О.С.Поршинева⁵).

Имперское «Уложение о наказаниях» рассматривало оскорбление членов императорской семьи как серьезный проступок: до восьми лет каторги мог

² Horne J., Kramer A. German Atrocities, 1914: A History of Denial. New Haven; London, 2001.

³ Буржуазия накануне Февральской революции / Подг. Б.Б.Граве. М.; Л., 1927. С.125–126.

⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч.1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Кн. 1. Таллинн, 1937. С.15, 24.

⁵ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России 17 века: Автореф. к.и.н. М., 1998. Его же. Народные представления о государственной власти в России XVII века: М., 2000; Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сынк и русское общество в XVIII веке. М., 1999; Побережников И.В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период поднега феодализма. Новосибирск, 1989; Его же. Дела об оскорблении императорской фамилии (Сибирь, вторая половина XIX века) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С.383–390; Поршинева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

получить человек, виновный в «оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника престола, или в угрозе их Особе, или в надругательстве над их изображением, учиненном непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с той же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Другие статьи предусматривали подобные наказания и за оскорблении иных здравствующих членов императорской фамилии, а также «Деда, Родителя или Предшественника Царствующего Императора». Правда, если оскорблению было совершено «без цели возбудить неуважение», то и наказание существенно смягчалось. Если же преступление совершилось «по недоразумению, или невежеству, либо в состоянии опьянения», то и это было облегчающим вину обстоятельством⁶.

Данное преступление считалось преступлением государственным. Упомянутые статьи включались в главу З «Уложения о наказаниях»: «О бунте против Верховной власти и о преступных действиях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома». Именно оскорблении императорской фамилии перед Мировой войной давали наибольшую долю государственных преступлений. Так, в 1911 г. 62% лиц, осужденных за преступления такого рода, проходили по соответствующим статьям «Уложения о наказаниях». Большинство (1167 из 1203) отделались арестом. Если другие виды государственных преступлений совершались в основном представителями «интеллигентных слоев общества», лицами, имевшими среднее и высшее образование, то за оскорбление императорской фамилии привлекались преимущественно поденщики, горнорабочие и лица, занимающиеся сельским трудом (в 1911 г. 80% лиц, привлеченных за оскорбление величества, составили крестьяне). Среди людей, совершивших другие государственные преступления, процент инородцев был выше, чем их доля в населении империи, а по делам за оскорбление императорской фамилии привлекались преимущественно русские⁷.

Существовало несколько ситуаций, при которых оскорблялись царь и члены его семьи. Нередко речь простолюдинов была насыщена непристойностями, в таком соседстве любое упоминание императора в обычном разговоре могло рассматриваться как оскорбление.

В некоторых случаях оскорблению было следствием «вывернутого поведения». Так, пьяный человек должен был вести себя не так, как человек трезвый, а мужчина, приываемый в армию, на войну, мог буйствовать, хулиганить. Соответственно, сакральное в таких «вывернутых» ситуациях обозначалось как профанное, высокое – как низкое. Очевидно, люди полагали, что в таких ситуациях они могут безнаказанно оскорблять и царя, и Бога.

Криминологи вообще считали, что оскорблению императора – «пьяное преступление». Действительно, в делах часто встречаются выражения «в состоянии опьянения», «был сильно пьян», «будучи несколько выпивши». Но по-

⁶ Уголовное уложение. СПб., 1903. С.35–37.

⁷ Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905–1912 гг. // Журнал министерства юстиции. 1915. №10. С.43, 47, 63–64.

рой к этому утверждению следует относиться осторожно: по закону и по обычаям пьяный мог рассчитывать на более снисходительное отношение, состояние опьянения рассматривалось как смягчающее вину обстоятельство. Поэтому подследственные и подсудимые, очевидно, порой преувеличивали степень своего опьянения.

С помощью доноса решались и конфликты деревенской политики, которые не имели прямого отношения к императору, но император заочно привлекался в этот конфликт как союзник одной из сторон. Эти конфликты условно можно разделить на «вертикальные» и «горизонтальные». К первым можно отнести конфликты между крестьянами и представителями власти (уровень: старосты, старшины, стражники). Последние иногда использовали оскорблении символов императорской власти (бляха, знак, портрет царя) для обвинения крестьян, бросавших вызов сельской власти, а порой провоцировали жителей на оскорбление, чтобы впоследствии наказать их. Но иногда это оружие использовалось и крестьянами для давления на власть, которую обвиняли в оскорблении царя и его семьи. Известен даже случай, когда после соответствующего доноса был арестован земский начальник. 51-летний К.И. фон Гейлер, потомственный дворянин, земский начальник 1-го участка Сызранского уезда, надворный советник, был обвинен в том, что в пределах своего участка в разговорах с сельскими и волостными должностными лицами неоднократно позволял себе произносить слова: «Русскому не с немцами воевать, а водкой торговать»⁸. Возможно, что в данном случае имел место оговор.

«Горизонтальные» конфликты – это споры между крестьянами соседних деревень, между односельчанами, иногда – между родственниками. Это конфликты из-за земли, имущественные споры, ссоры из-за потрав, нарушения межи, поборок. С помощью доносов мстили также несостоявшимся женихам и непокорным невесткам. Часто использовалась та же тактика: оппонент провоцировался на оскорбление императора, затем следовал донос, парализующий действия противника. Сложились определенные приемы, известные и мужчинам, и женщинам. Так, когда в разгар ссоры употреблялось слово «сволочь», в ход пускалось известное оружие, оскорбленный отвечал: «Я не сволочь, я ЦАРИЮ помочь». Далее следовало разъяснение: «служил царю», «сыновья служат» и т.п. Нередко после этого распаленный оппонент распространял ругательства и на императора⁹.

Порой крестьяне, осуждавшие царя и его семью, выражали так отношение к тем мероприятиям власти, которые их непосредственно затрагивали. Показательны места совершения преступления. Часто это волостное правление (сельская сходня). Там крестьяне узнавали неприятные новости (смерть родных в действующей армии, мобилизации, сборы, реквизиции скота). Портрет императо-

⁸ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.198.

⁹ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.166. Такая провокация использовалась и в советское время. Во Львовской области продавщице-венгерке покупатели заявили, что она могла бы выучить «язык Ленина» (возможно, вспомнилось известное стихотворение Маяковского). Она заявила, что плюет на язык, и на вождя. Последовал донос. См.: 58.10. Надзорные производства Прокуратуры ССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннотированный каталог, март 1953–1991 / Сост. О.В. Эдельман. М., 1999. С.22.

ра, висевший на стене, позволял определить возможного виновника этих бед. Но доносили и о разговорах в избе, на деревенской улице, в поле и даже в лесу.

Наконец, существовали ситуации, когда осуждались те меры общей государственной политики, которые не затрагивали непосредственно оскорбленного. Так, нередко царь и его родные осуждались за начало войны, за не-подготовленность к войне и т.п.

Ценность дел по оскорблению императорской семьи как исторического источника заключается в том, что порой они позволяют услышать голос неграмотных крестьян, голос, чаще всего скрытый от историков. Правда, этот голос искажен доносчиками, следователями, полицейскими и судейскими чиновниками. К тому же неграмотность свою крестьяне порой преувеличивали (это тоже могло быть смягчающим вину обстоятельством).

Изучение этого источника осложняется тем обстоятельством, что в некоторых случаях мы явно имеем дело с оговором. Так, в селе Бобылевка Балашовского уезда Саратовской губернии в августе 1915 года бакалейщик Н.С. Целиков, по словам доносчика-односельчанина, заявил: «Государь наш слаб, а правительство в большинстве немцы, которые во всякое время могут продать Россию немцам же». При этом Целиков якобы указал на военного министра Сухомлинова и ministra двора графа Фредерикса, добавив, что «и все остальные министры такие же». Другой свидетель показал: Целиков заявлял, что царь «слаб и ненормален», что вдовствующая императрица Мария Федоровна сожительствует с Фредериксом «и с другими немцами», что наследник – «незаконнорожденный». Но другие свидетели утверждали, что обвиняемый, патриот и монархист, был оговорен недоброжелателями – сельским священником и писарем волостного правления. Последние входили в присутствие, давшее выдачу пособий женам солдат, и злоупотребляли своим положением, вели себя «неблаговидно» по отношению к солдаткам. Обвиняемый неоднократно обличал их публично, и они отомстили ему, выдвинув против него указанное обвинение¹⁰. Можно привести и другие примеры явных оговоров.

Но во многих случаях преступление действительно имело место, оно подтверждалось многими свидетелями. Иногда обвиняемый признавал свою вину, выражал раскаяние. Нередко предъявлялась улика (например, портрет императора с проколотыми глазами). Да и оговор тогда считался серьезным преступлением, за которое осуждалось немало людей.

Впрочем, для целей настоящего исследования важен и оговор. Доносили предполагали, что полиция и суд поверят тому, что такой слух мог распространяться. Ложный донос также содержит информацию о состоянии общественного мнения, о распространении слухов.

После начала войны криминологи прогнозировали снижение числа таких преступлений. Они возлагали надежды и на патриотический подъем, и на ограничение продажи спиртных напитков. Действительность опровергла их прогнозы: число таких преступлений возросло, о чем свидетельствуют отчеты полиции. И дело заключалось не только в том, что крестьяне находили способы выпить. У русских крестьян появились новые поводы ругать Романовых. К тому

¹⁰ Государственный архив Саратовской области. Ф.53. Оп.1. Д.12. Л.297–298.

же среди обвиняемых появляется все больше ругателей из иной социальной и этнической среды. Возрастание числа дел по оскорблению царской семьи стало индикатором роста температуры общественного недовольства. В феврале 1916 г. было принято решение об ограничении привлечения к судебной ответственности по данным статьям. Заведенные уже дела пересматривались.

В настоящем исследовании мы изучали 651 случай оскорблений различных членов императорской семьи в 1914–1916 годах. Дела сопоставлялись, особое внимание уделялось повторяемости персонажей, сюжетов, речевых оборотов. Они также сопоставлялись с другими источниками (переписка, цензурные сводки, дневники современников, памфлеты 1917 года).

В данной группе присутствуют преимущественно оскорблении четырех членов императорской семьи. Прежде всего это сам император (515 случаев), затем вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич, верховный главнокомандующий с июля 1914 по август 1915 г. (соответственно, 56 и 54). Далее следует императрица Александра Федоровна (26 случаев).

Несколько случаев оскорблений великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княжны Татьяны Николаевны, цесаревича Алексея Николаевича, других членов царской семьи нами не рассматриваются.

При обращении к делам по оскорблению императорской семьи историк, знакомый с дневниками и перепиской той эпохи, с памфлетами 1917 года, сталкивается с неожиданной ситуацией. Он предполагает встретить массу оскорблений императрицы Александры Федоровны, в которых будет упоминаться Г.Е.Распутин. Однако «старец» в таких делах не упоминается, единственное же известное нам пока упоминание не связано с именем «молодой» императрицы. Вообще оскорблений молодой императрицы удивительно мало.

Тому может быть несколько объяснений. Возможно, царица действительно считалась виновной в приписываемых ей «преступлениях», поэтому люди, возмущенные оскорблениями в адрес императора, спокойнее относились к обвинениям в адрес Александры Федоровны, не считали, что в таких случаях следует информировать власти. Показателен анекдот, записанный в ноябре 1915 г. В московском суде рассматривается дело об оскорблении величества. Мужик-свидетель подтверждает справедливость обвинения: «И что только нес-то! Я и то уж ему говорил: «Ты все его, дурака, ругаешь, а лучше бы ее, стерву эта-ку...». Другой вариант этого анекдота, зафиксированный несколько позже, излагал слова свидетеля так: «Он, стало быть, говорит: Царь дурак! – А я ему: Нет, брат, врешь. Хоть дурак – да наш! А вот царица – так та верно, что немецкая ст-ва!». Показательно совпадение описания царя и царицы: в обоих случаях он – «дурак», она – «стерва».

Император Николай II в различных делах предстает как разный персонаж. Иногда он описывается как активный и деятельный злодей, который развратаивает и продает Россию. Первые известные нам слухи об измене императора относятся к июню 1915 г. Землевладелец Минской губернии А.Н.Виленский в своей граверной мастерской беседовал с работавшими у него учениками Ека-

* Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пб., 1920. С.261; Каррик В. Война и революция: Записки, 1914–1917 гг. // Голос минувшего. 1918. №7–9. С.61.

теринбургской художественной школы. Он рассказывал об императоре неприличные анекдоты, неоднократно говорил, что царь – немецкой крови, что он в союзе с Вильгельмом и хочет продать и разорить Россию¹².

В июле встречается уже несколько оскорблений, обвиняющих царя в измене, во всех случаях упоминается «продажа» (России, солдат, армии). Утверждалось, например, что «Государь Император продал Перемышль за 13 миллионов рублей и за это Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич разжаловал царя в рядовые солдаты»¹³.

Но чаще император предстает как «царь-дурак». «Дурак» – наиболее часто встречающееся слово в делах по оскорблению императора. Нам известно 68 таких случаев (13%). Это слово используют и некоторые инородцы, считающие «дураками» «всех русских», и люди, именующие дураком «нашего царя». Император не справляется со своими обязанностями, главное – он не может должным образом вести войну. Так, 28 июля 1915 года священник Н.М. Кондратьев (Цивильский уезд Казанской губернии) заявил на отпевании умершей девочки: «Его императорское величество Государь-император пропадет всю Россию. Пора уже его нагайкою или по затылку – вести войну не может»¹⁴.

Чаще всего царя обвиняют в том, что он не заготовил орудий и снарядов. Первое обвинение выдвигается уже в январе 1915 г., второе – в мае того же года.

Царь сравнивается с известными деревенскими дурачками, пьяницами и юродивыми, с изгоями, чистящими отхожие места. Он предстает как неспособный, непутевой хозяин.

В некоторых слухах император лишен мужских качеств, он – «Царь-баба». Так, 56-летний крестьянин Пермской губернии заявил в июне 1915 года: «Наш ГОСУДАРЬ худая баба, не может оправдать Россию, сколько напустил немцев». Следует отметить, что обвиняемый характеризовался как человек толковый и грамотный. Ранее он был волостным судьей и сельским старостой. По мнению 44-летнего крестьянина Самарской губернии, «...русский ЦАРЬ оказался хуже плохой деревенской бабы, ничего не приготовил, а занимался только тем, что строил мосты да кабаки. Он баба, даже хуже бабы»¹⁵. Интересно, что тот же язык использовала и одна крестьянка: «Государь лежит как баба, ни ... не делает, а только сидит дома»¹⁶. Нередко Николай II противопоставляется деятельности и энергичному германскому императору. Следует отметить, что антигерманская пропаганда «прочитывалась» совсем не так, как предполагали ее создатели. Показателен случай 43-летнего крестьянина Енисейской губернии Д.И. Пойминова. В конце декабря 1914 г. в сельском управлении на заседании комитета по сбору пожертвований семействам низших чинов священник читал брошюру, в которой осмеивался германский император: Пойминов заявил: «Германский император Вильгельм во много раз лучше и умнее нашего государя». Затем он назвал царя «дураком» и «идиотом»¹⁷.

¹² РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.148.

¹³ Там же. Л.530. См. также: Л.254об.-255, 322.

¹⁴ Там же. Л.394об.

¹⁵ Там же. Л.177об.-178, 223-223об.

¹⁶ Там же. Л.93об.

¹⁷ Там же. Оп.530. Д.1035. Л. 34об., 35.

Великий князь Николай Николаевич предстает в слухах как строгий, но справедливый воитель и правитель. Уже в ноябре 1914 г. современники фиксируют появление анекдотов о Николае Николаевиче – быстром в расправе, жестоком, но справедливом¹⁸. В слухах он стремительно передвигается по фронту, срывает с виновных офицеров погоны, бьет их по лицу¹⁹. Иногда он на месте расправляет с предателями. Рядовой этапной роты Р.П.Петровович писал в марте 1915 г.: «Германцы наступали с трех сторон на нашу крепость Осовец, повредили два форта, и крепость уже готова была сдаться, как приехал Верховный главнокомандующий, зарубил шашкой коменданта, начал сам командовать, и немцы не только были отбиты, но было взято в плен два неприятельских корпуса и <...> тяжелых орудий». На выписке из письма имеется пометка военного цензора: «Здорово! Вот так пишется история!»²⁰

О легендах писала и печать: «Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич весьма популярен среди наших казаков. В их глазах он является легендарным народным вождем-героем, его правдивость, честность, смелый открытый характер и строгость к нерадивым и изменникам создали целые легенды»²¹.

В некоторых слухах положительный Николай Николаевич противопоставляется недееспособному императору. Крестьянин Тобольской губернии Е.Горбунов заявил в июле 1915 г.: «Нужно молиться за воинов и великого князя Николая Николаевича. За Государя же чего молиться. Он снарядов не запас, видно, прогулял да проблядничал»²².

Описывая настроения участников антингерманского погрома в Москве в мае 1915 года, французский посол записал в своем дневнике: «На знаменитой Красной площади <...> толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, передачи престола великому князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина и проч.»²³.

Этому можно поверить. Лицам, обвинявшимся в оскорблении царя, приписывали, в частности, такие слова: «[брать] и Царя вашего, а Николаю Николаевичу нужно быть Царем»²⁴.

Но Верховный главнокомандующий предстает и как отрицательный персонаж. Прежде всего это касается тех дел, где в качестве фигурантов выступали инородцы. Это объяснимо. Депортации еврейского и немецкого населения, производимые по инициативе Ставки, не могли прибавить великому князю популярности в этих этнических группах.

¹⁸ Карпик В. Война и революция: Записки, 1914–1917 гг. // Голос минувшего. 1918. №4–6. С.9.
¹⁹ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.89.

²⁰ РГА ВМФ. Ф.1340. Оп.1. Д.762. Л.377а.
²¹ Кривощеков А.И. Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. Октябрь. С.207–209. За публикацию этой заметки на журнал был наложен штраф. Возможно, это было связано с упомянутой оценкой Николая Николаевича, который к этому моменту был заменен на посту верховного главнокомандующего императором.

²² РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.53об.

²³ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С.308.
²⁴ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.244.

Обвиняемым приписывались следующие слова: «Николай Николаевич «только пьянствует, разбойничает и вешает мирных евреев»²⁵. Он описывается как главный «поджигатель войны»: «Это неправда, что немцы режут наших пленных. Сам Николай Николаевич режет наших солдат»²⁶. 76-летней еврейке приписывали такие слова: «Да, Главнокомандующий хороший человек, только Бог смерти Ему не дает. Если бы Сам Государь воевал, то давно был бы мир, а этот только знает воевать да людей убивать»²⁷. Последние слова весьма показательны: миролюбивый император противопоставляется свирепому военачальнику.

Но и в слухах среди русских крестьян Николай Николаевич порой предстает как циничный «поджигатель войны». Солдатка, крестьянка Владимирской губернии, заявила в апреле 1915 г. крестьянам, ждавшим газет: «А вы верите, что вам напишет пастух Николай Николаевич. Сам он на войне не бывает, а только пьянствует, войска своего не видит, посыпает туда наших мужей да бьет их»²⁸. Крестьянка Самарской губернии после последней панихиды, совершенной по убитому мужу в августе 1915 г., сказала священнику, что наших бьют на войне по вине великого князя Николая Николаевича, которому «все равно, т.к. он нанят»²⁹. В июле 1915 года 54-летний крестьянин заявлял: «Надо Николая Николаевича расстрелять, так как он затягивает войну. Если бы не он, то Государь давно бы мир заключил»³⁰.

Но после смещения с поста Верховного главнокомандующего Николай Николаевич все чаще обвиняется в предательстве: Николай Николаевич-де «сделал измену» и продал Варшаву за 16 пудов золота, но один солдат на него донес, и великого князя будут судить³¹.

Как видим, в ряде случаев оскорблении адресовались вдовствующей императрице Марии Федоровне. Удивительно, что пожилая дама предстает в слухах как развратница. Показательно озорное стихотворение:

Николай вином торгует,
Сашка булки продает,
Машка Трепову дает,
А наследник счет ведет³².

В песне у каждого члена императорской семьи есть особая роль. Николаю в вину вменяется то, что он лишь торговал водкой (намек на монополию), а не готовил страну к войне. Александру Федоровну подозревают в том, что она покровительствует контрабандным поставкам хлеба и зерна во враж-

²⁵ РГИА, Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.56об.

²⁶ Там же. Оп.530. Д.1035. Л.21об.

²⁷ Там же. Оп.521. Д.476. Л.141.

²⁸ Там же. Л.146-146об.

²⁹ Там же. Л.138 об.

³⁰ Там же. Л.2

³¹ Там же. Л.325.

³² Там же. Л.129об.

дебные страны, что является причиной дефицита продовольствия³³. Вдовствующая 67-летняя императрица является олицетворением разврата. В августе 1914 г. некий 52-летний нищий утверждал, что Мария Федоровна «...слюбилась со Столыпиным и от него прижила ребенка». Поэтому «крестьянам земли и не дали»³⁴. Можно предположить, что оба утверждения имели известную распространенность накануне войны. В том же месяце было возбуждено еще одно дело против человека, утверждавшего, что между вдовствующей императрицей и покойным премьером существовала связь (обвиняемый по мобилизации был зачислен в гвардейскую часть)³⁵. С другой стороны, встречается и утверждение о том, что Мария Федоровна мешает проведению аграрной реформы в пользу крестьян. В марте 1915 года хлеботорговец Л.И.Ольмерг утверждал: «...земли дали бы, но мешает старая [брань]»³⁶.

Среди других возможных сожителей Марии Федоровны назывались Вильгельм II, министр двора Фредерикс и даже Распутин³⁷. В сентябре 1914 года 51-летний казак утверждал, что мать царя состоит в связи с Ренненкампфом³⁸. Если учесть, что в это время начали распространяться слухи об измене генерала, то можно предположить, что тень предательства падала и на вдовствующую императрицу.

Благотворительная деятельность Марии Федоровны служит лишь прикрытием для разврата. В декабре 1915 года приказчик И.Х.Забежинский утверждал: «Старая Государыня, молодая государыня и ее дочери <...>, для разврата настроили лазареты и их объезжают»³⁹. В некоторых слухах развратное поведение вдовствующей императрицы наверняка влечет за собой должностное преступление. Так, в декабре 1914 года 33-летний ратник заявил девушкам, взявшим теплые вещи для фронтовиков, что труд их напрасен, солдаты и офицеры все равно ничего не получат: «Злая Царица Матерь Государя Императора Мария Федоровна все вещи прокутит и прогуляет со своими любовниками и развертниками»⁴⁰. Показателен образ «злой царицы-матери», напоминающий сказочные персонажи. Развратной старой царице дела нет до войны. В марте 1916 года 44-летний казак утверждал: «Старая Государыня Мария Федоровна держит при дворе для себя Распутина, так как у него большой член; ей не нужна война, а нужен большой член»⁴¹. Патриотические инициативы вдовствующей императрицы лишь служат ширмой для разврата.

³³ Впоследствии школьники в сочинениях, посвященных революции, также уделяли внимание высшей «покровительнице» контрабандистов. Она якобы «слала за границу сухари, муку, разные кушанья» (Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «Нового человека». СПб., 2003, с. 59).

³⁴ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.377.

³⁵ Там же. Л.219об.-220.

³⁶ Там же. Л.480–480об.

³⁷ Там же. Оп.530. Д.1035. Л.2об.

³⁸ Там же. Оп.521. Д.476, л.230.

³⁹ Там же. Л.481 – 481об.

⁴⁰ Там же. Л.4, 524.

⁴¹ Там же. Оп.530. Д.1035. Л.2об.

В другом слухе развратное поведение вдовствующей императрицы привлекло ее государственную измену, а затем и стало причиной международного конфликта. В мае 1915 года два крестьянина Ставропольской губернии рассуждали о том, что Мария Федоровна якобы просила поминать в церквях своих незаконнорожденных детей. После отказа она-де уехала в Германию, поэтому и началась война⁴².

Подчеркивалось иностранное происхождение вдовствующей императрицы, но нигде Мария Федоровна не называна датчанкой. Иногда она считается... еврейкой. В августе 1915 года 28-летний крестьянин заявил: «Государыни наши тоже из евреев»⁴³. Но, разумеется, чаще всего она упоминается как «немка», сочувствующая врагу. Первые обвинения такого рода относятся к февралю 1915 года.

Иногда вдовствующая императрица, подобно своей невестке, считается контрабандисткой. В сентябре 1915 г. крестьянин-латыш заявил, что она «германка и доставляет германцам разные предметы. Государь хотел ей за это отрубить голову, но одумался и посадил в тюрьму»⁴⁴.

В некоторых слухах Мария Федоровна предстает как саботажница, шпионка и диверсантка. В мае 1915 г. И.И.Фельдман, крестьянин Томской губернии (очевидно, ссыльный), в разговоре с односельчанами заявил, подразумевая императрицу: «Обе немки и всеми силами способствуют поражению России в войне с Германией». Он утверждал даже, что «по их указаниям в Петрограде, Японии, еще где-то в один день были взорваны склады оружия и снарядов, а обвиняют для вида евреев и Мясоедова»⁴⁵.

Наконец, в некоторых слухах вдовствующая императрица напоминает фольклорную вдову, злую и властолюбивую. Немке Э.М.Барановской приписывались следующие слова о том, что Мария Федоровна якобы стреляла в Николая II, чтобы царствовать самой и великому князю Михаилу Александровичу. Неграмотная же крестьянка утверждала, что мать царя-де «хотела наследника сварить в ванне, а на его место поставить какого-то [брани]»⁴⁶.

Многие современники и историки полагали, что слухи распространялись «сверху вниз»: их генерировали образованные социальные верхи, «общество». Затем слухи, меняясь, адаптируясь, воспринимались «массами», «народом». Хорошо информированный жандармский генерал А.И.Спиридович вспоминал: «...что тогда "говорили" в столице, что передавалось в провинцию и что, с другими слухами и сплетнями подготовило, в конце кон-

⁴² РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.354.

⁴³ Там же. Л.404.

⁴⁴ Там же. Л.483об.

⁴⁵ Там же. Л.92.

⁴⁶ Там же. Л.336, 397. Слух о «бабушке-убийце» появлялся и позднее. В 1924 году в норвежской прессе сообщалось, что полицейский генерал Комиссаров якобы утверждал, что вдовствующая императрица настолько ненавидела Александру Федоровну, что мечтала провозгласить наследником вместо царевича Алексея великого князя Михаила Александровича. Эта история основывалась на слухе, будто бы Мария Федоровна с помощью двух садовников пыталась лишить царевича жизни в одном из дворцовых парков (Енсен Б. Среди цареубийц: Вдовствующая императрица, семья последнего русского царя и Запад. М., 2001. С.186).

цов, необходимую для революции атмосферу <...> Здесь все упрощалось, делалось более понятным, вульгарным, скверным»⁴⁷.

Сам император тоже противопоставлял разлагающиеся «верхи» и «народ», «гнилую» столицу и провинцию. По утверждению французского посла, в разговоре с последним 27 сентября (10 октября) 1915 г. царь заявил: «Эти петербургские миазмы чувствуются даже здесь [Царском Селе], на расстоянии двадцати двух верст. И наиудиши запахи исходят не из народных кварталов, а из салонов. Какойсты! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенным совести, патриотизма и веры?»⁴⁸. Можно предположить, что Николай II подразумевал сплетни, распространявшиеся в «высшем обществе».

Современник событий и известный историк революции С.П.Мельгунов также писал об ответственности образованной элиты, фабриковавшей домыслы: «И если то, что «говорили шепотом, на ухо, стало общим криком всего народа и перешло <...> на улицу» (из речи князя Львова), то в этом повинно само общество. Оно само революционизировало народ, подчас не останавливаясь перед прямой, а иногда и довольно грубой демагогией»⁴⁹. Нельзя, впрочем, не отметить, что историк в свое время сам способствовал распространению антидинастических слухов.

Современный историк О.С.Поршнева полагает, что образы «внутреннего немца» и «темных сил» стали интенсивно формироваться в массовом сознании не без влияния критики, развернутой либеральной оппозицией⁵⁰.

Между тем генерал Н.Н.Головин указывал и на другое возможное движение слухов. Он писал в своем исследовании: «В многомиллионной солдатской массе росли слухи об измене. Эти слухи становились все сильнее и сильнее и проникали даже в среду более интеллигентных лиц. Причиной, дающей особую силу этим слухам, являлось то обстоятельство, что происшедшая катастрофа в боевом снабжении как бы оправдывала те мрачные предположения, которые нашли сильное распространение еще в конце 1914 г.»⁵¹.

Изучение дел по оскорблению императорской фамилии позволяет утверждать, что в народной среде распространялись некоторые слухи, которые не встречаются в переписке и дневниках современников. Это некоторые слухи о великом князе Николае Николаевиче, это слухи, в которых Александра Федоровна выступала как положительный персонаж, и, прежде всего, это слухи о Марии Федоровне. Можно предположить, что механизм распространения слухов был различным, часть слухов зарождалась в «интеллигентной» среде. Но некоторые слухи «возникли», по-видимому, в народной среде, имели фольклорные источники.

В то же время не стоит жестко противопоставлять «народные» и «интеллигентские». Так, комплекс слухов о вдовствующей императрице весьма напоми-

⁴⁷ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн.2. С.123.
⁴⁸ Галеолог М. Дневник посла. М., 2003. С.374.

⁴⁹ Мельгунов С.П. На пути к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). М., 2003. С.38.
⁵⁰ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С.122.

⁵¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М., 2001. С.309.

нает слухи об Александре Федоровне, весьма распространенные и в образованной среде, и развитые в массовой культуре 1917 года («развратная немка», предательница, помогающая врагу). Очевидно, не стоит преувеличивать разницу между политической культурой образованной элиты и «народной» политической культурой.

О.С.Поршнева считает, что дела по привлечению к ответственности за оскорблении в адрес царя и императорской фамилии дают материал, характеризующий антицаристские и антиправительственные настроения народных низов⁵².

Действительно, многие лица, обвинявшиеся за оскорблении царя, были противниками монархии. Пьяный крестьянин И.А.Зенуков был задержан в феврале 1916 г. на станции Самара за кражу пяти подушек. При аресте он кричал: «Долой Царя, долой самодержавие, да здравствует революция!»⁵³. Выпивший призывник, ругавший «Кольку-винодельца», певший «Отречемся от старого мира», тоже, наверное, может быть отнесен к противникам монархии. Пьяный владелец паровой мельницы, также певший революционные песни, называвший императора «кровопийцей», «палачом», «собакой», очевидно, был противником монархии⁵⁴.

27-летний чернорабочий асбестового рудника в сентябре 1914 г. заявлял: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР – [брать], дураки идут в солдаты, не нужно быходить. В некоторых государствах нет давно государей, а живут лучше нашего». Крестьянин Томской губернии заявил: «Когда кончится война, тогда долой Государя... и выберем президента»⁵⁵. Очевидно, и в данных случаях можно говорить о наличии антимонархического сознания.

В некоторых случаях люди, оскорблявшие императора, отвергали монархический принцип, хотя и сохраняли монархистскую риторику: «Нам нужен выборный царь», «Государя нужно выбирать из высших людей, на несколько лет, как выбирают старост»⁵⁶. Пьяный выпускник духовного училища заявлял: «Какая нам война с немцами, когда у нас сам царь немец. Нам нужно давно сменить царя и выбрать другого на три года»⁵⁷. Хотя в этом случае и использовалась монархистская риторика, оскорбитель фактически желал установления авторитарного президентского режима.

Но мы не знаем, например, был ли противником монархии крестьянин Саратовской губернии Алексей Самойлов, который еще до войны, в феврале 1911 г., публично ругал Императора и Императрицу, говорил, что такого государя нам не нужно и не нужно самодержавия, а добиться равноправия и избрать Государя из своей среды⁵⁸. Был ли противником монархии купец, который в июле 1915 г. заявил: «Нужно переменить Хозяина России; вот уже другую войну

⁵² Поршнева О.С. Указ. соч. С.71.

⁵³ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.277.

⁵⁴ Там же. Л.349.

⁵⁵ Там же. Л.280об.

⁵⁶ Там же. Л.133, 474об., 501об.

⁵⁷ Там же. Л.534.

⁵⁸ Государственный архив Саратовской области. Ф.1. Оп.1. Д.8762. Л.71. Сообщено Н.А.Дунаевой, которой я приношу благодарность.

проигрывает; такая военная держава, а править ею некому»⁵⁹? Идея «крестьянского царя» и «хорошего хозяина России» могла быть и монархической.

Сложно сказать, был ли носителем антимонархического сознания 43-летний мещанин г. Стерлитамака, который в январе 1915 г. заявил на постуле дворе: «Какой у нас ЦАРЬ! Не может он править. По нашей державе надо бы двух ЦАРЕЙ. Не Ему царствовать, как он [браны] ЦАРЬ, а МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ. Вот однажды на крейсере Его хотели убить и матросы кинули жребий. Если бы мне достался этот жребий, у меня рука не дрогнула бы, я бы бахнул»⁶⁰.

Во многих же случаях можно определенно утверждать, что изучаемый источник, скорее, говорит о сохранении монархического сознания среди лиц, привлекавшихся за оскорблении членов царской семьи. Сам жанр доноса (в т.ч. и оговора) предполагал наличие такого сознания. Возможно, доносители не всегда были искренними монархистами, но они считали себя таковыми. К тому же «плохим» членам императорской семьи противопоставлялись «хорошие». В разных слухах они выступали в разном качестве. Напомним, что в некоторых случаях «хорошие» император и его жена противопоставлялись «плохим» Марии Федоровне и Николаю Николаевичу. Поражает и обилие портретов, которые всегда находятся под рукой у желающих оскорбить царскую семью. Они часто висят в крестьянских избах, они наклеиваются на записные книжки, на циферблаты часов. Язык оскорблений порой также свидетельствует о том, что к ответственности за оскорблении привлекались носители консервативного сознания. Императора даже называли «забастовщиком», «посадским».

В некоторых случаях прямо указывалось, что Николай II не соответствовал образу идеального ЦАРЯ. Соответственно, он должен быть заменен более достойным кандидатом (в некоторых случаях такой кандидат назывался: им был великий князь Николай Николаевич).

Но дела по оскорблению царской семьи важны в ином отношении. Они позволяют точнее описать ситуацию политической изоляции Николая II. В условиях войны даже люди консервативных взглядов, носители разных типов монархического сознания переставали быть прочной опорой режима.

⁵⁹ РГИА. Ф.1405. Оп.521. Д.476. Л.530.

⁶⁰ Там же. Л.296об.

Марина Сорокина

«Свидетели Нюрнберга»: от анкеты к биографии

**Марина Юрьевна
СОРОКИНА**

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Архива РАН; зав. сектором
истории научной эмиграции
Библиотеки-Фонда
«Русское зарубежье»

Этот номер журнала
запечатлен на фоне
стен в зале заседаний
Архива Российской Академии наук.

На заднем плане видны
столы и стулья, на которых
сидят участники заседания.

На переднем плане
в центре виден стол
с документами.

На столе лежат
различные документы
и материалы.

На столе лежат
различные документы
и материалы.

На столе лежат
различные документы
и материалы.

msorokina@bfrz.ru

Можно ли, используя столь нетрадиционный для историка источник, как поэзия, реконструировать физический облик человека, жившего тысячи лет назад? Вполне убедительный ответ на этот вопрос в середине 1950-х годов продемонстрировал известный российский антрополог Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970), на основе анализа поэтических текстов основоположника персидско-таджикской классической поэзии Рудаки как биографического источника восстановивший пластический облик поэта¹.

В герасимовском случае дефицит традиционных исторических источников, содержащих необходимую биографическую информацию, был восполнен счастливо найденной эвристической идеей. Однако в исследовательской практике сплошь и рядом бывают случаи прямо противоположного свойства, когда значительные массивы документов, несущих огромный потенциал важнейшей биографической информации, или недоступны историку, или заведомо искажены еще в процессе их создания.

¹ Герасимова М.М., Медведев Г.И. Жизнь и деятельность Михаила Михайловича Герасимова // Вестник антропологии. М., 1998. Вып.5. С.12–26; Герасимов М.М. Опыт воспроизведения документального портрета по скелету из Панджруда. Сталинабад: Таджикское гос. изд.-во, 1958.

Такова, несомненно, история Второй мировой войны, в ее «советском» изводе – Великой Отечественной войны. В многообразной и разветвленной сталинской политической мифологии «миф о войне» оказался одним из самых жизнестойких и не только сохраняет, но в последнее время еще более упрочивает свое господствующее положение в российском общественном сознании и академической историографии.

Такую завидную социально-психологическую устойчивость военному мифу придает принципиальная установка на безымянность/анонимность его структуро- и смыслообразующих элементов («неизвестный солдат», «советский народ», «павшие и живые», «вечный огонь», «народ-победитель» и т.п.)². Бесконечная удаленность его действующих лиц от биографий реальных людей или конкретных событий многие десятилетия гарантировала возможность «общенационального забвения» как важного фактора политической стабильности советского режима. «Соавторы», «носители» и «хранители» мифа хорошо понимали эту зависимость и постоянно работали на ее поддержание.

Но в отличие, скажем, от мифологии античной советский военный миф имеет вполне рукотворное происхождение. Одним из его непосредственных творцов была «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» (ЧГК).

Созданная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г., ЧГК имела очень широкие полномочия: ей предоставлялось право проводить расследования гитлеровских военных преступлений и определять нанесенный СССР материальный ущерб, координировать действия всех советских организаций в этой области, выявлять имена военных преступников, а также публиковать полученные результаты. От имени ЧГК в 1943–1945 гг. на русском и английском языках публиковались официальные «Сообщения» о фашистских военных преступлениях на территории СССР и Польши, а также о нанесенном нацистами материальном ущербе СССР. Собранные в рамках ЧГК материалы и двадцать семь опубликованных «Сообщений» стали важнейшей документальной составляющей доказательной базы советской части Международных Нюрнбергского (1945–1946) и Токийского (1950) трибуналов, а также многочисленных внутренних советских судебных процессов над нацистскими преступниками и их сообщниками в 1940–1960-е годы³.

² См.: Tumarkin N. *The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. N. Y.: Basic Books, 1994; Tumarkin N. *The War of Remembrance // Culture and Entertainment in Wartime Russia* / Ed. by R. Stites. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1995. P.194–207; Merridale C. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. 2002.

³ Официально ЧГК была ликвидирована распоряжением Совета Министров СССР от 9 июня 1951 г., а ее документы, штаты и ассигнования на 1951 г. переданы МВД СССР. Но на этом история Комиссии не закончилась: ее публичная деятельность была реанимирована на короткое время, когда советским властям понадобилось провести показательную кампанию разоблачения нацистских преступников в правительстве ФРГ. Последний Протокол ЧГК (№73) датирован 28 марта 1960 г. и посвящен «делу Теодора Оберлендера» – Федерального Министра по делам беженцев в кабинете Конрада Аденауэра, в годы войны капитана контрразведки на восточном фронте, обвинявшегося ЧГК в венных преступлениях на Северном Кавказе и Украине.

Как известно, в соответствии с 21-й статьей Устава Международного Военного трибунала в Нюрнберге официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, принимались трибуналом без доказательств. Таким образом, акты о военных преступлениях фашистов, аккумулировавшие «показания» свидетелей, собранные в различных регионах СССР и утвержденные ЧГК (54784 акта), а также ее опубликованные «Сообщения» имели статус бесспорного доказательства и были своего рода гипертекстом – советским «коллективным свидетелем» Нюрнберга.

В течение всего периода «холодной войны» вопрос о достоверности материалов, представленных советским обвинением в Нюрнберге, оставался открытым⁴. Между тем наличие среди них документов, приписывавших расстрел польских офицеров в Катыни гитлеровцам, давало повод предполагать, что к подобным провокациям сталинские прокуроры могли прибегать и в других случаях. Эту вероятность подкреплял тот многозначительный факт, что с момента создания ЧГК собранные ими материалы были окружены строжайшей секретностью. Архивный фонд Комиссии, насчитывающий более 43 тысяч дел и хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве, многие десятилетия был недоступен для исследователей, хотя его отдельные материалы публиковались в советских сборниках документов по истории Великой Отечественной войны, подкреплявших официальную версию событий⁵.

Разумеется, до недавнего времени деятельность ЧГК также не могла быть предметом самостоятельного исследования⁶. Впервые краткое описание ее структуры и функций появилось в 1975 г. в книге Н.С.Лебедевой о подготовке Нюрнбергского процесса⁷, а затем, уже в 1997 г., А.Е.Епифанов в изданной в Волгограде под грифом Министерства внутренних дел России историко-правовой монографии «Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР» более детально рассмотрел место, роль и значение ЧГК в

⁴ Более того, в СССР до сих пор не опубликован полный корпус текстов Нюрнбергского трибунала.

⁵ См., напр.: Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в 3 томах. Киев, 1985; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1965; 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966; и многие другие.

⁶ В советской историографии история расследования нацистских преступлений в СССР представлена весьма скучно; после вышедших еще в конце 40-х – начале 50-х годов и отмеченных печатью времени монографий Б.С.Утевского, М.Ю.Рагинского, С.Я.Розенблита (Утевский Б.С. Судебные процессы о злодействиях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. М. 1946; Розенблит С.Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе. М., 1948; Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950) в СССР по этой теме публиковались преимущественно историко-публицистические и историко-правовые работы. Перелом наступил в 1990-е годы, однако и сейчас она затрагивается в основном в контексте изучения судьбы военнопленных (см.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-популярный аппарат. Вологда, 2002).

⁷ Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.

⁸ Отметчу, что в 1986 г. в Московском государственном историко-архивном институте Т.В.Борисова под руководством Т.П.Коржихиной защитила дипломную работу, посвященную ЧГК.

советской системе уголовного преследования фашистских оккупантов⁸. Однако выбранные в обеих монографиях ракурсы исследования оставляли в стороне вопрос о достоверности собранных и опубликованных ЧГК материалов.

В 1994 г. П.Н.Кнышевский предположил, что через ЧГК «пытались списать и списали часть преступлений советской власти на счет Гитлера»⁹. Как бы в ответ историку в том же году в Нальчике появилась монография «Черекская трагедия», в которой были опубликованы документальные данные о фальсификации сведений в этом районе Кабардино-Балкарии, где местные власти и комиссия содействия ЧГК выдали карательные акции НКВД и материальные потери населения при снабжении 37-й советской армии за действия гитлеровцев¹⁰. Наконец, в 1998 г. писатель Лев Безыменский в статье «Информация по-советски», проанализировав процесс подготовки «Сообщений» ЧГК, связанных с Холокостом на оккупированных территориях СССР, прямо утверждал, что часть опубликованных сведений ЧГК была результатом сознательной и целенаправленной фальсификации сталинских пропагандистов¹¹.

Даже этот вынужденно краткий обзор опубликованной по истории ЧГК литературы подводит к мысли, что помимо публично продекларированных задач ЧГК имела и скрытую миссию; помимо ее официальных, «видимых» участников за сценой существовали и, может быть, играли ведущие роли «не видимые» миру актеры; наконец, что сами процедуры создания, сортировки и обобщения документов в рамках ЧГК были частью какого-то более общего замысла. Настоящая статья, посвященная институциональной биографии и персональному составу ЧГК, призвана прояснить некоторые из этих предположений.

* * *

Следственные комиссии как институт государственного значения возникли в России в начале XVIII века; Петр I поручал им при разборе дел особой важности расследование самых срочных и запутанных случаев¹². На всем протяжении дореволюционной истории российские государи многократно прибегали к созданию и использованию этих институций, общими функциональными

⁸ Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских reparаций. М., 1994. С.5.

⁹ Азamatov K.G. и др.. Черекская трагедия. Нальчик, 1994. Известная американская исследовательница Патриция Гримстед Кеннеди приводит аналогичные факты в связи с разрушением культурных ценностей в Киеве (Patricia Kennedy. Grimstod Trophies of War and Empire. The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution. Harvard Ukrainian Research Institute, Cambridge, 2001. P.184–188; иная точка зрения: Петровский Н.В. Сокрытые страницы истории. М., 2002. С.68–78; Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003). С тех пор количество подобных примеров постоянно увеличивается. Например, российские архивисты указывают, что многочисленные потери Государственного архивного фонда в годы войны, приписывавшиеся гитлеровцам, на деле были следствием или плохой организации эвакуации, или сознательного (по разным причинам) уничтожения самими сотрудниками архивов и учреждений (Хорхордина Т. История и архивы. М., 1994. С.264–271). Историки церкви отмечают, что массовое разрушение культовых зданий Русской православной церкви также происходило еще до войны (см.: Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР 1939–1964 гг. М., 2000. С.92, 98, 117–118, 146).

¹⁰ Безыменский Л. Информация по-советски // Знамя. 1998. №5. С.191–199.

¹¹ Подробнее см.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии Петровского времени. М., 2003.

чертами которых были узость компетенции и вверяемость особым «политическим назначенцам», что гарантировало, с одной стороны, исключение самостоятельных оценок, а с другой – создание иллюзии/имитации участия самого «общества» в расследовании. Последнее обстоятельство получило особую важность и значение в начале XX века в связи с общим процессом демократизации общественной жизни России и беспрецедентной масштабностью потрясших страну боевых действий – от двусторонних до мировой и гражданской войн.

Миллионы человеческих жертв, принесенные на плаху этих войн, взыывали к ответу, и российские власти самых разных политических ориентаций регулярно создавали специальные органы по расследованию военных преступлений: Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию нарушений законов и обычаев войны под председательством сенатора Алексея Кривцова (1915). Особую комиссию по расследованию большевистских злодействий при Главнокомандующем Военными Силами Юга России, советскую Комиссию по подсчету последствий интервенции и гражданской войны и др. При всех различиях в политической окраске и организационном устройстве все эти комиссии имели общую судьбу: собранный ими массив документальных материалов никогда не стал предметом широкого публичного обсуждения в России, а подготовленные на их основе немногочисленные публикации – достоянием общественного сознания.

Впрочем, и само общество никогда не требовало отчета о результатах расследований ни у власти, ни у комиссий, молчаливо согласившись с политico-пропагандистским, конъюнктурным смыслом этих институций.

Идея создания органа по расследованию военных преступлений противника возникла в СССР сразу с началом Великой Отечественной войны. В августе 1941 г. руководитель ТАСС и член Совинформбюро (СИБ) Я.С.Хавинсон¹³ направил секретарю ЦК ВКП(б), начальнику СИБ А.С.Щербакову записку с предложением организовать постоянный «независимый» источник информации зарубежного общественного мнения о преступлениях фашистов на оккупированных территориях СССР¹⁴. Ссылаясь на европейский (!) опыт Первой мировой войны, когда в ряде стран были созданы общественные комитеты, состоявшие из выдающихся общественных деятелей, представителей культуры и науки, Хавинсон так же рекомендовал включить в советский комитет пользующихся мировой известностью советских ученых, юристов, врачей, писателей и т.д., чьи авторитет и репутация гарантировали бы в глазах международной общественности независимость оценок, суждений и выводов будущего комитета¹⁵.

¹³ Хавинсон Яков Семенович (1901–1992) – в 1939–1943 ответственный руководитель ТАСС, член СИБ, с 1942 зав. отделом контрпропаганды СИБ. В 1943–1946 член редколлегии и зав. иностранным отделом редакции газеты «Правда», затем постоянный обозреватель «Правды» по международным вопросам (псевд. «М.Маринина»).

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17 (ЦК КПСС). Оп.125. Д.51. Л.24–25.

¹⁵ Таковыми, по мнению Хавинсона, являлись: академики Академии наук (АН) СССР Н.Бурденко (председатель комитета), А.А.Богомолец, П.Л.Капица, А.Н.Бах, адвокаты Н.В.Коммодов, И.Д.Брауде, С.К.Казанцев, профессор [М.П.] Кончаловский, писатели С.Н.Сергеев-Ценский и А.С.Новиков-Прибой, директор Дома ученых М.Ф.Андреева и народная артистка СССР А.К.Тарасова.

Хотя проект Хавинсона не получил одобрения начальника Управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова⁶, он был отложен только на время и извлечен летом 1942 г., когда переговоры союзников о создании международной комиссии по расследованию нацистских преступлений (будущей United Nations War Crimes Commission)⁷ реанимировали эту идею в СССР. Теперь уже сам Александров 20 июля 1942 г. направил в ЦК ВКП(б) пакет документов (записку и проект постановления ЦК) об образовании такой комиссии⁸. Ссылаясь на российский (дореволюционный, времен Первой мировой войны) опыт, он предлагал создать типичную номенклатурную структуру сталинского образца, в которую бы входили секретари ЦК КП(б)Украины и Белоруссии, председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, прокурор СССР, заместители наркомов внутренних и иностранных дел СССР, наркомы здравоохранения СССР, просвещения РСФСР, президент АН СССР, два экономиста и писатель. Однако ни этот проект, ни следующий вариант Александрова, еще более увеличивающий представительство партийно-советской номенклатуры (до 35 человек), не были приняты высшим советским руководством.

К осени 1942 г. уже достаточно определенно обозначилась перспектива международного судебного процесса над гитлеровскими военными преступниками. Она-то и задавала советскому руководству совсем иной, по сравнению с предложениями Александрова, подход – необходимость считаться с традициями западной политической и судебной культуры, хотя бы внешне имитируя их атрибуты и используя «западные стандарты» общественного мнения: с одной стороны, собранные (и собираемые) документальные материалы о нацистских преступлениях в СССР должны были обладать международно-правовой легитимностью, а с другой – предъявлены такими представителями советского общества, чья репутация на Западе не вызывала бы сомнения.

Именно поэтому после нескольких месяцев поисков оптимальной формулы состава ЧГК окончательный выбор И.В.Сталина⁹ остановился прежде всего на представителях советской научной элиты¹⁰: из десяти титульных членов

⁶ Александров Георгий Федорович (1908–1961) – в 1940–1947 начальник УПА ЦК ВКП(б); директор Института философии АН СССР (1947–1954); министр культуры СССР (март 1954 – март 1955); после обнародования скандальных фактов его личной жизни в 1955 выведен из состава членов КПСС. С 1956 г. и до конца жизни сотрудник АН Белорусской ССР.

⁷ См.: Kochan A.J. *Prelude to Nuremberg. Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment*. The Univ. of North Carolina Press, Chapel Hill and L., 1998.

⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.79. Л.9–11.

⁹ Я не располагаю конкретным архивным документом, подтверждающим этот вывод, однако, как мне кажется, вся логика подготовки и принятия Указа о создании ЧГК (об этом подробнее см. в моей статье «Люди и Процедуры: к истории расследования нацистских преступлений в СССР», готовящейся к выходу в 2005 г. в американском историческом журнале «Kritika») говорит о том, что последнюю точку в нем мог поставить только И. В. Сталин.

¹⁰ О роли советской академической элиты, в том числе в годы войны, см.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б): 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Подред. М.Хайнемана и Э.И. Колчинского. СПб., 2002; Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С.248–254; Academia in Upheaval // Origins, ►

ЧГК шесть были академиками АН СССР. Председателем комиссии был назначен лидер советских профсоюзов и председатель Комитета по эвакуации Николай Михайлович Шверник (1888–1970), членами – 1-й секретарь Ленинградского горкома и обкома и член Политбюро ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов (1896–1948)²¹, митрополит Киевский и Галицкий Николай (в миру Ярущевич Борис Дорофеевич; 1892–1961), летчица Валентина Степановна Гризодубова (1910–1993) и шестеро академиков: четверо призыва 1939 года – Николай Нилович Бурденко (1876–1946), Трофим Денисович Лысенко (1898–1976), Алексей Николаевич Толстой (1882–1945), Илья Павлович Трайнин (1886–1949) и «старые», с дореволюционным стажем – Борис Евгеньевич Веденеев (1884–1946), Евгений Викторович Тарле (1875–1955).

Конечно, члены ЧГК подбирались по принципу абсолютной личной превосходства главному вождю и столь же абсолютной проверенности этой превосходства. Не говоря о высших партийно-советских чиновниках Швернике и Жданове, с каждым из членов ЧГК Сталин лично встречался в довоенные годы и непосредственно способствовал продвижению их карьеры. Приведу несколько примеров.

Единственной кандидатурой, изначально присутствовавшей во всех проектах персонального состава будущей ЧГК, был академик Бурденко. Председатель Ученого медицинского совета Наркомата здравоохранения СССР и директор Нейрохирургического института, член партии с 1940, он принадлежал к элите «кремлевской медицины»: лечил Сталина, членов Политбюро и правительства, деятелей Коминтерна. В 1944 именно Бурденко возглавит только что созданную Академию медицинских наук СССР. Между тем вследствие старых ранений он еще в 1937 окончательно потерял слух, а осенью 1941 перенес инсульт и временно лишился движения и речи²². Энергичный, но тяжело больной человек, Бурденко станет главным медицинским экспертом ЧГК и председателем ее спецкомиссии по Катыни.

Известная летчица, обладательница мировых женских рекордов по скорости, высоте и дальности полета, Герой Советского Союза В.С.Гризодубова неоднократно встречалась со Сталиным при подготовке беспосадочного перелета Москва – Дальний Восток (1938), затем была назначена начальником Управле-

► Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe / Eds. M. David-Fox and G. Peteri. L., 2000; Klementsov N. Stalinist Science. Princeton, 1997; Tolz V. Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics. Hounds-mills, Basingstoke, Hampshire and L., 1997; и др. Отмечу, что проблема «война и наука» до сих пор рассматривается в российской историографии односторонне – как тема вклада ученых в победу над фашизмом; см.: Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 2000; Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983; Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки, воспоминания, документы. М., 1996; Орел В.М., Пархоменко А.А. Наука и ученые Москвы в годы трудных испытаний // Москва научная. М., 1997. С. 468–495; и др.

²¹ Отмечу, что он почти не принимал реального участия в работе ЧГК.

²² Багдасарьян С.М. Николай Нилович Бурденко. М.: Медицина, 1967. С. 61–62. Интересно, что в этой оставшейся до сих пор единственной фундаментальной (хотя и в разных изданиях) биографии Бурденко почти ничего не говорится о его деятельности в ЧГК.

ния международных воздушных линий и по иронии судьбы открывала первые международные трассы в Берлин. В годы войны Управление выполняло спецзадания правительства по полетам в зарубежные страны, а сама Гризодубова сформировала и возглавила авиационный полк дальнего действия, занимавшийся спецзаданиями по снабжению партизанских отрядов. Кроме того, она была назначена председателем Антифашистского комитета советских женщин.

Несмотря на регулярные аресты ОГПУ в 20-е годы, о. Николай (Ярушевич), тогда еще епископ, уверенно поднимался вверх в церковной иерархии. Он управлял Ленинградской, Новгородской и Псковской епархиями, а в 1940 стал экзархом Западной Украины и Белоруссии. Он принимал участие в важнейших встречах православных иерархов со Сталиным в военные годы (1943, 1945) и при восстановлении института патриаршества рассматривался в качестве серьезного претендента на место патриарха Всея Руси²³.

Ведавший юридической проработкой документов ЧГК академик И.П.Трайнин с 1942 г. возглавлял Институт права АН СССР, а до этого, с 1939 г., был заместителем А.Я.Вышинского по этому институту. Между тем главный академический правовед не имел даже среднего образования и своей карьерой был обязан умению всегда точно ориентироваться на Сталина, с которым еще с 1920 г. был тесно связан по Наркомату национальностей и журналу «Жизнь национальностей».

Главным экспертом ЧГК по международным вопросам был избран выдающийся историк Евгений Викторович Тарле, специалист по истории Франции, международных отношений и внешней политики России²⁴.

В январе 1930 г. академик был арестован в Ленинграде по знаменитому «делу АН» («дело Платонова-Тарле»), выслан на 5 лет в Алма-Ату, но через некоторое время возвращен и по личному указанию Сталина восстановлен в Академии наук. Человек европейской культуры и громадного таланта, Тарле был так подавлен выпавшими на его долю неожиданными испытаниями, что с середины 30-х годов фактически стал историческим рупором вождя народов, профессионально поддерживая его geopolитические устремления.

Каждый член ЧГК курировал один из отделов комиссии: по учету злодеяний, совершенных немецкими оккупантами и их сообщниками против граждан Советского Союза – И.П.Трайнин; по учету ущерба колхозам и совхозам – Т.Д.Лысенко; по учету ущерба промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству – Б.Е.Веденеев; по учету ущерба кооперативным, профсоюзовым и другим общественным организациям – В.С.Гризодубова; по учету ущерба культурным, научным и лечебным учреждениям, зданиям, оборудованию и утвари религиозных культов – А.Н.Толстой, Н.Н.Бурденко, митрополит Николай²⁵. Кроме того, в сентябре 1943 г. при ЧГК было создано Бюро

²³ Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 гг. СПб., 1995. С.197.

²⁴ См.: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995; Каганович Б.С. Е.В.Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (1943–1945 гг.) // Проблемы всемирной истории: Сборник в честь академика А.А.Фурсенко. СПб., 2000. С.351–361.

²⁵ ГАРФ.Ф.Р-7021 (ЧГК). Оп.116, д.6. л.8.

экспертов по оценке уничтожения и расхищения памятников искусства и старины²⁶, работу которого направляло Бюро экспертизы во главе с художником академиком И.Э.Грабарем²⁷.

Как показывают протоколы ЧГК, фактически Комиссия не собиралась, а ее протоколы согласовывались «опросом»: из 27 заседаний в 1943–1944 гг. только 4, причем весьма незначительные по повестке дня, состоялись как собрание членов комиссии. Реальные рычаги управления всей деятельностью ЧГК находились в руках ее властных патронов, формировавших «политический заказ», и аппарата комиссии, который его реализовывал²⁸.

В военные годы аппарат ЧГК (начальники отделов и инспекторы) составлял примерно 150 человек, что соответствовало численности небольшого советского наркомата. Хотя «начальник отдела» ЧГК был ключевой фигурой аппарата, никто из них в довоенной жизни не был хоть как-то профессионально связан с областью компетенции своего отдела в ЧГК, тем более с вопросами международного уголовного права. Коллективный портрет «начальника» складывается из традиционных для выдвиженцев советского времени биографических черт: низкое социальное происхождение; служба в Красной армии в годы гражданской войны; затем, как правило, богатая партийно-комсомольская карьера в провинции и наконец, после получения «высшего» образования в каком-нибудь коммунистическом университете или партшколе – партийно-хозяйственная карьера в столице. Разумеется, в анкетных данных, представленных в ЧГК, нет ни слова об участии того или иного лица в различных партийных оппозициях 1920–1930-х годов или затронутости репрессиями, хотя приводимые сведения о некоторых странно быстрых сменах места работы и перемещениях из центра на периферию заставляют думать, что без них не обошлось.

Так, начальником отдела по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, был назначен Владимир Николаевич Макаров (1898–?)²⁹. Закончив строительный техникум, он работал на Дальнем Востоке, в Казахстане, где дослужился до должности управляющего Казахским отделением Центрального института труда и члена коллегии Наркомата труда Казахской АССР. В 1934 Макаров вернулся в Москву и руководил группами труда и совхозного строительства Госплана СССР (1934–1937). В мае 1938 Макаров «по собственному желанию» уволился из Наркомата тяжелой промышленности и перешел на работу с большим понижением – начальником производственного отдела Музея труда ВЦСПС.

Другой ответственный работник аппарата ЧГК и будущий участник Нюрнбергского процесса – Сергей Трофимович Кузьмин (1907–?)³⁰ – все 20-е годы провел на партийно-комсомольской работе в Средней Азии: секретарь ЧК по

²⁶ ГАРФ.Ф.Р-7021(ЧГК).Оп.116.Д.17.Л.4–5.

²⁷ Там же. Л.6.

²⁸ См., например, письмо академика И.П.Трайнина ответственному секретарю ЧГК П.И.Богоявлensкому о необходимости ознакомления членов ЧГК с проектом «Сообщений», а не с уже утвержденным текстом, как это произошло в случае с Карело-Финской АССР (ГАРФ.Ф.Р-7021.Оп.116.Д.326.Л.4).

²⁹ Там же. Оп.124.Д.77.

³⁰ Там же. Д.64.

борьбе с беспризорностью, управделами и зав. секретариатом Киробкома ВКП(б) г. Фрунзе и др. После разгрома партийных оппозиций в центре он вызван в Москву, где последовательно управлял делами Замоскворецкого и Пролетарского РК ВКП(б), в 1931–1936 работал референтом МГК ВКП(б), а в октябре 1937 – августе 1938 – партследователем и контролером Комиссии партконтроля при ЦК РКП(б) по Ростовской области. Только в 1936 решением секретариата МГК ВКП(б) Кузьмин был направлен на учебу на строительный факультет Промакадемии им. Л.М.Кагановича, где и получил к 1941 высшее образование.

Пожалуй, единственное исключение в биографической выдвиженческой традиции представлял Дмитрий Иванович Кудрявцев (1896–?), начальник отдела по учету злодеяний гитлеровцев. Инженер-экономист и член партии с 1918, он уже в 1924 окончил отделение внешних сношений 1 МГУ, а в 1937–1940 дополнительно прошел там же курс международного права. На протяжении 1920-х годов Кудрявцев работал в различных советских внешнеторговых организациях, в том числе за границей, однако в первой половине 1930-х оказался на далекой периферии (Владивосток, Тифлис). После возвращения в Москву его снова назначили на ответственные посты в кредитных организациях³¹.

Наряду с центральной ЧГК по всей стране была создана разветвленная система региональных комиссий содействия работе ЧГК: от республиканских и областных до поселковых. Неотъемлемой составной частью этого грандиозного сооружения являлись также многочисленные ведомственные комиссии, аккумулировавшие сведения об ущербе, нанесенном учреждениям и организациям различных наркоматов.

Персональный состав республиканских и областных комиссий кардинально отличался от центральной ЧГК: их возглавляли «тройки» – первый секретарь соответствующего регионального комитета ВКП(б), главы региональных СНК и НКВД/НКГБ, которые привлекали к сотрудничеству в комиссиях «представителей общественности»³². Аналогичная модель использовалась и на более низких местных уровнях. Такой персональный состав комиссий означал, что реально, ввиду очевидной занятости первых лиц местной партийной и государственной власти, весь процесс первичного сбора сведений о преступлениях нацистов и нанесенном ими ущербе направлялся и контролировался органами НКВД/НКГБ и СМЕРШ³³. Собранные ими по «горячим следам», часто не проверенные и противоречивые, свидетельские показания составляли основу актов о преступлениях, а сами свидетели, многие из

³¹ Возможно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что его сестра была замужем за начальником мест заключений Москвы.

³² ГАРФ.Ф.Р-7021. Оп.116. Д.1а. Л.1, 13–16.

³³ Создание армейской контрразведки «СМЕРШ» и издание знаменитого Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», так же, как и активизация расследований по линии ЧГК, – звенья, несомненно, одной цепи, призванные в том числе, а может быть, и прежде всего навести «порядок» на освобожденных советских территориях.

которых были военнопленными или работали в оккупационных немецких учреждениях (в том числе в карательных органах), быстро исчезали, будучи осужденными за «содействие» или нарушение присяги. Так, фигурировавший в сообщении ЧГК «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области»³⁴ как жертва применения нацистами отправляющего вещества (иприта) хозяин мастерской фруктовых вод Николай Михайлович Ноздрунов сразу после дачи нужных показаний НКВД был арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 5 лет поражения в правах³⁵.

Еще более целенаправленные корректизы вносились сотрудниками НКВД/НКГБ в обобщающие фашистские преступления материалы. Так, в личном фонде члена ЧГК, писателя-академика А.Н.Толстого среди подобраных для него документов сохранились две справки начальников УНКГБ по Ставропольскому краю – подполковников Шапиро и Мещанова. Если в «совершенно секретной» справке Шапиро («Фашистский кровавый разгул за период временной оккупации г. Ставрополя») отмечалось тотальное истребление еврейского населения города³⁶, то в другой – «О фактах насилия, грабежа и зверств, которые чинились немцами над населением Ставропольского края в период его оккупации»³⁷, приготовленной в июне 1943, по-видимому, специально к приезду Толстого в Ставрополь, говорилось уже о том, что истреблению подвергались прежде всего «коммунисты, советский актив, комсомольцы, семьи военнослужащих, раненые красноармейцы и «другие советские граждане».

Тотальный контроль органов НКВД/НКГБ и СМЕРШ существенно облегчался отсутствием нормативной юридической и методической базы по у становлению фактов преступлений и учету нанесенного гитлеровцами ущерба. «Инструкция» ЧГК, регламентирующая порядок расследований, а также форму и порядок составления актов, была утверждена только 31 мая 1943³⁸; еще позже на места поступили инструкции и ценники, определявшие порядок исчисления материального ущерба, и, таким образом, участникам этой огромной работы приходилось руководствоваться своими собственными соображениями. Как следствие, местные комиссии составляли документы столь произвольно и хаотично, что в дальнейшем их использование было весьма затруднительно даже для привыкших к плохой организации советских властей. После поездки в освобожденный Калинин (июль 1943) член ЧГК академик Б.Е.Веденеев в официальном письме-заключении председателю Калининской областной комиссии И.П.Бойцову констатировал, что «фиксация причиненного ущерба в значительном количестве актов неудовлетворитель-

³⁴ Опубликовано: Известия. 1943. 7 сентября; Правда. 1943. 8 сентября; опубликовано: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

³⁵ См.: Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. В 3 т. Орел, 1995. Т.2.

³⁶ РГАСПИ, Ф.269. Оп.1. Д.26. Л.130–133.

³⁷ Там же. Л.102–105.

³⁸ ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.116. Д.6. Л.2–3.

на, так как не содержит в себе указаний на обстоятельства, при которых был причинен ущерб и кем он был причинен и когда, а в некоторых актах формулировка причиненного ущерба совершенно неприемлема»³⁹.

Несомненно, низкая правовая и экономическая культура населения и местных советских руководителей прямоказывалась на качестве подготовленных документов. В то же время были и другие резоны, серьезно влиявшие на объективность и точность представляемых в центр данных. Привыкшее действовать на основе спущенных «сверху» директив, партийно-хозяйственное руководство освобожденных советских территорий явно не понимало, какие именно цифры потерь и ущерба нужно отправить в Москву. «Мало жертв и разрушений – могло быть прочитано как проявление коллаборационизма, отсутствие активной подпольной и партизанской борьбы с врагом, «много» – означать неудовлетворительную работу по эвакуации и проявление деморализующих население настроений. Пришедшие в ЧГК документы из регионов демонстрируют растерянность и несогласованность местных властей в разрешении этой дилеммы. Так, в Ростове-на-Дону возникли значительные трудности с определением числа «уведенных в плен», так как, по справедливому, но наивному мнению местной комиссии содействия ЧГК, многие жители ушли в Германию добровольно, и инспекторам ЧГК для увеличения итоговых цифр пришлось разъяснить коллегам, что эта «добровольность» – вынужденная обманом и голодом, массовыми убийствами и повседневными издевательствами и, следовательно, уехавших по собственному желанию надо отнести в графу «угнанные в рабство»⁴⁰. В Ставропольском крае общая сумма ущерба по предприятиям краевого и республиканского значения, по подсчетам инспектора ЧГК М.М.Карпова, была завышена примерно на 1 миллион рублей, в то же время стоимость потерянных жилых деревянных зданий занижена на 5 миллионов⁴¹. При сопоставлении данных об убитых и замученных мирных гражданах Винницкой области, зафиксированных в 1689 актах, с обобщенными сведениями, представленными Винницкой областной комиссией, отдел по учету злодеяний ЧГК отметил расхождение в 30 000 человек⁴². Документы местных комиссий содействия ЧГК переполнены подобными «расхождениями», однако это не помешало их «утверждению» на заседаниях ЧГК.

Часть поступивших с мест сведений о нацистских преступлениях вошла в официальные «Сообщения» ЧГК, подготовка и издание которых были важнейшей задачей комиссии. Тематически «Сообщения» охватили весь спектр военных преступлений, ответственность за которые регулировалась международным правом: убийства и истязания мирных граждан, военнопленных, психиатрических больных, разрушение городов, культурных учреждений и церквей, уничтожение и похищение культурных ценностей, применение отравляющих газов и бактериологического оружия и т.п. Географически они

³⁹ ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.116. Д.6. Л.60–61.

⁴⁰ Там же. Д.10. Л.102об.

⁴¹ Там же. Оп.117. Д.12. Л.140.

⁴² Там же. Д.18. Л.22.

затронули Карело-Финскую ССР, Украину (Ровно, Киев, Харьков, Львов), Белоруссию (Минск), Российскую Федерацию (Новгород, Орел, Смоленск и др., включая Северный Кавказ), а также прибалтийские республики (Литва, Латвия, Эстония)⁴³. Нетрудно заметить, что целью советской пропаганды была широкая демонстрация гитлеровских преступлений против всех народов СССР, включая аннексированные в 1939–1941 территории.

Номинально ответственной за выпуск «Сообщений» ЧГК была назначена «тройка» в лице А.Я.Вышинского, Н.М.Шверника и Г.Ф.Александрова⁴⁴. Процедура визирования подготовленных аппаратом ЧГК текстов включала несколько этапов: сначала их редактировали А.Я.Вышинский и Г.Ф.Александров, затем Н.М.Шверник отправлял документы на предварительное решение о публикации В.М.Молотову⁴⁵ и, наконец, окончательное разрешение давал лично И.В.Сталин.

Ключевой фигурой всей процедуры подготовки «Сообщений» был Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), без вердикта которого В.М.Молотов не визировал ни одного документа ЧГК. В прошлом опытный постановщик внутренних политических судилищ, а в перспективе – оперативный руководитель советской части Нюрнбергского процесса⁴⁶, Вышинский быстро стал «теневым» руководителем ЧГК, неофициальным главным редактором и цензором ее «Сообщений». Редактируя проекты «Сообщений», он, с одной стороны, жестко требовал использования строгих юридических формулировок, точности в тех деталях, которые могли быть легко проверены, доходчивости текстов для массового читателя⁴⁷, а с другой – никогда не останавливался перед прямой фальсификацией фактов. Правка Вышинского легко превращала зафиксированное, например, судебно-медицинскими экспертами отсутствие «объективных доказательств» в утверждения прямо противоположного смысла⁴⁸.

В своих представлениях о политической целесообразности и вседозволенности как ведущих «критериях» при использовании реальных фактов преступлений Вышинский не был одинок. Этую стратегию разделяли все члены ЧГК, откровенно заявлявшие, что в борьбе с агрессором хороши любые методы, в том числе и волюнтаристское обращение с фактами⁴⁹.

⁴³ См.: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодействах немецко-фашистских захватчиков. (Москва: Госполитиздат, 1946); Документы обвиняют: Сборник документов, 2 вып. (Москва, 1943–1945).

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.116. Д.5в. Л.88.

⁴⁵ Для сведения проекты «Сообщений» направлялись также А.С.Щербакову. Изложенная схема отличается от приводимой Л.Безыменским (см.: Безыменский Л. Указ. соч. С.192–193)

⁴⁶ Вышинский был назначен Политбюро ЦК ВКП(б) председателем Комиссии по руководству работой советских представителей в Международном трибунале в Нюрнберге, см.: Зоря Ю. Нюрнбергская миссия // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / Сост. и общ. ред. О.Е.Кутафина. М., 1992.

⁴⁷ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп.116. Д.152. Л.44; Д.84. Л.1; Д.65. Л.3.

⁴⁸ Показателен в этом смысле процесс подготовки в ноябре 1943 г. сообщения «О разрушении гор. Смоленска и злодействах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами», непосредственного предшественника и в каком-то смысле репетиции будущей Катынской инсценировки, см.: РГАСПИ. Ф.82 (Молотов). Оп.2. Д.512. Л.33–34.

⁴⁹ Многочисленные примеры см. в стенограммах совещаний ЧГК: ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.116. Д.136.

В упомянутой выше статье Лев Безыменский удивлялся, как это вполне достойные люди – писатели Павло Тычина и Максим Рыльский, «пользовавшиеся высокой репутацией и чуждые любым проявлениям антисемитизма» и безусловно зная правду о расстрелях еврейского населения в Бабьем Яру, подписали «Сообщение» ЧГК по Киеву, в котором скрывались факты Холокоста⁵⁰. В отличие от писателя Безыменского, всегда остававшийся «сталинским прокурором» Вышинский никогда не сомневался, что взращенная сталинизмом «советская интеллигенция» поддержит и творчески разовьет любые инициативы своих вождей, и при подборе свидетелей ЧГК для Нюрнбергского процесса, как и его хозяин, предпочитал рафинированного интеллектуала косноязычному и неизвестно что могущему ляпнуть крестьянину⁵¹.

Сталинский замысел создания фантома «общественного обвинителя» фашизма вполне удался: спустя полвека (!) даже имеющая репутацию либеральной радиостанции «Эхо Москвы» в рамках патриотического проекта «Один день войны» ежедневно (!) в 2004 г. транслирует подготовленные сталинскими пропагандистами сводки-агитки о положении на фронте, ничуть не задаваясь вопросом об их достоверности⁵². А документальные материалы, созданные и собранные ЧГК, снова оказались очередной российской братской могилой, вскрывая которую, историки еще будут долго и иногда безуспешно разбираться, где – свои, а где – чужие, где – палачи, а где – жертвы⁵³.

⁵⁰ Безыменский Л. Указ. соч. С.193.

⁵¹ См.: ГАРФ. Ф.Р-7021. Оп.116. Д.342. В этом деле сосредоточены различные варианты списков свидетелей от ЧГК для Нюрнбергского процесса.

⁵² Передающиеся в параллель «показания» свидетелей не спасают: они воспринимаются как дополнение официальных сообщений, а не противопоставление им.

⁵³ Данная статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Фондом Г.Хенкель (Германия). Приношу глубокую благодарность профессору Д.Байрау и всем коллегам из Института Восточной Европы Тюбингенского университета, чья заинтересованная помощь сопутствовала этой работе.

Петр Митцнер

Историк литературы и биография

Петр МИТЦНЕР

профессор истории
литературы и театра
Университета кардинала
Стефана Вышинского,
доктор театроведения,
заместитель главного редактора
журнала «Новая Польша»
(Варшава)

До сих пор мы здесь говорили о ве-
щах серьезных, о судьбах, об истории.
Теперь речь пойдет о несерьезных ве-
щах – о литературе.

Что думает польский историк лите-
ратуры о биографии писателя?

Собственно говоря, он не знает, что
ему думать, и даже можно ли ему вооб-
ще об этом думать. До начала Второй
мировой войны польская история лите-
ратуры опиралась на монографии в сти-
ле «жизнь и творчество писателя». Это
были тексты с совершенно определенны-
ми тенденциями. Писатели выступали в
роли национальных героев, витий и жре-
цов национального освободительного
движения. Инспирацией для подобных
текстов служили сочинения Плутарха и
жития святых.

Это клише не допускало рефлексий
на тему биографии, эксцентрических ин-
новаций, которые мы наблюдаем в то же
время на Западе, где Флобер высказывает
два фундаментальных и противореча-
щих друг другу мнения: 1) «У меня нет
никакой биографии», 2) «Госпожа Бова-
ри – это я». Не было в польской лите-
ратуре и радикальных экспериментов, на
которые отваживались идти в своих био-
графиях собственного сочинения Оскар
Уайльд и Томас Харди (последний, как

известно, сам написал свою при жизни, исходя из справедливого мнения, что никто другой лучше его самого этого не сделает).

В межвоенный период были попытки изменить это состояние дел. И если не возникло выдающихся произведений, были все же размышления над этой проблемой. Теоретик польского экспрессионизма Ян Стур в 1921 году предлагал в биографии отбросить все табу, ибо никакая деталь из жизни писателя, даже из наиболее бесстыдных, не может не иметь значения. С другой стороны, поэт и теоретик краковского авангарда Тадеуш Пейпер в 1923 году выступал против биографии, перегруженной датами, и предлагал весьма экстравагантную по тем временам идею: воспроизводить жизнь творца на основе использованных им метафор.

Вскоре должны были дойти до Польши совпадающие с пейперовскими предложения Бенедетто Кроче, который противопоставлял «личности биографической» – «личность эстетическую». Спустя много лет, в 60-е годы, знаменитый польский критик Ян Юзеф Липский, своеобразный защитник биографического метода, утверждал, что Кроче совершил большой гуманистический переворот благодаря изменению действительности. Позднее историк литературы Мария Жмигродская, в свою очередь, модифицируя мысль Кроче, предложил различать «личность писателя» и «личность пишущего».

Любопытно, что это были времена, когда в Западной Европе осуществлялись попытки полностью поставить под вопрос биографии, написанные самими писателями.

В качестве примеров может служить позиция Т.С.Элиота, настаивающего на отказе от рассмотрения произведения в связи с личностью писателя и его биографией. И еще более радикальное гиперавторство португальского поэта Фернанду Песоа, который, как известно, публиковался под несколькими псевдонимами и, не ограничиваясь этим, создавал фiktивные образы крайне талантливых виртуальных (как мы сказали бы сегодня) творческих личностей.

На Западе межвоенный период был временем написания биографий без оглядки на теоретические разработки. Пример Андре Моруа и Стефана Цвейга вдохновил польского писателя Тадеуша Боя-Желенского на новую книгу о Мицкевиче. Этой работе сопутствовала большая полемика, в которой приняли участие выдающиеся литераторы и критики. Бой-Желенский пропагандировал свою теорию «снятия памятников с пьедестала»¹. Он был также убежден, что в жизни писателя находятся все ключи к интерпретации его произведений. Несомненно, как минимум один из постулатов Боя до сих пор не устарел: биограф должен иметь чувство юмора.

Страсть Боя к выискиванию неизвестных и пикантных подробностей из жизни гения осмеял тогда (то есть в 1932 году) Ежи Стемповский, утверждая, что демонстрация писателя «в домашних туфлях» – это слишком мало. Ибо каждый имеет свои домашние туфли, и они не слишком отличаются от туфель соседа. А биограф должен искать то, что является исключительным. Кроме того, он предостерегал от избытка артистизма в биографии, от игры эффектными деталями, которые, по существу, не имеют большого значения.

¹ Адольфуй и Стэнли «odbrzawiania (ożwiast' pamiatnik) pomników».

В 30-е годы в Польше появились любопытные биографии деятелей истории – вождей и героев, но не писателей. Из писательских биографий, наряду с эссе Боя-Желенского о Мицкевиче, Пшибышевском и нескольких других писателях, наиболее примечательны книги Яна Паандовского об Оскаре Уайльде «Король жизни»² и щедро комментируемая в ту пору работа Кароля Збышевского «Немцевич спереди и сзади»³ (отвергнутая в качестве кандидатской диссертации в университете). Это, собственно, все.

Наиболее живой и обращенный к человеческой личности период критики персонализма в 1930-х годах не родил биографии. А один из наиболее любопытных его представителей эссеист Анджей Плесневич утверждал, что «реконструкция» личности автора на основе его произведений является занятием напрасным и гротескным. Ибо может возникнуть фигура целого, не имеющая отношения к действительности, симулякр, как бы сказали сегодня.

После войны, в период соцреализма возникли (о чудо!) две ценные биографии: Мицкевича, написанная Мечиславом Ястроном⁴ и Словацкого, пера Павла Херца⁵, отдающие минимальную дань системе. Никто, однако, не писал биографий «в стол», для потомков. Трудно сказать, почему.

Оттепель середины 50-х годов не изменила ситуации в биографике. Это были времена освоения литературоведения и литературной критики структурализмом и семиотикой, отмеченные борьбой с влиянием социологии и психологии на анализ текстов. Лишь в 1965 году уже упомянутый мною Ян Юзеф Липский вспомнил о праве привлечения биографии в литературных исследованиях. Это вытекало прежде всего из его исследования творчества Яна Каспровича. Аргументы Липского временами напоминают те, которые представил несколько позднее Ханц Георг Гадамер в своих текстах о поэзии Поля Целана. Когда я говорю своим студентам о герменевтическом анализе текста, мне вспоминаются сожаления Гадамера о том, что ему хотелось бы больше знать о растительности в родных местах Целана, потому что без этого он, временами, как без рук.

Липский защищал биографию, утверждая, что в польской культуре преобладает «индивидуалистичный, а также персоналистический способ ее понимания, что является основой ее существования»⁶.

Однако биографика являлась по-прежнему маргиналией литературы. Вместо биографии вновь всплыли откуда-то тривиальные «хроники жизни и творчества» – дело запыленных архивистов. Неким эрзацем биографии могут считаться статьи в Словаре современных польских писателей⁷, Словаре писателей и исследователей литературы⁸, а также Польском биографическом словаре⁹.

² Parandowski J. *Król życia*. Warszawa, 1930. Т. 1

³ Zbyszeński K. *Niemcewicza od przodu i tyłu*. Warszawa, 1939.

⁴ Jastrun M. *Mickiewicz*. Warszawa, 1949.

⁵ Hertz P. *Portret Słowackiego*. Warszawa, 1949.

⁶ Lipski Jan J. Biografia a interpretacja // Z problemów literatury polskiej XX wieku. T. I: Młoda Polska (praca zbiorowa). Warszawa, 1965. S. 184.

⁷ Słownik Współczesnych Pisarzy Polskich. Seria I i II. Warszawa, 1963–1980.

⁸ Współcześni polscy pisarze i badacze literatury. Słownik biobibliograficzny. Warszawa, 1994.

⁹ Polski Słownik Biograficzny.

Это увлекательное чтение и вместе с тем готовые конспекты биографии. Увы, только конспекты, хотя судьбы (невзирая на ранги писателей) так удивительно сплелись, как судьбы всей польской интеллигенции. Нет уже среди них (употребляя терминологию Пятигорского и Успенского) «асемиотичных» личностей.

В определенный момент в Польше перестали появляться сборники воспоминаний современников об умерших писателях. Знаменательно, что последний из них, посвященный личности Станислава Ежи Леча, только наполовину состоял из воспоминаний, вторая половина – статьи, анализирующие его тексты¹⁰. Исключение составляет книга, изданная несколько лет спустя после смерти Мирона Бялошевского¹¹.

Это происходило наверняка и потому, что многие исследователи сочли каноническим тезис Ролана Барта о «смерти автора», столь же эффектный, сколь неубедительный. Наилучшим противоядием против Барта является Марк Твен, который, как мы помним, сказал: «Все слухи о моей смерти прошу считать преувеличенными». И в самом деле, в 90-е годы был подан сигнал к отступлению. Появились заслуживающие внимания научные сборники с характерными названиями: «Присутствие автора», «Я – автор»¹² или «Личность в литературной коммуникации»¹³, а Институт литературных исследований Польской Академии Наук издал три сборника материалов «Спорные фигуры польской литературы»¹⁴.

Нет больших новых биографий (так же, как нет и биографических повестей о писателях, последние книги этого типа – «Звезда Полны» Владислава Терлецкого¹⁵ о Виткаци и «Оплаченные зверята» о Станиславе Бжозовском¹⁶), а интерес к биографии огромен. Ясное дело – парадокс. Пищей для удовлетворения этих нужд (как исследователей, так и читателей) являются опубликованные дневники писателей, переписка или разработки отдельных эпизодов их жизни. Большим успехом (в том числе на книжном рынке) пользуются «интервью-реки», в которых писатели свидетельствуют о том, что видели в 20 веке. В этом ряду недостижимым образцом является огромная книга бесед Чеслава Милоша с Александром Ватом «Мой век»¹⁷.

Ни один из польских авторов не пошел по пути Сартра (автора текста о Стендале «Идиот в семье») или Петера Экройда (очень известного в нашей стране), который бросается на невероятно трудные темы, создавая биографии таких загадочных писателей, как Уильям Блейк или Т.С.Элиот. Впрочем,

¹⁰ Myślę, że jestem: O Stanisławie Jerzym Lecu / Opracowała W. Leopold. Kraków, 1974.

¹¹ Miron: Wspomnienia o poecie / Zebrała i opracowała H. Kirchner. Warszawa, 1996.

¹² Ja, autor. Sytuacja podmiotu w polskiej literaturze współczesnej / Pod redakcją D. Śnieżki. Warszawa, 1996; Zieliwicz A. Obecność autora. Style rzeczywistości w sylwie współczesnej. Warszawa, 2001.

¹³ Osoba w literaturze i komunikacji literackiej / Praca zbior.; red. E. Balcerzan, W. Bołecki. Warszawa, 2000.

¹⁴ Sporne postaci polskiej literatury współczesnej. T. 1–4 / Pod redakcją A. Brodzkiej i L. Burskiej. Warszawa, 1994–2003.

¹⁵ Terlecki W. Gwiazda Piłsudka. Warszawa, 1968.

¹⁶ Terlecki W. Zwierzęta zostały opłacone. Warszawa, 1980.

¹⁷ Wat A., Mój wiek. Pamiętnik mówiony. Rozmowy prowadził Cz. Miłosz. T. 1–2. Pierwsze wydanie: Londyn, 1977; Warszawa, 1998.

для выбора есть немало направлений биографики. В 1999 году их обзор дал журнал «Литература на свете», где в обширном номере представлена антология новейшей биографики¹⁸. Представленные там примеры не нашли подражателей. А в случае биографики, как я полагаю, такая инспирация, даже значительно продвинутая, не является ничем предосудительным. Здесь сам материал или судьба предопределяет оригинальность.

В 60-е и 70-е годы исключение составили два автора: Виктор Ворошильский – автор биографий-коллажей Салтыкова-Щедрина, Маяковского и Есенина, а также Marek Rymkiewicz – автор биографических эссе о Мицкевиче, Словацком и Фредро. Самая последняя книжка Рымкевича посвящена Болеславу Лесманию. Удивительно интересно, что она является бегством от нарратива и имеет форму... энциклопедии. В виде энциклопедии были также изданы последние сборники о Мицкевиче и Бруно Шульце. Именно Шульц, Гомбревич и Виткаци – писатели, чья жизнь вызывает до сих пор живой интерес. Только пока никто не предпринял попытки написания цельной биографии кого-либо из них. Трудно сказать, почему так происходит. Могло бы также появиться много великолепных биографий – людей театра, например.

Эпизоды биографии писателей и заметки, появляющиеся в последнее время, имеют специфический характер. Они касаются чаще всего сложных исторических и эмоциональных проблем. В наиболее примитивной версии: политики и секса.

Это не значит, что на рынке полностью отсутствуют биографии писателей. Чаще всего они являются лихорадочно-сенсационными. Их героями предстают либо молодые поэты, погибшие в Варшавском восстании, либо «пруклятые писатели» периода ПНР¹⁹. Характерно отношение к этим творцам: легендарные, трагические каскадеры. Трагичная судьба, внезапная смерть сами укладываются в нескучный текст. К тому же, чем короче жизнь, тем легче архивные поиски.

Еще более незатейливыми кажутся подступы к биографике в гендерной парадигме. Что из этого выйдет, еще посмотрим. Пока мы выяснили, что Юлиуш Словацкий был педофилом²⁰. Ждем дальнейших сенсаций.

***

Будем надеяться, что дилемма: отыскивать следы биографии писателя по его текстам или трактовать ее полностью автономно, ушла в историю. Подобно некоторым исследованиям экстремистских тенденций. Упомянутый уже мною Тадеуш Бой-Желенский говорил, что одна из наиболее серьезных польских дилемм гласит: мыть руки или ноги? Биографизм или формализм? Руки или ноги? А может быть так: и то, и другое.

Перевод С.П.Свяцкого
при участии Т.Косиновой

¹⁸ Literatura na Świecie. 1999. №7/8.

¹⁹ Среди прочих: *Marx J. Legendarni i tragiczni. Eseje o polskich poetach przeklętych*. Warszawa, 1993.

²⁰ Zieliński J. Szatan i kot. Warszawa, 1999.

Олег Божков

Население биографии: свои и чужие

Олег Борисович
БОЖКОВ

старший научный сотрудник
Социологического института
РАН

Что за существо Человек? Как он относится к обществу? Что такое – это общество, в конце концов? Казалось бы, банальные вопросы, но есть ли на них удовлетворительные ответы? Карл Маркс, например, считал, что человек есть совокупность общественных отношений. А Давид Рисмен назвал свою книгу «Одиночная толпа», утверждая тем самым, что общество противостоит человеку, оказывая на него постоянное давление, но столь же постоянно оставляя его одиноким. Кстати, Борис Владимирович Дубин продемонстрировал весьма яркий случай одиночного человека, пытающегося безуспешно пробиться к другим людям. Этот пример еще раз обращает внимание на вопрос, какое же место занимают другие люди (и какие именно) в нашей жизни.

Не претендуя на исчерпывающие ответы, попробуем разобраться в некоторых из этих банальных вопросов на материалах автобиографий. К этой попытке подтолкнула реакция одного из коллег на мой доклад (возможно, не самый удачный):

olegbozh@hotmail.com

¹ Божков О. Генеалогия и биографические данные: уроки генеалогических экспедиций // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти В.В.Иоффе. 18–19 апреля 2003. СПб., 2004. С.40–52.7

о специфике «массовой генеалогии» и проблемах, возникающих при сборе генеалогических данных о простых людях. А реакция была следующая (цитирую по расшифровке фонограммы):

Я тут недавно смотрел фильм фантастический, где инопланетянина с большим удивлением спрашивает: в почему вы, земляне, с таким интересом и значением относитесь к биологическим связям?

И у меня возникает тот же вопрос, – заявил мой коллега, – и большое сомнение в ценности такого рода исследования, поскольку исследователь сам конструирует, не столько изучает, как люди конструируют реальность, а конструирует за них эту реальность. Я думаю, что изучение генеалогии – это такой генеалого-позитивистский артефакт, который исследователю мало помогает объяснить, почему люди себя так ведут. Конечно, в традиционном обществе некоторые люди структурируются этими родственными связями, но в современном обществе в городе кто структурирует нашу жизнь – наши друзья, соратники, иногда родственники. И исследователь должен говорить о том, что да, эта группа населения или семья таким-то образом структурирует свою жизнь, но исследователь не должен из этого делать никаких выводов, никаких интерпретаций. Может быть, вычислить долю традиционности в современном обществе.

Кто еще у нас остался, для кого родственники важны? Кроме родственников, может быть, первой степени. Конечно, остались традиционные институты, которые связаны с этим (например, наследование), которые, я считаю, тоже можно подвергнуть сомнению. Или передача трона династией. Или еще что-нибудь.

Но я хочу только напомнить, что все это является чистой воды расизмом. Это основано на крови. И что это объясняет? Я предполагаю делать такие выводы для исследователя, который бы сказал, что сегодня ценна не наша социальная память в генеалогическом смысле, а ценные манкуры, которые дают возможность нам разрушить традиционное общество.

Во как! В этом эмоциональном (уж очень много оценок) комментарии затронуто несколько чрезвычайно актуальных методологических, гуманитарных и этических проблем.

Во-первых, это, конечно же, проблема предмета исследования. Что изучается, зачем, с каким эффектом? Являются ли результаты исследования достоверным знанием или артефактами? Во-вторых, также методологическая проблема, затронутая в этой реплике, относится к вопросу о том, как поведение людей «структурируется» другими людьми и какие способы организации человеческого поведения характерны для обществ разного типа. В-третьих, это круг гуманитарных проблем, касающихся ценностей. Прежде всего, ценностей родства, крови, расовых отношений и т.п. Четвертый – круг этических проблем, касающийся способов и форм ведения научной дискуссии, также важен и представляет определенный интерес. Кстати, в целом, эта реплика была явно критической, в ней отчетливо проявилось негативное отношение к нашей работе.

Должен заметить, что предметом нашего исследования были долгосрочные социально-культурные изменения, в том числе изменения характера и качества семейно-родственных и свойственных отношений. В этом плане сделанные в ходе трехлетнего экспедиционного цикла наблюдения отнюдь не представляются мне артефактами. С одной стороны, мы убедились, что социальная (в частности семейная) память представляет собой мозаичную и не очень устойчивую структуру. Но зафиксировано также и то, что определенные группы населения воспринимают ослабление социальной памяти как социальное бедствие. И именно представители этих групп прилагают изрядные усилия, для того чтобы поддержать и сохранить эту память. В последней нашей экспедиции мы встретили, по меньшей мере, две семьи, члены которых предприняли серьезные, в том числе и архивные, изыскания о своих предках и составили генеалогии, восходящие к 17-му и 16-му векам.

Во всяком случае, я всерьез считал и продолжаю считать, что достоверное знание достигается именно с помощью таких эмпирических исследований, результаты которых могут быть с надежностью воспроизведены другими. Достоверное знание может строиться и на догадках, и на собственных рассуждениях. Но именно строиться. А это значит, что догадки и теоретические построения необходимо проверять.

Конечно, наш эксперимент вряд ли можно признать «чистым». Хотя бы потому, что в российской культуре вплоть до второй половины 19-го века генеалогии (как документированная социальная память) были достоянием исключительно дворянского сословия. «Массовые генеалогии» (не только в России, но и на Западе) появились лишь в первой половине века 20-го.

Однако это вовсе не означает, что в других (не дворянских) слоях общества социальная память вообще отсутствовала. Просто она не имела четко фиксированного документального характера, эта память существовала в иных (преимущественно – изустных) формах: в виде случаев, легенд, мифологизированных образов предков и т.п.

Параллельно с генеалогиями и биографическими данными во время экспедиций мы предпринимали шаги к тому, чтобы фиксировать эти иные формы бытования социальной памяти. Просто данная сторона экспедиционной работы не была отражена в докладе.

Вряд ли правомерно делать вывод о том, что социальная память ослабла. Потому что у нас нет достоверного знания о том, какова была эта память у сельских жителей раньше. Это предмет самостоятельного, отдельного изучения. Предмет, безусловно, заслуживающий внимания. Но до него у нас просто руки не дошли.

Все это говорится вовсе не для оправдания перед критиком. Напротив, я искренне ему благодарен, ибо он подсказал еще один очень интересный сюжет, который, правда, лежит чуть в стороне от «генеральной линии» нашей тематики. Тем не менее, сюжет этот представился настолько важным и интересным, что мы провели небольшое исследование, которое и определило тему нынешнего доклада. В основном это результаты вторичного анализа собранных нами эмпирических данных, отчасти же мы обратили внимание и на дополнительные доступные литературные данные.

Подсказанный критиком сюжет снова потребовал обратиться к методологической рефлексии по поводу природы биографических и генеалогических данных. В частности, что такое биография (автобиография)? Это произведение (нarrатив), имеющее одного фиксированного героя. Однако в любой биографии количество персонажей («героев») иногда достигает нескольких десятков, если не сотен.

Взять хотя бы автобиографический двухтомный труд А.Н.Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», где главка под названием «действующие лица» занимает 7 страниц, набранных убористым типографским шрифтом. В этом нет ничего удивительного, человек живет в обществе среди людей.

Здесь интерес представляет то обстоятельство, что среди действующих лиц более двух десятков уже умерших (это только те, о ком я знаю доподлинно). И еще: в этой книге подавляющее число персонажей можно отнести к числу «чужих», если под чужими понимать не родственников главного героя. Если границу между понятиями «свои и чужие» проводить по другим основаниям – например, «своими» считать тех, кто духовно, идеально близок автору, – то, вероятно, соотношение между действующими лицами здесь будет иным. Либо сбалансированным, либо «своими» окажется существенно больше, чем «чужих». Впрочем, это тоже не удивительно, ибо данная биография может быть квалифицирована как профессиональная или «интеллектуальная». А в биографиях этого класса, как правило, доминируют «чужие» (в первом смысле, т.е. не родственники). В автобиографическом труде Н.А.Бердяева «Самопознание» указатель имен также занимает семь убористых страниц. И в этом указателе, очевидно, доминируют «чужие» (в смысле – не родственники).

Объектом нашего анализа стали биографии «обычных» людей, петербургских школьников и клиентов Биографического фонда. Признаками упоминания персонажа в тексте являются:

- имена собственные;
- подлежащее, обозначающее действующего субъекта;
- дополнение, выраженное именем существительным;
- местоимение, заменяющее «имена» людей, или групп людей.

Для контроля при кодировании в массиве данных фиксируются имена персонажей (слова, их обозначающие).

Персонажи, упоминаемые в биографических текстах, всегда имеют отношение к автору текста. В первую очередь все персонажи могут быть разделены на две группы: родственники и свойственники автора (те, кого имеют в виду, говоря о «родных и близких») и не-родственники.

В свою очередь, среди не-родственников реальные тексты анализируемых биографий позволяют с уверенностью выделить такие типы:

- реальные люди;
- литературные герои;
- герои культуры;
- неопределенные множества;
- живые существа;
- прочие.

Важно, каким образом представлен персонаж в тексте. Он может быть просто назван, либо в качестве некоей ролевой функции, либо как обладающий собственным именем. Он может быть обозначен как действующее лицо в конкретной ситуации без каких-либо прямых характеристик, он может быть охарактеризован (хотя бы очень кратко). И, наконец, он может быть более или менее подробно описан.

Реально в анализе использована более детальная и многофункциональная (или многоуровневая) классификация персонажей. Некоторые из выделенных выше типов персонажей отчасти обусловлены спецификой «авторского» коллектива. В частности, в тексте довольно часто упоминаются литературные (в том числе мифические и сказочные) герои. «Герои культуры» здесь обычно представлены фигурами классиков отечественной и мировой культуры, художников, артистов и т.п.

Отдельно фиксировались оценки персонажей в следующих терминах: «друзья», «нейтральные персонажи», «враги». Стоит заметить, что именно эти термины в качестве прямых оценок встречаются в текстах весьма редко, но эмоциональная окраска описаний дает некоторые основания для обобщенных оценок такого рода.

В качестве базового метода была использована модификация контент-анализа, включающая на стадии выделения единиц и категорий анализа приемы «плотного чтения» и анализа фреймов. Отчасти это было вызвано тем обстоятельством, что для отнесения того или иного персонажа к конкретной категории (классу) приходилось внимательно прочитывать достаточно большие куски текста. При этом во внимание принимались не только прямые значения тех или иных слов, но и их эмоциональная окраска.

Это было не просто сложное кодирование. В наиболее трудных случаях один и тот же текст независимо друг от друга кодировали три человека, а окончательное решение принималось в результате достижения консенсуса. Если же его не удавалось достичь, данный персонаж (или данную характеристику) относили к категории «прочие». Всего было проанализировано более 100 биографий среднего объема, в том числе около 70 биографий школьников и около 30 взрослых. В этой работе принимали участие две выпускницы отделения «Социология культуры» Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПб ГУКИ) Елена Баринова и Анна Ревниных, за что автор им крайне признателен.

Приведу несколько примеров биографий и способов их кодирования. В примерах сознательно сохраняется стилистика, лексика и синтаксис биографических текстов в том виде, как они были написаны.

ПРИМЕР 1 (девочка, 15 лет, 10-й кл., УПК, 92/93 уч. год)

Я родилась в 1977 г. в городе Ленинграде 26 марта. В институте им. Отто из которого потом меня привезли домой, в квартиру в которой жили мои родители и родители моей мамы. Через четыре года после моего рождения у меня появилась сестра (1), имя которой дала я. Спустя год мы переехали на новую квартиру.

Через некоторое время я пошла в школу это было одно из главных событий в моей жизни. Но с переездом на новую квартиру и зачислением в школу я рассталась с моим другом (1), мальчиком который жил в том доме где мы жили раньше и осталась жить моя бабушка (1) и дедушка. Я встречалась с Игорем (2), так звали моего друга приезжая к бабушке (2) на каникулы, но пропасть между нами росла с каждым годом. Когда пошла в школу моя сестра (2) все свое время я уделяла ей и года два я вообще не видела Игоря (3). У меня появились новые подруги и друзья, помимо всего я серьезно занялась живописью ходила в дом «пионера», занималась в художественном кружке в школе. Учителя считали что у меня талант, но я относилась не серьезно, о чем сейчас очень жалею. Увлечение живописью у меня осталось, но занимаюсь я этим любительски, с натуры рисую очень легко, недостижимым оставался для меня портрет. Но настал день и я нарисовала свой первый портрет, на нем был близкий мне человек. Это был великолепный день, я почувствовала, что добьюсь всего чего захочу, что я сильная. Мне было очень хорошо и легко.

В прошлом году я отдохнула на даче которая находится в 60 км. от города. На другой улице с нами купили дом родственники моей мамы, ее брат. У него есть дочь Юля (1), она младше меня на год. Веселая, энергичная, общительная девочка. Я обожаю ее (2). В любую даже самую скучную обстановку она (3) вносит какой-то свет и оживляет ее своим присутствием. Юля (4) занимается фигурным катанием с 5 лет. Сейчас она (5) актер детского ледового Санкт-Петербургского театра. Присутствуя на ее первом выступлении я почувствовала гордость и радость за нее (6). После этого я еще больше ее полюбила и привязалась к ней (7) мы стали, как родные. Я не могу вам сказать больше о моей жизни. Вам кажется, что это глупый рассказ. Но больше я сказать не могу и не хочу. Я и так слишком много сказала. Вы бы и третьей части своей жизни мне не рассказали. Извините меня за речевые ошибки.

Выделенные жирным шрифтом слова – это имена зафиксированных в данном тексте персонажей. Это: 1) «мои родители» – 1, 2) «родители моей мамы» – 1, 3) «сестра» – 2, 4) «мой друг <Игорь>» – 3, 5) «моя бабушка и дедушка» – 1, 6) «бабушка» – 2, 7) «подруги и друзья» – 1, 8) «учителя» – 1, 9) «брать <мамы>» – 1, 10) «Юля» – 7.

Как видим, и вся биография относительно небольшая, и персонажей в ней всего 10, хотя упоминаний в два раза больше. Семь из персонажей уверенно можно отнести в «своим», т.к. это прямые или косвенные родственники. Но только один из персонажей – Юля – описан автором достаточно подробно и всеми тремя кодировщиками был квалифицирован, как персонаж очень значимый для автора.

ПРИМЕР 2 (мальчик, 16 лет, 11-й кл., УПК, 92/93 уч. год)

Я, [имярек], родился 4 декабря 1976 года в городе Владивостоке. Отец: (имя отчества), военный. Мать: (имя отчества) педагог. В 1979 году наша семья переехала на другой адрес, но в том же городе. Появился

первый друг, другие новые знакомства. В 1980 году в городе Вольске Саратовской области, где живет моя бабушка по матери, родился мой брат (имя), который носит эту фамилию и отчество до сих пор. В 1983 году новый переезд. В том же году я пошел в школу в первый класс средней школы №35 г. Владивостока. В 1984 году мои родители развелись и разъехались. Мы с братом (2) остались с мамой (2). Она (3) в 1985 году вышла замуж за (имя отчества), военного, и взяла его фамилию. Настоящий мой отец (2) женился и с тех пор я видел его только несколько раз и то случайно. В 1986 году последний переезд во Владивостоке. Опять новые друзья, впечатления, новая школа №30, куда я пошел в четвертый класс и проучился в этой школе 1 год. В 1987 году пошел в новую школу, которую построили напротив моего дома. В 1989 году мой отчим (2) ушел из Вооруженных Сил и занялся мелким предпринимательством. В 1991 году переезд в город Санкт-Петербурга на постоянное место жительства. Конец 1991 года и начало 1992 года я прожил в городе Вольске, учился в с/ш №17, где и закончил 10 класс. Летом 1992 года впервые приехал в Санкт-Петербург. Этим же летом сменил фамилию и отчество на фамилию отчима (3). Осенью пошел в 532 школу в 11 класс, где сейчас и учусь.

Эта биография еще короче, и персонажей в ней всего 8: 1) отец – 2, 2) мать – 3, 3) первый друг – 1, 4) брат – 2, 5) бабушка – 1, 6) мои родители – 1, 7) новые друзья – 1, 8) отчим – 3.

И хотя отчим в этом тексте упоминается очень кратко и всего трижды (один раз по имени и отчеству), этот персонаж также единогласно был квалифицирован как очень значимый для автора. Нам показалось не случайным, что автор, говоря о своем брате, считал необходимым заметить, что он «носит эту фамилию и отчество до сих пор», а в конце текста отмечает, что «этим же летом сменил фамилию и отчество на фамилию отчима».

ПРИМЕР 3 (девочка, 16 лет, 11-й кл., УПК, 1992/93 уч. г.)

Я родилась 3 февраля 1976 года в небольшом городе Пскове. Я была вторым ребенком в семье. Мой брат (1) старше меня на 7 лет, поэтому ему часто приходилось заниматься мною: гулять, читать сказки, играть, т.к. отец ходил в загранплавание и его не было дома месяцаами, а мама часто ездила в командировки. Мы (2) стали хорошими друзьями, и редко расставались друг с другом. Но когда мне исполнилось 4 года, меня отвезли в деревню Чудские Заходы к бабушке и дедушке. Здесь я очень скучала по брату (3), но со временем привыкла. Занималась с бабушкой хозяйством, т.к. оно у нее было очень большое: корова, свиньи, курицы, лошадь и еще большой огород. С детства мне привили любовь к животным, потому что бабушка (2) и дедушка (2) были ветеринарными врачами. Я часто ездила с ними на вызовы, ходила на ферму, где наблюдала как дедушка (3) лечит телят.

В 5 лет меня стали учить читать. По вечерам мы долго сидели с бабушкой (3) и складывали по слогам слова. Напротив нашего дома жила

старенькая учительница, она раньше преподавала в младших классах, и поэтому у нее сохранилось много пособий и увлекательных книжек, которые она мне подарила. В шесть лет я уже читала по слогам и немного писала. В первый класс (1983 г.) я пошла тоже в деревне. Но школа находилась в десяти километрах от дома, поэтому меня определили в интернат, где жили ребята, которым было далеко ходить домой. Вскоре здесь поселился и приехавший брат (4), здесь он и окончил восьмой класс. На выходные мы приезжали домой к бабушке (4). Здесь нас ждали румяные пироги и мятный чай, который бабушка (5) готовила по субботам.

Брат (5) во многом мне помогал в выполнении домашнего задания, но все-таки старался, чтобы я больше занималась сама. Училась я хорошо, по вечерам, когда все шли смотреть телевизор, я сидилась и читала. Самой большой книжкой, которую я прочитала в первом классе была сказка А.Волкова «Волшебник Изумрудного города». Так прошел год. Когда я пошла во второй класс, мама (2) взяла меня во Псков, где я и проучилась 8 лет.

Приехав во Псков, мне было трудно привыкнуть к большой школе, к большому коллективу. Я была робкой и застенчивой. Но постепенно привыкла к городской жизни. Учится мне нравилось, я имела неплохие успехи, даже стала выделяться в классе, как сильная ученица. Но все же с нетерпением ждала выходных, чтобы поскорее уехать в деревню к бабушке (6) и дедушке (4), поесть вкусных румяных пирогов, побродить с дедом по лесам и покормить своих удивительных друзей: коня Юрку и корову Красотку. Каждые каникулы я проводила здесь. Бабушка (7) и дедушка (5) очень любили меня, т.к. я была единственная внучка, немногого баловали, но все-таки со строгостью относились к моим проделкам. Моя бабушка (8) всегда отличалась строгостью и чистолюбием, чему стремилась научить меня. Основные черты характера сложились именно здесь, в деревне, под влиянием бабушки (9). Я очень любила бабушку (10) и поэтому все ее предложения принимала с радостью. Я не могла сказать грубого слова ей, пойти против ее воли, т.к. постоянно думала о том, сколько сделал этот человек для меня. Она (11) воспитывала во мне любовь к живому, добродушив, гостепреимство, трудолюбие. Я старалась во всем подражать ей (12). Бабушка (13) всегда говорила, что учеба многое значит в жизни, что только трудолюбием и упорством можно добиться больших успехов. Тогда я поставила перед собой задачу окончить на отлично школу. Это мне стоило немалых усилий. По вечерам приходилось много читать, заниматься дополнительно по всем предметам, да еще учиться играть на аккордеоне. Ну вот сданы на пятерки все экзамены, получено свидетельство за неполную школу с отличием (1991). Сколько радости я доставила бабушке (14) своими успехами. Но это не сделало мне поблажку. Бабушка (15) настояла, чтобы я окончила 11 классов, хотя родители были за то, чтобы я пошла в техникум. Бабушка (16) хотела, чтобы я после школы поступила в институт в Ленинграде. Решив, что будет лучше, если я закончу 11 класс в Ленинграде и буду здесь поступать. Проучившись 8 лет в любимом коллективе, я должна покинуть школу, где меня знали хорошо все учителя

и друзья, чтобы продолжить учебу в Ленинграде. Первое время было очень трудно привыкнуть к большому городу, к новым одноклассникам, к требованиям учителей.

Ну, вот уже два месяца, как я учусь здесь. Подружилась с ребятами, появились новые друзья. Но все-таки жду того дня, когда я вновь поеду в родной Псков и увижу добрые глаза бабушки (17). Бабушка (18) прожила долгую жизнь, и она (19) знает, что нужнее всего, поэтому я полностью доверяю ей, зная, что плохого она мне никогда не желает.

Как ни странно, но особое место в моей жизни занимает бабушка (20), а не родители. Может, действительно правдиво то, что характер, привычки закладываются в раннем детстве, которое я провела в деревне. Мама (3) старалась не оказывать особого влияния на меня, так как понимала, что мой идеал моя бабушка (21), и мама (4) никогда не была против этого, потому, что бабушка (22) чудесный человек, и будет хорошо, если я буду походить во всем на нее.

По объему это весьма типичная биография для нашего массива (хотя в нем есть и «длинные» биографии, занимающие около 10 страниц). Персонажей в ней также относительно немного – 11, включая «удивительных друзей: коня Юрку и корову Красотку». Но безусловно значимых для автора и здесь только два персонажа: старший брат и бабушка. Причем брат упоминается в тексте 4 раза, а бабушка – 22 раза.

Из приведенных примеров можно заметить, что в процессе кодирования фиксировались именно персонажи, а не любые упоминания. В число анализируемых признаков был включен и такой, чисто количественный, как число упоминаний отдельного персонажа. При этом первое упоминание могло встретиться в самом начале текста, а последнее – в самом конце. Иногда это последнее упоминание могло быть вторым. Таким образом, для того чтобы описать каждого персонажа, необходимо было читать весь текст от начала до конца.

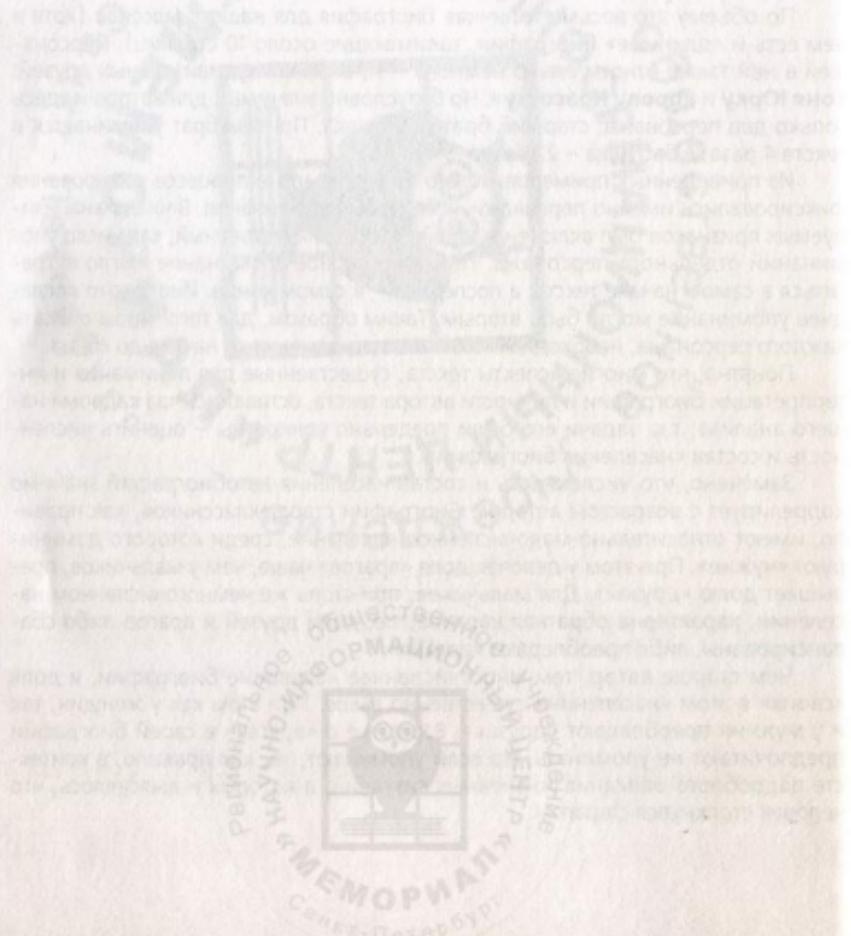
Понятно, что многие аспекты текста, существенные для понимания и интерпретации биографии и личности автора текста, оставались «за кадром» нашего анализа, т.к. задачи его были предельно конкретны – оценить численность и состав «населения биографий».

Замечено, что численность и состав населения автобиографий значимо коррелирует с возрастом авторов. Биографии старшеклассников, как правило, имеют относительно малочисленное население, среди которого доминируют «чужие». При этом у девочек доля «врагов» чаще, чем у мальчиков, превышает долю «друзей». Для мальчиков, при столь же немногочисленном населении, характерна обратная картина, т.е. доли друзей и врагов либо сбалансированы, либо преобладают «друзья».

Чем старше автор, тем многочисленнее население биографии, и доля «своих» в этом «населении» существенно выше. При этом как у женщин, так и у мужчин преобладают «друзья». Взрослые о «врагах» в своей биографии предпочитают не упоминать. Но если упоминают, то, как правило, в контексте подробного описания жизненных ситуаций, в которых и выяснялось, что человек столкнулся с врагом.

Не случайно в настоящий анализ были включены только биографические нарративы, ибо по своей природе (по определению) генеалогические структуры включают только родственников и свойственников. Хотя стоит заметить, что в качестве исключения и в генеалогиях допускаются «посторонние», если информанты считают их членами своей семьи.

Один из существенных выводов нашего анализа состоит в том, что соотношение родственников и не родственников в подавляющем большинстве текстов не просто оказывается несбалансированным. Но, вопреки утверждению моего критика, доля родственников, как правило, оказывается несколько выше. Это характерно не только для школьников, но и для взрослых. Конечно, если биография имеет общий, а не сугубо профессиональный уклон.

Ирина Флиге

Гулаг как создатель биографического источника. Биографии Гулага: норма и маргинальность¹

Ирина Анатольевна
ФЛИГЕ

НИЦ «Мемориал»
(Санкт-Петербург)

Гулаг – массовое явление в истории России 20-го века – оставил за собой в современной биографии массовую проблему восстановления имен и судеб. А существующие источники (наличие массовых документов Гулага) современному биографу предоставляют возможность более или менее успешно заниматься массовой биографикой Гулага, и только в единичных случаях – индивидуальными биографиями – биографиями личности.

Цель данного доклада – определить роль Гулага в создании биографических источников, описать сущностные особенности этих источников с точки зрения задач биографики.

Все источники Гулага, как источники официального происхождения, несут в себе государственный опыт (механизмы и критерии террора) и практически игнорируют не только опыт сопротивления, но любые проявления индивидуальности,

¹ Настоящий доклад является продолжением темы «биографии Гулага», начатой автором в работе: Флиге И. Факты и события в биографиях Гулага: интерпретации в источниках (// Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти В. В. Иофе. 18–19 апреля 2003. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2004. С. 63–74), где подробно описан понятийный аппарат и терминология, здесь они используются без дополнительных пояснений.

особости судьбы. Казалось бы, Гулаг как элемент государственного устройства не является исключительным фактором воздействия на биографию, и его можно было бы рассматривать и учитывать в более широком контексте проблем соотношения индивидуального и социально-политического в биографии. Но тема Гулага не только вносит остроту в решение проблем взаимодействия личности и государства, она также играет большую роль в пролонгации этого специфического воздействия во времени (принуждение к судьбе, принуждение к посмертной биографии) через создание особых биографических источников, искажающих понимание судеб этих людей.

Определим биографии Гулага в терминах «норма» и «маргинальность». С одной стороны, Гулаг является катастрофическим вторжением в нормальную биографию, и биографии Гулага несут в себе очевидные признаки маргинальной биографии не только для самих героев, но и для их родных и близких. С другой стороны, биографии Гулага – это нормальные биографии советского человека, если понимать, что государственный террор как неотъемлемая составляющая советской власти является не только нормой советского государственного устройства, но и нормой повседневной жизни. Биографии Гулага – это последовательное движение от нормальной доарестной биографии к маргинальной послегулаговской биографии.

Восстановление индивидуальной биографии в условиях острого дефицита источников личного происхождения является общей проблемой биографики 20-го века. Письма, дневники, мемуары и другие плоды личного автобиографирования на протяжении всего периода советской истории не только не имели благоприятных условий для сохранения (подлежали целенаправленному уничтожению, изъятию, потерям и случайным утратам в ходе войн и переселений), но и само создание этих источников как таковое оказалось ограничено самоцензурой.

Наличие искажений и купюр в автобиографиях и дневниковых записях из подцензурных (осознанных или подсознательных) соображений – причесывание автобиографии, как и редактирование жизни в историческом контексте, естественно и не зависит от эпохи героя. Специфическая проблема советского времени – не в подчинении автобиографического источника индивидуальным, групповым и даже официальным представлениям о должном, а в отказе от создания личных документов как таковых.

Автобиографическое умолчание через неоставление источников следует понимать как отказ героя от личной биографии. Фактически этот отказ является принятием массовой биографии, т.е. и согласием с правом власти на государственный террор (согласием на потерю идентичности) и стирание личной биографии, согласием на игнорирование собственной личности.

Исключением являются мемуары, написанные после освобождения. В них обретение человеком, прошедшим через Гулаг, внутренней свободы, и ощущение и понимание уникальности личного опыта и острой необходимости выразить его в автобиографическом тексте. Такие мемуары созданы на энергии противоречия нормальной биографии (обыденности и массовости террора) и маргинальной (изъятие из социума и получение реабилитации), выраженной в индивидуальной исключительности (личный опыт свободы).

Попробуем проследить процесс создания биографических источников этого ряда по мере прохождения героя через Гулаг – от ареста и заключения до реабилитации и восстановления имени и судьбы. Систематическое описание специфики различных типов документов официального происхождения, составляющих гулаговскую компоненту источников базы для построения биографии – задача долгих и специальных исследований по каждому типу документов. Здесь мы ограничимся кратким обзором одной из наиболее важных для биографии категорий документов, в которых в концентрированном виде ретроспективно фиксируются биографические данные персонажа на момент заполнения. К таким массовым источникам относятся «анкеты» Гулага: анкета арестованного, арестантская карточка, опросный листок, учетно-регистрационная карточка и др.². В рамках настоящей работы не будем подробно останавливаться на всех «анкетах» Гулага – документах, последовательно созданных по мере прохождения героя через Гулаг. Эта тема – изменение соотношения фактов биографии и событий жизни в «анкетах» Гулага по временным срезам – достаточно подробно представлена в предыдущем докладе³.

Роль репрессивных органов и Гулага в создании биографических источников проявляется в асистировании герою, в соавторстве с ним и в собственном составительстве биографических документов по официальной идеологической схеме видения судьбы, в которой нет места человеку как личности, его взглядам, ценностным установкам, мировоззрению и убеждениям. Навязывание посмертной биографии происходит через биописание по этим источникам и «их» версии судьбы, а также в соответствии с концепцией и практикой процесса реабилитации, а в последнее десятилетие – в соответствии со сложившейся публицистической традицией книг памяти и биографических словарей людей Гулага. Здесь нас интересуют степень соавторства (прямого или косвенного) Гулага для данного типа документа и механизмы создания биографических источников с точки зрения соотношения авторских ролей.

Все биографические источники Гулага (не только анкетного типа) по механизму их создания можно разделить на три группы: (1) по истории попадания в Гулаг и последующей реабилитации (непосредственное асистирование герою и соавторство следственных органов в период следствия; архивно-следственные дела), (2) по нахождению в Гулаге (опосредованное авторство тюремного и лагерного ведомства; картотеки ИЦ МВД и личные дела заключенных) и (3) по послегулаговскому составительству (вторичное асистирование и соавторство учета Гулага; книги памяти).

Остановимся подробно на трех относительно доступных, а следовательно, востребованных и широко используемых исследователями-биографами источниках, каждый из которых представляет одну из трех названных групп: анкета арестованного, учетная карточка и запись в книге памяти.

² Массив документов Гулага, изученных автором, в большей части относится к периоду 1920-х – 1930-х годов.
³ Подробнее см.: Флинг И. Указ. соч.

Анкета арестованного – маргинализация нормы

Анкета арестованного, как всякая анкета, содержит целый блок фактов доарестной биографии. Независимо от того, заполнялась ли она арестованным собственноручно или, с его слов, следователем, она в любом случае является результатом соавторства.

Во-первых, следственные органы выступают в качестве создателя канвы (перечня граф). В этот перечень уже заложены пункты, направленные на то, чтобы выстроить доарестную биографию в соответствии с идеологической схемой террора, ввести арест в русло биографического соответствия и тем получить его косвенное обоснование в логике доарестной биографии⁴.

Во-вторых, при заполнении анкеты следователь выступает в роли непосредственного ассистента. Его соавторство выражено в том, что он навязывает арестованному биографические формулы, свидетельствующие о его принадлежности к той или иной маргинальной категории в соответствии с выдвинутым обвинением.

Хозяин биографии доказательство своей невиновности ищет в логике биографической лояльности, следователь – в предшествующей биографической нелояльности.

Анкета арестованного – результат напряженного спора соавторов заполнения. Это спор, в котором обе стороны исходят из представления о «нормальной биографии» анкетируемого, с той лишь разницей, что хозяин биографии еще не считает арест нормой своей биографии, а следователь, напротив, уже все события его жизни нормирует по факту ареста.

Дезинформация и умолчания в графах анкеты также являются результатом диалога героя и следователя. При заполнении и редактировании (т.е. «согласовании» между соавторами) анкеты следователь может опустить, как не значительные, факты биографии, свидетельствующие о социально-политической «нормальности» подследственного. А герой умышленно умалчивает или повергает смысловым искажениям факты и события своей жизни, которые, по его мнению, каким-либо образом портят биографию.

Одной из форм доказательства невиновности, по мнению многих арестованных, являлась искренность и правдивость в изложении фактов биографии («...Я никогда ни в одной анкете и в своих автобиографиях, а также в многочисленных рассказах о Египте, нигде не скрывал факта своего пребывания там»⁵). Так, считая нормальным по временному срезу (например, до октября 1917 года) участие в партии кадетов, службу в царской армии, обучение за

⁴ Некоторые графы анкеты арестованного 1929 года: «Место работы (службы): а) с начала войны до 1/III 1917 г., б) с 1/III 1917 г. по день ареста»; «Имущественное положение на момент ареста», «То же до 1929 года», «То же до 1917 года»; анкеты арестованного 1937 года: «политическое прошлое»; анкеты арестованного 1940 года: «служба в царской армии и чин», «служба в белой армии (какой) и чин», «участие в к-р восстаниях и бандах (когда и где)».

⁵ Из собственноручных показаний подследственного А.Н.Фурсея. 01.04.1941, г. Архангельск. Архив УФСБ по Архангельской обл. Фонд архивно-следственных дел. Д.П-16104. Л.167-168.

границей и др., арестованный добросовестно перечисляет весь «кriminalный ресурс» прошлой жизни. А следователь столь же добросовестно фиксирует его как норму биографии арестованного. Итогом этого соавторства становится биография, уложенная в «маргинальное» русло, которая ложится в основу обвинительного заключения:

<...> академик В.И.Вернадский, б. член ЦК кадетской партии, сын его видный деятель евразийского движения за кордоном. <...>

Н.Н.Дурново – дворянин, профессор, член-корреспондент Академии наук, б. «октябрист» <...>

академик М.Н.Сперанский – монархист, литературовед <...>⁶

Крылева Раиса Ивановна – 1896 г.р., гр. СССР, ур. г. Владимира, б/п, из духовного сословия, ранее репрессирована ОГПУ как активный член организации, имевшая личную связь с иностранной миссией, зам. настоятельницы тайного католического монашеского ордена (сестра Маргарита)⁷.

Терентьев Павел Викторович, 23 лет, сын профессора, заведующий отделом терраприев в Московском зоологическом саду и аспирант института зоологии в 1-м МГУ, беспартийный, арестовывался в 1923 году ОГПУ, обвинялся в передаче информационных сведений о московских скаутах генералу Пантюхову. Масон, участник «ложи шотландских масонов» в Москве. Пропагандировал масонство среди московских скаутов, пытался вербовать в ложу целыми патрулями и отрядами, обещая начальнику завербованного отряда чин мастера. С отрядами московских скаутов организационно связан не был, но все время был в курсе их дел. На допросе заявил, что ничего не знал о существовании отрядов скаутов в Москве, назвав только несколько фамилий известных ему «бывших» скаутов, среди которых упоминаются такие, которые вступили в организацию только в 1925 году и до этого никогда скаутами не были⁸.

Анкета арестованного встроена в следственное дело как первый опыт спора за биографию, и мы понимаем, что этот спор не о прошлом, а о будущем. В дальнейшем уточнения биографических сведений по ходу следствия (содержатся в протоколах допросов) являются продолжением спора между «нормальной» и «маргинальной» биографией советского человека. Следует отметить, что по ходу следствия обнаруженные умолчания или искажения анкетных данных служат усилением формулы обвинения «вы скрыли от следствия...»:

⁶ Из обвинительного заключения по делу «Российской национальной партии». Цит. по: Ашмин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994. С.71.

⁷ Из обвинительного заключения по «делу восточных католиков» (1935). ЦА ФСБ РФ. Фонд архивно-следственных дел. Д.Р-44723.

⁸ Из обвинительного заключения по делу «скаутов» (1926). ЦА ФСБ РФ. Фонд архивно-следственных дел. Д.Р-37545.

Вопрос: Вы также скрыли от следствия свое соц. прошлое, показав на допросе от 23/V с.г., что Вы, как в дореволюционное время, так и после, занимались крестьянством. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Да, на первом допросе я действительно скрыл от следствия, что как до революции, так и после был торговцем⁹.

Вопрос: На вопрос о вашем социальном происхождении вы назывались мещанкой, следствию известно, что вы скрыли свое настоящее происхождение, скажите, кто был ваш отец?

Ответ: Когда я родилась, отец мой был мещанин, и поэтому у меня имелось соответствующее метрическое свидетельство, поэтому я называла себя мещанкой. Отец мой вначале служил у помещика управляющим хлебной торговлей. Впоследствии он занялся сам хлебной торговлей и числился купцом. Насколько я помню, II гильдии¹⁰.

Поэтому не случайно, что в биографической преамбуле к каждому допросу повторяется часть анкеты:

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким и за что):

а) до революции	нет
б) после революции	арестовывался в 1918 г. по делу Урицкого, был связан с убийцей Урицкого Кан[н]егисером.
	Был под стражей 3 месяца, после чего был освобожден.

<...>

19. Участие в бандах, к-р организациях и восстаниях: состоял в контрреволюционной организации среди писателей¹¹.

Помимо «анкет» в материалах следственных дел можно встретить и другие сопутствующие биографические источники – автобиографии (приложение к жалобе, к заявлению о помиловании, об амнистии и др.), а также ходатайства. Несмотря на то, что благодаря более свободному стилю изложения автор текста, казалось бы, свободен от соавторства репрессивных органов, тем не менее, написание автобиографии подчинено логике государственного биографического видения. Здесь ассилирование Гулага обеспечивается самой целью написания – необходимостью противопоставления нормальной биографии советского человека образу подследственного. Между тем мотивацию создания этих документов, как доказательства невиновности на основ-

⁹ Протокол допроса А.И.Крутина, 21.09.1935, г. Пятигорск. Архив УФСБ по Ставропольскому краю. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-8484. Л.133–134.

¹⁰ Протокол допроса А.В.Балашовой, 19.08.1935. ЦА ФСБ РФ. Фонд архивно-следственных дел. Д. Р-35028. Л.133–134.

¹¹ Протокол допроса ленинградского писателя О.И.Юркуна, 04.02.1938. Архив УФСБ ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-31221. Л.9об.

ве биографических данных, в какой-то степени можно рассматривать и как форму противостояния личностной биографии логике террора (ошибка ареста, невиновность), но исходной базой этого противостояния является принятие государственно-биографического видения в целом (лояльность к советской власти, уверенность в справедливости). Вот пример: после подробного описания хода следствия – пыток и фальсификаций (1939) – з/к Ленинградской пересыльной тюрьмы профессор архитектуры Н.Е.Лансере пишет жалобу на имя Верховного прокурора СССР:

«...> Ничего против Родины и Правительства, против партии, ничего преступного я не делал. Напротив того, всю свою деятельность, я могу сказать без лишней скромности, я проводил на пользу и может быть даже на увеличение славы СССР. Я числюсь в первых рядах советских архитекторов <...> и вдруг на мое имя ставят позорное ложное клеймо! <...> прошу реабилитировать мое честное имя, чтобы в немногие годы, оставшиеся мне, я мог внести свою долю, как архитектор-композитор, как художник, как историк, отдать все свои силы и талант на строительство, во славу Союза Сов. Соц. Республики <...>¹²

В приложении (с.93–97) приведены примеры искажения основных позиций доарестной судьбы, составленной на основе «анкет».

Достоверность событий доарестной биографии в отсутствие документов и материалов личного происхождения по этим источникам исследователь вынужден оценивать в категориях «веришь/не веришь».

Несмотря на перечисленные выше особенности, «анкеты Гулага» в их совокупности, при добросовестном и критическом прочтении и понятийном разделении на событийное и фактографическое описание, могли бы служить неплохим источником для биографа. Но полный корпус этих анкет одновременно, как правило, не находится в распоряжении исследователя. Кроме того, к тем из них, которые содержатся в следственных делах, доступ ограничен, а материалы личных дел заключенных, в тех редких случаях, когда они сохранились, фактически недоступны для исследователя¹³.

Учетная карточка – нормализация маргинальности

После осуждения интерес к намеренной коррекции доарестной биографии по маргинальному шаблону практически сводится к нулю. С момента вынесения приговора входит в законную силу новая норма – нормальная биография заключенного.

¹² Архив НИЦ «Мемориал». Фонд биографических материалов (1917–1953). (Копия). См.: Просто документ / Документ №3 // Вестник «Мемориала». №3(9). СПб., 1993. С.25–29.

¹³ Согласно регламенту, личные дела заключенных через три года после освобождения подлежат уничтожению, кроме четырех категорий (умершие, получившиеувечье, бежавшие, иностранцы и лица без гражданства), де-факто пятой (представляющие оперативный интерес), а также сохранившихся по случайности. Общая сохранность фондов личных дел невысока, критерии сохранности нарушены.

Если до ареста лояльность к советской власти являлась биографической нормой, то после приговора характеристикой биографической нормы становится «нелояльность». Тем самым инициативные документы биографического содержания, созданные осужденным – жалобы и заявления, содержащие автобиографические отсылки на «лояльное прошлое», – с одной стороны, несут в себе признаки маргинальности заключенного (отклонение от нормы приговора), с другой стороны, являются биографической формой протesta, что и подтверждает факт нелояльности.

Одновременно продолжается дальнейшее редактирование биографии непосредственно Гулагом, уже без участия хозяина биографии. Характерная черта этого редактирования – падение интереса к личности, к индивидуальности биографии. Тот заряд биографической маргинализации, который был заложен в обвинительном заключении, преобразуется и фиксируется в пометах учетных документов, касающихся «окраса» и формулировки обвинения. Не случайно в анкетах Гулага, создаваемых в этот период, суть обвинения не излагается развернуто: как правило, она обозначается общими формулами, типа «к/р деятельность», «к/р агитация», «КРТД» (контрреволюционная троцкистская деятельность). Иначе говоря, маргинализация предыдущего периода выполняет теперь классификационную функцию нормирования по «окрасу» и статье приговора.

***

Гулаг как единственный автор биографического источника наиболее полно выступает в создании учетных карточек. Главное назначение этого источника – учет: идентификация и фиксация установочных данных с нарастанием искажений и ошибок.

Учетная карточка (форма №2) – продукт обобщения документов учета Гулага от ареста до выхода из Гулага (освобождения или смерти) – заполнялась по прибытии заключенного в лагерь по материалам личного дела (обязательный экземпляр карточки отсыпался и на центральный учет в Москву). В 1920-е – 1930-е годы каждое лагуправление выпускало свой вид карточки, позднее использовались карточки единого образца. В форме №2 фиксируются установочные данные на заключенного, сведения о приговоре, статьях и сроке, сведения о начале и конце срока заключения, сведения об изменениях срока, об освобождениях, побегах, смерти. А также сведения о передвижениях внутри данного лагуправления (с датами прибытия и убытия по каждому лаготделению).

Отбор биографических сведений из анкет, документов следственных и личных дел заключенных и редактирование их по графикам (полям заполнения) карточки проводились без участия хозяина биографии. Таким образом, со-зателем (составителем) этого источника выступает только Гулаг. Не будем останавливаться на фиксации биографических данных доарестной судьбы героя, отметим только, что, помимо сокращения граф и информации, здесь они сведены к установочным (идентификационным) данным: фамилия, имя, отчество, год и место рождения. Поля «национальность», «специальность», «профессия» чаще остаются незаполненными.

Существенным атрибутом учета являлись периодические проверки личного состава лагеря (в пределах одного лаготделения или сплошной проверки по лагуправлению). В ходе проверки на учетной карточке ставился штамп с датой проверки, а нередко делалась запись «снят с учета» или «умер». Такая запись свидетельствует только о том, что на момент проверки человек не находится на учете – освобожден, этапирован, бежал, умер, расстрелян.

В результате механического переписывания искажения и ошибки в учетных карточках накапливаются нарастающим итогом, даже в фиксации событий Гулага, связанных с непосредственным пребыванием в лагерях. (См. приложение.)

Не будем подробно описывать ошибки и неточности в категориях учета собственно гулаговских фактов (в конце концов, это «их» история, история Гулага как институции). Так, в графе «арест» может быть указана дата задержания (фактического ареста), дата, указанная в ордере на арест, а также дата приговора (одного из), дата пересмотра дела и др.¹⁴, а также в некоторых случаях графа оказывается незаполненной.

Остановимся на фиксации смерти – события, имеющего безусловно важное значение в биографии. Дата смерти – одна из самых недостоверных учетных записей. В силу административно-полицейской логики вместо даты смерти может быть проставлена дата снятия с учета, дата акта медицинского освидетельствования трупа, дата вынесения расстрельного приговора и др. Несколько примеров:

Васильев Павел Дмитриевич умер в Кемском пересыльном пункте от тифа. Дата смерти в регистрационной карточке личного дела – 12.12.1929. В карточке (форма №2) – «умер 7 декабря».

Любчинский Феликс Николаевич, ксендз, умер в Соловецком лагере. В карточке (форма №2) – «умер, см. личное дело». В разных документах личного дела: «17.11.1931 умер», «22.11.1931 снят с учета», «31.11.31 составлен акт о смерти».

Воейков Дмитрий Александрович, заключенный Белбалтлага с 1930 года, по постановлению Тр. НКВД КАССР от 20.11.1937 расстрелян 04.12.1937. В карточке (форма №2) запись – «19.02.1938 снят с учета Белбалтлага».

Ярославский Александр Борисович расстрелян на Соловках в октябре 1930. В учетной карточке – «умер 10.12.1930». В документах личного дела нет сведений ни о приговоре, ни о расстреле.

Ярославская-Маркон Евгения Исааковна расстреляна на Соловках в июне 1931. В учетной карточке (Форма №2): «приговорена к ВМН – расстрелу» (без даты приговора и без даты расстрела). В учетно-регистрационной карточке личного дела: «Приговорена ВС КОГПУ к ВМ. Приговор приведен в исполнение (Приказ по УСЛОН от 16.06.1931), запись произведена 20.06.1931».

¹⁴ В некоторых учетных карточках на иностранных граждан, задержанных в Восточной Европе во второй половине 1940-х, можно обнаружить «дату ареста», отличающуюся от даты фактического задержания на 2-3 года!

Эристов-Бондаренко Павел Григорьевич бежал из Соловецкого лагеря 06.07.1928, задержан 30.08.1928. Пост. КОГПУ 24.12.1928, расстрелян, даты расстрела нет.

Днепровский Николай Иванович, астроном, заключенный Вологодской тюрьмы, приговорен к ВМН 17.01.1938 Тр. УНКВД Вологодской области. Расстрелян. Даты нет (в деле – тоже)¹⁵.

Обращаясь к учетным картотекам ИЦ МВД как к историческому источнику, следует отметить неполноту региональных картотек в целом¹⁶, а также перемещение и перемешивание картотек или их частей в результате эвакуаций архивов в годы войны или изменения административно-территориального деления¹⁷. Заметную часть картотек составляют карточки, заполненные во время уничтожения личных дел. Эти новообразованные карточки (переписанные в 1950-е – начале 1970-х) помимо очередного сокращения числа полей, содержат пропуски, описки и неточности заполнения, т.е. являются еще одним уровнем фильтрации и искажения биографической информации. А в интересующем нас ключе это означает, что у гулаговского автора биографического источника появляется гулаговский же ассистент и соавтор.

Кроме того, следует понимать, что прямой доступ исследователей к работе с картотеками ИЦ – случай исключительный¹⁸, как правило, исследователь имеет возможность работать с архивными справками работников ИЦ, составленными на основе карточек учета, сами же картотеки фактически недоступны – в распоряжении биографа архивные ответы на запросы. Таким образом, исследователь вынужден довольствоваться источником следующего уровня, в создании которого появляется новый соавтор. Этот новый соавтор источника сокращает информацию и привносит дополнительные шумы – ошибки прочтения рукописной учетной карточки, опечатки и небрежность заполнения. Что в результате лишь подчеркивает основные наследственные черты ведомственных интересов и приоритетов¹⁹.

Тем не менее, учетная карточка, будучи квинтэссенцией террора, как массовый биографический источник вводит исследователя в понимание процесса формирования нормы повседневности советского террора. Поэтому учетная картотека может быть успешно использована для создания массовой биографии жертв террора. Например, для составления биографических словарей Гулага.

¹⁵ По материалам ИЦ МВД Республики Карелия. Картотека. Фонд личных дел заключенных.

¹⁶ Например, сохранность карточек за добровольный период в ИЦ МВД Карелии составляет примерно 60%.

¹⁷ Так, картотека заключенных Сиблага оказалась произвольно разделена на части и находится на хранении в ИЦ УВД Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, а часть картотеки Вишерлага хранится в Мордовии, в архиве Дубравного ИТЛ.

¹⁸ В качестве примеров таких исключений следует привести работу НИЦ «Мемориал» (СПб.) в картотеке и архивах ИЦ МВД Карелии (1990–1991), работу группы НИПЦ «Мемориал (Москва)» в картотеках Дубравлага (Мордовия) и Владимирской тюрьмы (1993), работу Пермского «Мемориала» и сотрудников Музея «Пермь-Зб» с картотеками Сыктывкарских (Пермских) лагерей.

¹⁹ Приведем пример из ответов УФСБ по СПб и ЛО на запросы НИЦ «Мемориала» о судьбе Павлович Франца Иосифовича: «расстрелян 22.09.1937» (№ 10/23-585 от 11.03.1997), «расстрелян 26.09.1937» (№ 10/47-516 от 25.05.2004), а в Ленинградском мартирологе, составленном по тем же источникам – «расстрелян 29.09.1937» (1995. Т.1. С.441).

Книги памяти – маргинальная норма биографии

Книги памяти, если судить по названию, призваны восстановить память о людях, имена и биографии которых были утрачены или искажены в результате попадания в Гулаг.

На самом же деле Книги памяти оказались последним звеном в цепочке массовых источников Гулага, тем последним «этапным списком», в который уже окончательно и чаще всего посмертно вносит свои жертвы машина государственного террора.

Предшественники современных Книг памяти и ближайшие к ним по жанру издания совсем не вписывались в логику террора: их главной задачей в самом деле было восстановление судеб людей, подвергшихся советскому террору. Первыми попытками такого рода были списки имен расстрелянных, арестованных, сосланных, полуподпольно составлявшиеся энтузиастами (с использованием различных источников, по преимуществу, личного происхождения). С середины 1970-х эти списки, нередко составлявшиеся по тем или иным дополнительным признакам (репрессированные востоковеды, репрессированные участники молодежных социал-демократических кружков и т.д.), публиковались в самиздатской периодике или в зарубежных изданиях.

Прямым продолжением самиздатских списков стали «списки» конца 1980-х, накапливающиеся на «стенах памяти» в ходе многочисленных «недель совести» и широко публиковавшиеся в провинциальной печати. Их смысл и пафос никоим образом не был направлен на создание биографического источника, и не понимался публикаторами в этом ключе. Главным их назначением было снятие покрова государственной тайны: «хотелось бы всех поименно назвать...» (а многие «списки» и сопровождались этой строкой из «Реквиема» Ахматовой). Составление и публикация списков имён арестованных, расстрелянных, сосланных имела безусловно сакральный смысл – называние имени. Д.С.Лихачев в 1980-е годы по памяти, на основании кратких записей 1920-х – 1930-х, составил список соловчан²⁰; списки востоковедов, составленные Ф.Ф.Перченком, легли в основу биографического сборника «Люди и судьбы»²¹. Собственно и дальнейшие издания в какой-то степени сохранили, хотя бы только в названиях, этот первоначальный импульс²².

В еще большей степени традицию самиздатских списков продолжили профессиональные словари с двойным критерием отбора: репрессированные геологи, репрессированные востоковеды, репрессированное Остехбюро и др. Главный критерий выборки – это факт репрессии, таким образом, интерес составителя смещается в сторону истории науки или отрасли, или учебного

²⁰ Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. СПб., 1997. С.581–603.

²¹ Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я.В.Васильков, М.Ю.Сорокина. СПб., 2003.

²² Например, название коллективойной программы по составлению общего списка жертв политических репрессий: «Возвращенные имена».

заведения, развитие которых шло в условиях тотальной несвободы. Т.е. фактически это история механизмов репрессивного устройства: вот так советская властьправлялась с авиаконструкторами, а так – с востоковедами... а так – со священниками РПЦ или РКЦ и их приверженцами и последователями. Нередко в такие словари включены молодые талантливые начинающие учёные (даже студенты), которые, с точки зрения истории науки, не успели внести «значимый вклад» в развитие отрасли, но обладали безусловным потенциалом, оставшимся нереализованным. Наличие биографий этих людей усиливает трагичность диалога власти и общества.

И в том и в другом случае названные биографические комплексы создавались или совсем без использования документации репрессивных учреждений, или, по меньшей мере, с привлечением широкого круга источников другого типа: устных рассказов, семейных архивов, ведомственных и производственных документов. Гулаг не стал не только автором, но и единственным соавтором в написании этих биографий.

Книги памяти, при всей жанровой схожести с перечисленными выше списками и словарями, кардинально отличаются от них по самой своей природе.

«Книги памяти» в современной библиографии стали собирательным понятием массового биографического комплекса, к которому относятся собственно книги памяти, мартирологи, словари и справочники «людей Гулага», где изначальная выборка персон – географическая, национальная, вероисповедная и др. – проведена по факту или категории репрессии, в соответствии с механизмом их попадания в Гулаг.

Политический, правовой и культурный контекст, который обусловил появление Книг памяти, был определен Законом о реабилитации жертв политических репрессий, принятым Верховным Советом РСФСР 18 октября 1991 года.

Для закона о реабилитации человек – не активный субъект исторического процесса, а пассивный объект внимания государственных (репрессивных, а затем реабилитационных) органов, что придает закону обратную декларированной сущности – по существу он становится правовым инструментом новой репрессии. В сфере общественного сознания Закон о реабилитации работает на искажение, а затем и полную амнезию исторической памяти²³.

В полном соответствии с этим Книги памяти оказываются не восстановлением биографии, а массивами последних записей гулаговского учета. За редчайшим исключением, они целиком или почти целиком базируются на документах карательных органов; таким образом, как и в лагерных учетных карточках, Гулаг является единственным автором этих записей. Причем, как и в форме №2, они содержат вторичную информацию, целиком переписанную из других «канкет Гулага». Составитель или составители, независимо от их ведомственной принадлежности, выступают здесь лишь в качестве ассистентов Гулага в создании нового массового биографического источника. Даже очевидное и нео-

²³ Подробнее см.: Флиге И. После закона о реабилитации: трансформация общественного сознания // «Мир после Гулага»: реабилитация и культура памяти. Второй международный симпозиум памяти В. В. Иоффе. Сыктывкар, 10-11 сентября 2003. СПб., 2004. С.55-61.

споримое преимущество Книг памяти перед другими источниками Гулага – открытая публикация и свободный доступ исследователей – парадоксальным образом работает на закрытость информации, увеличивая дистанцию между биографом-исследователем и первичным источником/источниками. В результате главной особенностью публикации становится ее ненаучность – непроверяемость источников составления в силу эксплуативного доступа в архивы.

Другой важный аспект – это составительские критерии отбора персонажей для Книг памяти по типу и характеру репрессии: по географии репрессий, по хронологии, по национальному признаку и др. Но главным и, за редким исключением²⁴, общим для всех книг памяти фильтром является факт реабилитации (состоявшейся на момент публикации)²⁵. В отличие от критериев, применяемых в профессиональных биографических словарях, почти все эти фильтры основаны на вне-личностных, вне-биографических параметрах.

Такие фильтры обусловлены наличием документов, условиями доступа в архивы и возможностью обработки источников различных типов. В разных случаях такими фильтрами также могут выступать: орган осуждения, временные рамки и т.п.

В качестве примера здесь можно привести «Ленинградский мартиролог»: только большой террор, только расстрелянные, только приговоренные Особой Тройкой и только реабилитированные...²⁶

Еще пример – книга памяти украинцев, расстрелянных в составе «Соловецкого этапа» осенью 1937 года: только украинцы, только заключенные Соловецкой тюрьмы, только одного расстрельного этапа²⁷.

Для мартиролога (одна из разновидностей Книг памяти) важен факт расстрела в определенном географическом месте. Несмотря на то, что, казалось бы, мартиролог, с учетом всех особенностей процедуры расстрельных приговоров, тяготеет к «кладбищенской книге», он, за редким исключением, такой не является. И биограф, обнаружив своего героя в мартирологе, не сможет с полной уверенностью указать в биографии дату и место его захоронения – в лучшем случае лишь с точностью до географического района. Нередко встречаются и заведомо искаженные указания, особенно в городах, где использовались разные места захоронений.

Следует отметить феномен национальных Книг памяти, где первоначальная выборка производится по национальному признаку. Критерий составителя такой книги – «свои». Например, польская Книга памяти представляет собой выборку из «Ленинградского мартиролога» по указанной в нем национальности, месту рождения, звуанию фамилий²⁸. Подобный подход в отношении купированной памяти – помнить только «своих», а в понятие «чужие»

²⁴ Например: Поминальные списки Карелии. 1937–1938. Петрозаводск, 2002.

²⁵ Это происходит не только по воле составителя, но и по другим причинам – в частности, потому что, согласно прочтению закона о реабилитации, доступ к персональной информации возможен только в отношении реабилитированных.

²⁶ Ленинградский мартиролог: 1937–1938. Т.1–5. СПб., 1995–2002.

²⁷ Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії. В 3 тт. Київ, 1998.

²⁸ Rada ochrony pamięci walk i męczeństwa. Книга памяти [граждан польской национальности]. СПб., 1995.

вкладывать всех остальных – наиболее наглядно реализован на некоторых мемориальных кладбищах, где на общих могилах людей разных национальностей и разных вероисповеданий стоят памятники по этнической и вероисповедной принадлежности.

Каким образом включение имени человека в Книгу памяти соотносится с понятием нормы и маргинальности в его биографии? Это определяется главным критерием отбора, общим почти для всех Книг памяти: фактом реабилитации.

Как уже говорилось выше, с момента вынесения приговора заключенный становился обладателем «нормальной» биографии советского человека, таким он оставался и после освобождения, в ссылке и в минусах. Вплоть до реабилитации. Факт реабилитации, проникая в биографический контекст, производит включение индивидуума в новую маргинальную категорию – категорию «реабилитированных», таким образом, происходит изменение нормальной биографии на маргинальную.

Появление имени человека в Книге памяти закрепляет это изменение в публичном пространстве; для тех же, кто дожил до реабилитации, оно подчеркивается приобретением специального социального статуса жертвы политических репрессий – теперь уже навсегда. И в целом Книги памяти предлагают форму преодоления маргинальности не через преодоление и выход из мира Гулага, а через принятие террора как нормы.

Это, в первую очередь, отражается на структуре биограммы и формате записи. Запись в Книге памяти, как правило, решительно ничего не добавляет к биографии, кроме факта репрессии и нескольких параметров этого факта. Помимо этого она может быть полезна биографу лишь одним: тем, что содержит (если содержит) указание на то, в каком архиве и в каком регионе следует продолжить поиск.

Уместно поднять вопрос востребованности Книг памяти в современном обществе. Среди родных и близких Книги памяти востребованы: для них это важная компенсаторная функция, суррогат возмещения личной потери. В качестве же массового биографического источника Гулага, при условии минимальной культуры составления, они могут представлять статистический материал. Книги памяти дают новые знания о механизмах террора и ничего – о людях и их судьбах.

Итог

Гулаг выступает в роли ассистента и соавтора хозяина биографии, единственного автора, а затем биограф-составитель становится ассистентом и соавтором Гулага в создании массового биографического источника.

От источника к источнику мы видим сокращение и игнорирование позиций нормальной биографии, увеличение умышленных искажений и случайных ошибок.

Они свидетельствуют о последовательном движении от нормальной доарестной биографии через нормальную гулаговскую биографию к маргиналь-

ной послегулаговской биографии. В конечном результате личная маргинальность (мнимая или действительная) на момент ареста и следствия через инструмент реабилитации становится групповой маргинальностью той социальной группы, где нормированием биографии является запись «реабилитирован за отсутствием состава преступления».

Таким образом, в биографиях Гулага нормирующими событиями являются арест и приговор, а маргинализующими – обвинение (обвинительное заключение) и реабилитация.

Миссия исследователя (биографа-составителя)

Наша тема – источники Гулага, пути их создания и бытование, а потому в данной работе не будем останавливаться на проблемах, с которыми сталкивается биограф, работающий над индивидуальной биографией по источникам разного происхождения, и обсуждать, как он решает непростые вопросы соединения и дополнения источников, интерпретации фактов и реконструкции событий. Также не будем останавливаться на вопросах этики биографа (сочинение мировоззрения и ценностных установок хозяина биографии и автора биографического текста, его права на вторжение в биографию героя и т.п.).

Установки биографа-составителя, имеющего в своем распоряжении только массовые источники, автором создания которых явился Гулаг (инструмент террора) как таковой, – вопрос личной позиции и общественной миссии публикатора. Хранителем памяти чего он выступает? Как в его работе реализуется память о терроре и/или память о людях, преодоление террора и понимание Гулага?

Исследователь-историк наследует понимание эпохи своих героев через источники, дошедшие до него и включенные им в контекст биографии. Он не только привносит свое понимание героя, его судьбы и времени, в которое он жил. Работа биографа – это всегда выбор позиции: **биописец или составитель**; преодоление забвения или учет террора. Биограф может стать ассистентом вторичного анкетирования (приведение к норме), а может – ассистентом самоидентификации героя и соавтором личностной биографии. Есть ли у современного биографа право на посмертное принуждение к биографии? Или только долг по составительству массовых биографий как волеизъявлению жертв террора? В чем заинтересованность биографа – в прямом наследовании источника или в понимании жизни героя в Гулаге, но вопреки ему?

Одна из основных этических проблем, с которыми сталкивается составитель, – это эксклюзивность доступа к информации (к следственным делам, личным делам заключенных и учетным картотекам), а также прямое соавторство с сотрудниками ФСБ и МВД, которое зачастую является условием доступа к документам, находящимся на соответствующем ведомственном хранении.

Учитывая, что главная сакральная составляющая государственного террора на всем протяжении советской истории – тайна (тайна ареста, тайна приговора, тайна расстрела, тайна захоронения), мы понимаем: это, безусловно, важное и значимое занятие – снятие тайны и раскрытие инструментария самого террора. Немаловажное влияние на позицию исследователя Гулага оказывает временное (в интервале от получения документов до открытой публикации) принятие на себя

функции хранителя тайны Гулага (террора). Но сама по себе такая публикация входит в противоречие с личной памятью. И то пространство культуры памяти о трагических событиях 20-го века, в котором мы сегодня находимся, – это мас совая память о терроре как таковом и о Гулаге как таковом. И «мир после Гулага» сегодня оказывается определен не отказом от террора, не выходом из него в мир личной свободы, а снятием тайны с его существования.

Биограф находится перед выбором – составитель (соавтор или наследник Гулага) нового биографического источника массовых биографий или автор единичных личностных биографий, совмещающих мировоззрение и ценностные установки хозяина биографии и автора биографического текста. Понимание жизни героя, понимание индивидуального может быть достигнуто за счет привлечения документов неофициального происхождения (устной истории, мемуаров, писем, дневников и др.). А в отсутствие источников личного происхождения (в том числе и при сознательном неоставлении таковых) перед современным биографом стоит непростая задача – не только восстановление индивидуальной личностной биографии, но и признание права личности на биографию и на посмертное освобождение из (от) Гулага, смысл которого заключался не только в физическом уничтожении и изъятии из социума личности, но также и в унификации судьбы и стирании имени как такового, через бытование специфических биографических источников.

Главная проблема наследия 20-го века – это отсутствие адекватного языка после Гулага, а разговор на языке Гулага заводит в понятийный тупик (попросту: не западло ли говорить языком Гулага?) и служит демонстрацией успешности террора и распространяет мир Гулага на все общество в целом, заражая его тотальной несвободой. Поиск и выработка нового языка – дело будущего, но уже сегодня можно попытаться решить часть проблем, если не новыми словами, то грамматическими формами и форматированием позиций биографических записей.

Даже в случаях, если источники Гулага не могут быть сопоставлены и дополнены источниками личного происхождения, составитель может дистанцироваться (частично отстраниться) от наследия Гулага и избежать навязывания логики источника путем сведения полученных биографических данных в новый шаблон записи.

В биографической записи (независимо от формата «биосправка–биограмма–биография») сравнительно легко отделяются позиции, связанные с волеизъявлением хозяина биографии (если о нем известно) и фактами и событиями, произошедшими вне его желания или ведома, а также нетрудно произвести событийное изложение биографии с указанием сопутствующих фактов²⁹.

В противном случае составитель оказывается публикатором отчета НКВД о проделанной работе.

²⁹ Например, можно произвести нормирование всех географических пунктов на дату события (родился в СПб., учился в Петрограде, арестован в Ленинграде), не путать глаголы и глагольные формы: герой – учился, работал, служил, бежал, но – арестован, приговорен, сослан; а также не пользоваться широко распространенными в лексиконе Гулага возвратными формами репрессивных глаголов: арестовывался, приговаривался, ссылался, привлекался; отдельить шрифтами и скобками события жизни (арестован, выслан, приговорен к...) от истории насилия в отношении героя (статья и орган приговора и др.).

Приложение

Имя. В большей части анкет фамилия, имя и отчество записываются на слух. При этом в первую очередь страдают фамилии и имена с вариативным написанием (Шарыгин – Шорыгин, Гринвальд – Грюнвальд). Часто оказываются искажены имена иностранного происхождения (мексиканский консул граф Виоляро в различных официальных документах числится как Виоляр, Виолар; грузинский епископ Шио Батманашвили – Батмалашвили, Батманов). Кроме того, зачастую проводится произвольная русификация традиционных национальных имен: добавление отчеств, окончаний и др. (так, арестованный в 1928 Кази-заде Керим освобожден в 1946 как Казиев Керим Керимович, а Шикер Коэтан Коэтанович арестован в 1930 и освобожден в 1933 как Константин Константинович). У священнослужителей в большей части случаев не фиксируются мирские и монашеские имена, так, епископ Алексий Буй (в миру Александр Васильевич) записан как Буй Алексей Васильевич, а епископ Илларион Троицкий (в миру Владимир Алексеевич) – как Троицкий Илларион Алексеевич.

Запись в этой графе «он же...» трудно поддается реконструкции без привлечения дополнительных источников. Приведу несколько примеров:

Фын-Ло-Лян (он же Фын-Син)³⁰ – непонятно, речь о двух разных именах или ошибка транскрибирования.

Никонов Михаил Захарович – Смородин Семен Васильевич (1889–1967), землемер, офицер белой армии, руководитель крестьянского восстания (Казань, 1918–1919), скрывался под именами Ерохов Лука Антонович и Дубинкин Лука Лукич, был случайно опознан. Арестован 26.08.1927 в Туапсе, приговорен к ВМН с заменой на 10 лет лагеря. На Соловках работал в крольчатнике (1927–1930), переведен в Повенецкий пушхоз, откуда 5 сентября 1935 бежал в Финляндию³¹. В учетной карточке: «Никонов М.З. он же Ерохов Л.А.»³². Историю обретения второго имени «Смородин С.В.», сохранившегося до конца жизни, Никонов-Смородин в своих воспоминаниях опускает.

Дата рождения. Не будем останавливаться на искажениях, связанных с изменением стиля летоисчисления в 1918, – это общие проблемы.

Часто в анкетах и учетных карточках 1920-х – 1930-х указывался не год рождения, а возраст на момент заполнения ($\pm$ год). В дальнейшем из-за механического переписывания в последующие документы возраста без изменения происходило накапливание ошибки до нескольких лет. Кроме того, в анкетах внутри одного дела встречаются разнотечения, причиной которых могли быть небрежность заполнения или умышленное изменение возраста самим героем (например, уменьшение для сокрытия службы в «неправильной» армии или увеличение для получения инвалидной трудовой категории и др.).

³⁰ ИЦ МВД Республики Карелия. Картотека.

³¹ См.: Никонов-Смородин М.З. Красная категория. Записки соловчанина. София, 1938.

³² ИЦ МВД Республики Карелия. Картотека.

Место рождения. При ответе на вопрос о месте рождения обычно использовались административные единицы, существовавшие на момент создания документа (ареста, прибытия в лагерь). Встречаются исключения: заключенный называет старое название местности (человеческий фактор) – заполняющий анкету умышленно подчеркивает неблагонадежность происхождения (репрессивный фактор). При записи мелких населенных пунктов, особенно в случаях изменения границ административного деления, часто возникает путаница в таких административных единицах, как уезд, волость, губерния – район, область, так что в одной записи может встречаться сочетание употребления старых и новых названий (напр.: Булыгин А.Д., род. 1901, Кичуй, Бугульминский район, Самарская губерния³³).

Национальность. Заполнение этой графы, помимо общих проблем национального самосознания и групповой идентичности, связано с применением национальных репрессий (так, высланные из Азербайджана в июне 1949 ассирийцы записаны турками, в 1940 польские евреи – поляками; при депортации турок-месхетинцев их сделали азербайджанцами и отправили не в Месхети, а в Азербайджан).

Встречается неграмотное заполнение, фиксирование доминантной национальности из районов смешанного этнического расселения (финнами зачастую оказывались записаны карелы, саамы, вепсы, поморы), а также вымышленной национальности:

Ризабейли Насур Улла Голиф Оглы – «турок».

Султан-Галиев Мирсен Хандар Галиевич – «татаро-башкир».

Мусселиус Анна Ивановна – «цыганка-латышка».

Деак-Дзак Николай Алексеевич – «венгерец»³⁴.

Гражданство (подданство). Записи в этом пункте, как правило, соответствуют паспортным данным на момент ареста:

Эфенди Оглы Али Мамедович, национальность – турок; гражданство – турецкое.

Фу-юн-Чжай, он же Фу-юн Зай, китаец, подданство китайское.

Андреевич-Михайлович Андрей Андреевич – серб, внеподданный³⁵.

Встречаются и отметки о бывшем подданстве как потенциальной неблагонадежности или в качестве обозначения этнической принадлежности:

Вайнберг Абрам Саулович, год и место рождения 1898, г. Соколь Краковской области, национальность – еврей, инноподданство – б. Польша, местожительство г. Львов, арестован в 1940³⁶.

³³ ИЦ МВД Республики Карелия. Картотека.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Политические убеждения, партийность. Членство в ВКП(б), КПСС: в первых анкетах указаны годы, в дальнейших – «бывший член ВКП(б)», членство в ВЛКСМ, как правило, не указано. Достоверность записи о принадлежности к оппозиционным партиям невелика: с одной стороны, арестованный не стремится указывать членство в партии с-р или кадетов 1917–1918 года, с другой – нередки случаи навязывания записи «близок к меньшевикам» на основании родственных отношений или случайных знакомств.

Отдельно надо сказать о записи партийности как формуле обвинения: «троцкист», «эсеро-меньшевистская» и пр. Приведу примеры заполнения:

Мошков Петр Петрович, химик, 1928, по делу Космической Академии Наук: «Политические убеждения: затрудняюсь ответить, чувствую симпатию к отдельным мероприятиям Соввласти»³⁷.

Зеленков Петр Петрович, крестьянин, 1933: «Партийность – б/п – толстовец»³⁸.

Остальский Аркадий Иосифович, 1932: «Партийность и политические убеждения – во всем подчиняюсь Советской власти»³⁹.

Владимирский Николай Георгиевич, 1907 г.р., гр. СССР, ур. с. Урлейка Кондольского р-на Куйбышевской обл., служащий, обр. незак. высшее, б. анархист, в 1927 г. был выслан на 3 года, отбывая наказание в Перми, в 1932 ОСО ОГПУ за активную к.-р. анархическую деятельность был приговорен к 3 г. высылки. Пост. ОСО при НКВД от 07.10.35 за участие в к.-р. троцкистской группе приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет⁴⁰.

Ликворник Ефим Яковлевич, 1894 г.р., ур. г. Коломна-Австрия (Галиция)⁴¹, сын торговца, служащий, еврей, гр. СССР, с незак. высшим обр., по специальности экономист-плановик, б. член ВКП(б) – с 1923 по 33 и б. член партии Повалей-Цион, до ареста служил в промышленной кооперации в г. Одессе в качестве зав. планово-финансов. отделом. Осужден ОСО при НКВД СССР 04.11.35 за участие в к.-р. троцкистской группе и за незаконное хранение оружия к 5 г. заключения в ИТЛ⁴².

Образование, профессия, специальность. В редких случаях (причем только в первой анкете) указаны все учебные заведения (школа, училище, университет) и годы обучения в них, чаще – только уровень, кроме случаев фиксации криминального учебного заведения.

³⁷ Архив УФСБ СПб. и ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д.П-81213. Л.28а.

³⁸ Там же. Д. П-77144. Л.21–21об.

³⁹ Архив УФСБ по Архангельской обл. Фонд архивно-следственных дел. Д.П-13721. Л.158об.

⁴⁰ Протокол №82 Ос. Тр. УНКВД ЛО от 09.10.1937. Архив УФСБ по Архангельской обл.

⁴¹ Вероятно, имеется в виду г. Коломыя Ивано-Франковской области (Галиция – с 1772 до 1918 называлась Королевство Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским, с 1918 в составе Польши, с 1939 в составе СССР).

⁴² Протокол №82 Ос. Тр. УНКВД ЛО от 09.10.1937. Архив УФСБ по Архангельской обл.

Интересно, что образование также находится в ряду криминального/не криминального понимания, не только в отношении элитных образовательных учреждений, таких как Пажеский корпус, Смольный институт, училище Правоведения и пр., но даже в географическом плане.

Юзеф Чапский в 1939 при заполнении анкеты арестованного не упоминает не только окончание Пажеского корпуса, но и окончание петербургской гимназии и учебу в Петроградском университете. В графе «Образование» у него одна запись: окончил Академию Художеств в Кракове. Будучи гражданином Польши, Чапский был нормальным «польским интернированным», в случае же выяснения бывшего российского подданства следствие автоматически меняло биографическое клише, и Чапский получал другой окрас – «польский шпион».

Запись об образовании – наиболее меняющаяся от анкеты к анкете: вместо сведений о профессиональном образовании может содержать название должности последнего места работы (лектор, инструктор и др.), лагерную специальность (писарь, лесоруб, санитар). Приведем примеры из учетных карточек:

Эльцин Виктор Борисович, арестован в 1929: Образование – историк-преподаватель, Профессия – лит. секретарь Троцкого, Специальность – ответ. редактор собрания соч.

Клименко Алексей Викторович⁴³, профессия – юрист, специальность – счетовод

Миславский Николай Михайлович, профессия – плотник, священник

Астанин Иннокентий Петрович, монах, профессия – счетовод

Лесоцкий Дмитрий Михайлович, профессия – социолог-экономист, специальность – з/к ББЛ⁴⁴

Место работы (службы). Фиксация в этой графе последнего места работы в случаях, когда аресту предшествовали увольнения или косвенные репрессии, приводит к записи БОЗ (без определенных занятий), что затрудняет идентификацию героя и поиск. Так, Елена Михайловна Беркутова, выпускница Смольного института и Бестужевских курсов, – педагог, преподаватель, выслана из Ленинграда в 1935 в ходе операции «бывшие люди», жила в Лодейном поле, арестована в августе 1937 в Ленинграде. В «Ленинградском мартirologie»: «Беркутова Елена Михайловна, <...> беспартийная, русская, без определенных занятий, до ареста проживала в Ленинграде <...>»⁴⁴.

Семейное положение (состав семьи) подробно отражено только в анкете арестованного, затем не заполняется, за исключением случаев «криминального родства». Так, во всех анкетах и учетных карточках у В.И.Брусиевой значится «невестка генерала Брусилова». Вот ряд характерных случаев:

⁴³ ИЦ МВД Республики Карелия. Картотека.

⁴⁴ Ленинградский мартirologie: 1937–1938. Т.1. СПб., 1995. С.108.

*Моглин Захар Борисович, 1897 г.р., ур. г. Гомеля-БССР, служащий, еврей, гр. СССР, с высшим обр., б. член ВКП(б), был женат на дочери Троцкого – Бронштейн Зинаиде Л.*⁴⁵

Шелановский Алексей Николаевич, 1904 г.р., гр. СССР, ур. г. Симферополя, из дворян, служащий, обр. высшее, мать – тамбовская помещица, одна из руководительниц Теософского движения в России, в последующем эмигрировала во Францию, живет в Париже. В 1924 за к.-р. деятельность отбывал ссылку в Нарыме 3 года, до ареста работал ассистентом при институте Ленина⁴⁶.

⁴⁵ Протокол №82 Ос. Тр. УНКВД ЛО от 09.10.1937. Архив УФСБ по Архангельской обл.

⁴⁶ Протокол №81 Ос. Тр. УНКВД ЛО от 09.10.1937, Там же.

Нина Цветаева

Ценностное измерение биографических нарративов

Нина Николаевна
ЦВЕТАЕВА

научный сотрудник
Социологического
института РАН

Введение

На прошлогодних Чтениях памяти В.Иофе говорилось о том, что пространство биографий и интерес к ним характеризуется разнородностью культурных и научных подходов, традиций и техник исследования [Голофаст, 2003]. В этом пространстве я занимаюсь социологической интерпретацией биографических нарративов, написанных обычными людьми. Это область качественных методов исследования, которые не предполагают статистических обобщений, привычных для социологических опросов.

Качественные методы базируются на постклассической методологии, которая ориентирует исследователя на социальную вариативность и множественность культурных и языковых практик, на многообразие форм и степеней субъектности, на описание диапазона возможностей и социальной типики исследуемых феноменов [Голофаст, 2000, Козлова, 2001]. Это особенно важно сегодня, когда признается релятивизация ценностных систем, кризис легитимации «больших нарративов» и другие диагнозы современности.

Говорить о ценностях в этих условиях значит отказаться от универсальных

теорий и теоретических конструктов и приблизиться к локальным формам бытования ценностей, к смысловым реальностям обыденного сознания, его символике. Интерпретация биографических нарративов дает возможность такого приближения.

Нельзя не согласиться, что опыт жизни человека всегда опосредуется и упорядочивается символическими системами, к числу которых относится и биографический нарратив. При написании биографии человек пользуется сложившимися в обществе классификациями, в которых представлены типичные мотивационные связи и отношения, поведенческие рецепты и ценностные иерархии [Козлова, 2001]. Уже поэтому в биографических нарративах можно обнаружить тот или иной дискурс классификации и оценки. Причем этот дискурс всегда опосредован реалиями жизни и практиками респондентов, локальными формами бытования ценностей. Это не только представляет обнаруживаемые в нем ценности, но и при определенных условиях (выборка, тематизация) дает возможность увидеть их социальную типику, их социальное пространство. И в этом смысле выявляемые в процессе интерпретации характеристики биографического дискурса можно назвать изучением ценностей, ценностным измерением нарративов.

«Гляжу в себя как в зеркало эпохи»

Я расскажу о своем опыте ценностного измерения биографических нарративов – о тех характеристиках биографического дискурса, которые были обнаружены при интерпретации материалов конкурса биографий «Гляжу в себя как в зеркало эпохи», проведенного Биографическим фондом Социологического института РАН в 1996 году¹.

Этот конкурс проводился во время бурных обсуждений в российском обществе проблем его перестройки и сравнения этого времени с эпохой 1960-х – эпохой «оттепели», которая тоже представляла собой попытку каких-то изменений в нем после смерти Сталина. Конкурс был тематическим, его девиз – «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» – был обращен к тем гражданам Санкт-Петербурга, которые считают значимой для себя эпоху 60-х и отразят в своем биографическом рассказе это время (именно поэтому участники этого конкурса названы в исследовании «шестидесятниками»).

«Разные» миры «шестидесятников»

Участниками конкурса оказались 93 человека – 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 1930-х годов рождения, т.е. те, кто встретил свое взросление в 1950-х – начале 1960-х. Среди них были люди самых разных профессий

¹ Биографический фонд в секторе социально-культурных изменений Социологического института РАН был создан в 1989 г. (рук. В.Б. Голофаст). В настоящее время он насчитывает около 400 биографических материалов представителей всех слоев общества. Фонд составляют биографические дневники, интервью и материалы биографических конкурсов.

(от медсестры и шоfera до инженера, врача, начальника стройки). Можно сказать, что тема конкурса не ограничила круг его участников и что результаты анализа материалов конкурса характеризуют ценностный мир скорее обычного («простого») человека, чем моральных активистов эпохи 60-х.

Ориентируясь на позицию, что каждое поколение несет на себе «зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности» [Шуман, Скотт, 1992], от биографического дискурса участников конкурса, юность которых пришлась на эпоху 60-х и которые откликнулись на девиз конкурса, можно было ожидать подробных и развернутых характеристик этого времени. Поэтому первым шагом уяснения этих характеристик был анализ того, как люди, приславшие биографические нарративы на конкурс, объясняют свое участие в нем и представляют эпоху 60-х, каковы «зримые следы» событий их юности.

Оказалось, что эти «следы» зависят от уровня образования участников конкурса и образуют два символических пространства, два типа дискурса, в каждом из которых действуют свои символы и метафоры. Один тип – это язык литературный, язык образованных людей (назовем так участников конкурса с высшим образованием). Другой – язык людей, условно говоря, малообразованных (т.е. тех, кто не получил высшего образования).

Вот как выглядит эпоха 60-х в нарративах образованных участников конкурса: «на какое-то время мы поверили, что мы свободны и можем жить по совести, быть самими собой», «все вздохнули свободно», «много стали говорить о новой жизни, появилось много публикаций»; «60-е – самые интересные и насыщенные: слушали наших шестидесятников-поэтов, зачитывались (чаще скрытно) "Одним днем Ивана Денисовича"»; «60-е – это время, когда все щурились от солнца, как сказал Жванецкий»; «отношу себя к числу шестидесятников – тех, чье идеиное формирование на базе коммунистической идеологии происходило после смерти Сталина, кто испытал очистительное влияние XX съезда»; «мы кожей чувствовали духовный рост общества, презирали обыденность, рвались к интересной работе»; «в это время происходило освоение космоса, целины»; «знаменательное событие – доклад Хрущева – началось осмысливание»; «моральный кодекс строителя коммунизма», «все-народная государственная власть», «поклонение науке»...

Если в дискурсе образованных участников конкурса используются почти все возможные символы и метафоры эпохи 60-х, то в дискурсе малообразованных прямые оценки этого времени очень редки. Можно сказать, что фактически они не выделяют это время как особую эпоху и не объясняют с этой точки зрения свое участие в конкурсе. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появляются характеристики этого времени, они конкретны и «материальны», а эпоха 60-х предстает прежде всего как цепь коллизий по-вседневной жизни, обусловленных происходившими тогда реформами: «лебеди с хлебом», «вместо привычных культур на полях кукуруза», «хозяйки расставались со своими бурenkами»... Иными словами, 60-е годы вообще не фиксируются ими как «оттепель», как смягчение режима и возможность освобождения страны и личности.

Итак, то, что запомнилось первым и символизирует для них эпоху 60-х, не входит «в круг внимания» вторых. Конечно, прежде всего это различие

свидетельствует о социальной позиции авторов нарративов, их социально-структурном делении. Различие языков характеризует социальное различие [Козлова, 2003].

Можно также заметить и то, что это различие ставит вопрос о функциях интеллигенции российского общества (если так называть людей с высшим образованием).

Тот факт, что ценностные миры этих групп почти не соприкасаются, подтверждает их обособленность, а также то, что интеллигенция утратила свою сакральную функцию «хранителей идеалов», трансляторов универсальных культурных образцов и продолжает лишь «воображаемое, фантомное существование» [Левада, 1994].

Рассмотрим теперь другие характеристики этих двух биографических дискурсов.

Специфика советского адаптивного габитуса

Биографический дискурс малообразованных участников конкурса можно интерпретировать по схеме, которую применяет в своем исследовании автобиографий Пекка Руус. Он пользуется терминологией Пьера Бурдье, соглашаясь с ним, что народные классы в основном приспособливаются к своим обстоятельствам, «выбирая необходимость», и определяет их габитус как адаптивный [Руус, 1993]. И оценки эпохи 60-х малообразованными участниками конкурса, как мы видели, вполне соответствуют такому габитусу.

Однако в адаптивном габитусе малообразованных участников конкурса можно обнаружить не свойственные ему элементы. Основу своеобразия составляет то, что «глубокий реализм» адаптивного габитуса неожиданно проходит, когда в нарративах появляются противоречия, свидетельствующие о неспособности респондентов совместить практическую логику своей жизни и логику высказываемых ими оценок или, в терминах Рууса, логику истории жизни и логику поля (то есть «общества» и «культуры»).

Противоречия читаются в нарративах малообразованных участников конкурса, когда они, с одной стороны, описывают свою трудную и полную лишений жизнь («жизнь-колотушку», как говорит один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, пьянство мужей, несправедливость начальства и т.п., а с другой – оценивают советскую эпоху как время, в котором: «человек чувствовал себя членом одной большой семьи», «все было доступно... не боялись за завтрашний день», «твердо знали, что государство не оставит».

Эти противоречия в нарративах малообразованных участников конкурса ставят вопрос об устойчивости влияния структурной идеологической схемы советской эпохи. Их можно назвать результатом «политики нормализации индивида» [Ушакин, 1996], проводившейся в то время. Адаптированный к советскому режиму человек не замечал (должен был не замечать) противоречий между реалиями своей жизни и пропагандируемыми идеологией ценностями, демонстрируя тем самым свою приверженность власти и свою «нормальность» как члена общества. Другой вопрос, почему она оказывается устойчивой и сегодня.

Умолчания простых «шестидесятников»

В описаниях эпохи 60-х участниками конкурса представляет интерес и еще одна характеристика их нарративов – умолчания. О чём люди молчат, рассказывая свои жизненные истории, и что скрывается за этим молчанием?

Выше уже говорилось о том, что малообразованные участники конкурса не выделяют эпоху 60-х как особую эпоху, как время некоторой либерализации жизни общества после смерти Сталина. Можно даже сказать, что в их биографическом дискурсе история существования советского общества не делится на какие-либо эпохи, кроме последней – «до» перестройки и «после» (напомним, нарративы написаны в 1995 году). И в целом это понятное свойство их адаптивного габитуса, привычки жить, «выбирая необходимость».

С этих же позиций можно оценить и то, что они в принципе дистанцируются от обсуждения политических проблем, в том числе и проблемы 60-х. Тем не менее в их нарративах можно прочитать презрительное отношение (своего рода цинизм) ко всему, что связано с этими проблемами, и прежде всего – к власти (например, к Н.С.Хрущеву: «Хрущ что-то там оять натворил...»).

В то же время нельзя не отметить, что такое отношение вполне вписывается в оборотную сторону их адаптивного габитуса – «скрытая ненависть и скрытое оскорблениe хозяев» [Руус, 1993].

Представляет интерес, однако, что на фоне этого цинизма и неуважительного отношения к власти имя Сталина в их нарративах вообще не упоминается (ни прямо, ни косвенно). Не говорится даже о смерти Сталина, что, как правило, присутствует в нарративах образованных участников конкурса, часто описывающих этот факт. Никакой критики в отношении сталинского режима тоже нет, хотя оснований для критики, судя по нарративам, много, например, в тех случаях, когда они рассказывают о тяжелом бремени налогов на крестьянское хозяйство во время правления Сталина, детстве «без мяса и без жира», так как «скот уходил на уплату налогов», несправедливости советских властей к семье, попавшей на оккупированную территорию во время войны и т.п.

Конечно, сложность официальной точки зрения на роль Сталина даже в эпоху «оттепели» и долго не раскрываемая до конца правда о его режиме не могли не сказаться на таинственности этой фигуры для сознания советского человека. И, по всей видимости, рациональной оценки личности Сталина и его эпохи трудно ждать от «простого советского человека». Причем, как свидетельствуют нарративы конкурса, – не только малообразованного.

Мифотворчество образованных «шестидесятников»

Несмотря на то, что в биографическом дискурсе образованных участников конкурса (в отличие от малообразованных) присутствовала довольно полная картина символов и метафор эпохи 60-х, можно сказать, что их рефлексия, направленная на анализ сталинского режима, носит довольно по-

верхностный характер. Иными словами, в их нарративах тоже можно обнаружить умолчания.

Дело в том, что, говоря об этом времени, они, как правило, не идут дальше описания собственного жизненного опыта, идеалов и надежд своей юности. На фоне этого описания редко кто из них говорит о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т.п.), т.е. в какой-то мере анализирует сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминаются, а если и упоминаются, то осторожными фразами: «среди окружающих никто не пострадал при Сталине», «ужасный 1937 год некоснулся нашего семейства». Интересно, однако, оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти третья семейства была впрямую затронута сталинскими репрессиями [Советский простой человек, 1993].

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т.п.) тоже почти не анализируются. Конечно, в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди знали в основном только из официальных источников информации. И нарративы подтверждают, что узнавал респондент об этих событиях, как правило, на партийных или производственных митингах и вместе со всеми принимал те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывается тоже довольно редко.

По всей видимости, эту характеристику биографического дискурса образованных участников конкурса можно назвать мифотворчеством.

Я имею в виду не только особую способность образованного человека верить в слова, литературоцентризм русской культуры [Вайль, Генис, 1993], о чем свидетельствовали приведенные выше описания эпохи «оттепели» образованными участниками конкурса. Речь идет о системе представлений образованного человека, которую он отказываетсяrationально осмысливать. Подчеркну, это касается образованных людей, габитус которых (если продолжить анализ в терминах Бурдье и Рууса) должны быть присущи рефлексия и самоконтроль, и, кроме того, – участников тематического конкурса «шестидесятиков» «Гляжу в себя как в зеркало эпохи». И отказ от рефлексии на эту тему больше похож на «бегство от свободы» – отсутствие привычки самостоятельно думать об общественных проблемах даже сегодня, когда появились для этого возможности.

В биографическом дискурсе образованных участников конкурса этот отказ от рефлексии имеет две формы выражения. Первую форму можно характеризовать как уклонение от анализа каких-либо сложных общественных проблем своего времени за счет переноса внимания на другие сферы жизни. В нарративах этого типа люди описывают свою жизнь, удовлетворяясь, можно сказать, формулами личного (в противовес общественному) мифотворчества. Темами мифотворчества, которые характеризуют смысл жизни и которые создаются с большей или меньшей степенью искусности, здесь оказываются: «молодость»,

«романтика», «любовь», «воспитание детей» и т.п. Причем своеобразным рефреном этого дискурса являются слова «мы работали честно», которыми авторы нарративов как бы снимают с себя ответственность за все прегрешения советской системы и освобождают себя от анализа общественных проблем.

Другую форму лояльности образованных участников конкурса к культурным кодам советской эпохи определяет их изначальная ангажированность в советскую идеологию, ее близость к власти [Левада, 1994]. (Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и соответствующим ей вступлением в партию). Эта ангажированность выражается в том, что они анализируют советское прошлое как бы «изнутри» и, даже переосмысливая это прошлое, сохраняют «принципиальную верность идеи», считают, что «гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» и что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года».

Из нарративов выясняются и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда», и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна может пропасть». Общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа являются суждения: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

Две модели габитуса и культурный капитал

Еще одной характеристикой биографического дискурса образованных участников конкурса оказывается наличие/отсутствие у них культурного капитала.

Для образованных участников конкурса существенным в определении культурного капитала становится их принадлежность к образованным слоям общества во втором поколении, а учитывая цепь коллизий развития советского общества, – наличие у родителей респондентов образования, дававшего статус служащего в советском обществе.

И если родители являются в этом смысле образованными людьми (здесь оказываются и люди дворянского происхождения, которых, естественно, очень мало, и «скромные советские служащие» пролетарского или крестьянского происхождения), то культурный капитал семьи, как свидетельствуют нарративы, обязательно оказывается на биографии детей.

Обобщенная картина биографического дискурса тех, кто принадлежит к образованным слоям общества в первом поколении, и тех, чьи родители уже обладали в той или иной степени культурным капиталом, выглядит следующим образом.

Первых характеризует бурная (студенческая) молодость с чтением стихов, театрами, дефицитными книгами и культурным энтузиазмом (т.е. с мифами их молодости), которая с началом семейной жизни в целом угасает и

становится приятным воспоминанием. Их ангажированность в культурные коды советской идеологии, как правило, поддерживалась активным участием в общественной работе, связанным с партийностью. И в тех случаях, когда они разочаровываются в прошлом, они определяют себя как «наивных простаков», «тружеников, доверчивых по натуре, работавших на совесть и в 60-х, и в 70-х, и в 80-х годах».

Биографический дискурс вторых выглядит сложнее. Можно сказать, что унаследованный ими культурный капитал делает их рефлексию и их жизнь более активными. Это выражается не только в том, что они участвуют в официальном мифотворчестве, т.е. умеют поддерживать и адаптировать официально выдвигаемые мифы, а и в том, что они обнаруживают умение создавать и обновлять мифы собственной (личной) жизни каждый раз, когда сталкиваются с тяжелыми и жесткими ее обстоятельствами. Их мифотворчество и рефлексию можно структурировать по двум линиям: ангажированность в советскую идеологию и попытки отстранения и критического отношения к ней, которые трудно определить так однозначно, как для первых. Можно только отметить, что, в отличие от первых, они не называют себя «наивными простаками».

Заключение

Чтение биографических нарративов подтверждает, что люди редко употребляют те концепты, которые используются в анкетных опросах при изучении ценностей. Эти концепты оказываются скорее отражением политических идеалов, а не смысловых реалий жизни человека. Об этом говорят и результаты ряда социологических исследований, свидетельствующие, что политико-идеологические взгляды присутствуют, в лучшем случае, только у третьей части общества и что для большинства россиян потребности повседневной жизни намного важнее любых «общих идей».

Мне кажется, что интерпретация биографического дискурса, раскрывая особенности социальных представлений и способов конструирования мира, дает возможность прояснить связи между разными слоями ценностного сознания, между дискурсом повседневной жизни и идеологизированным дискурсом. Надеюсь, что представленная в этой статье небольшая иллюстрация результатов интерпретации биографических нарративов отчасти подтвердила это.

Литература

[Вайль, Генис, 1991]

Вайль П., Генис А.: Страна слов // Новый мир. 1991. № 4.

[Голофаст, 2000]

Голофаст В.Б. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4.

[Голофаст, 2004]

Голофаст В. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти В.В.Иофе. 18–19 апреля 2003 . СПб.: НИЦ «Мемориал», 2004 г.

[Козлова, 2001]

Козлова Н.Н. Позиция исследователя и выбор теоретического языка // Общественные науки и современность. 2001. №5.

[Козлова, 2004]

Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов // Социс, 2004. №1.

[Шуман, Скотт, 1992]

Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социс, 1992. №2.

[Левада, 1994]

Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. (Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г.). М. 1994.

[Руус, 1993]

Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. №1/2.

[Советский простой человек, 1993]

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993.

[Ушакин, 1996]

Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. №5.

Елена Петровская

Фотография в биографическом контексте

Елена Владимировна
ПЕТРОВСКАЯ

старший научный сотрудник
Института философии РАН,
главный редактор журнала
«Синий диван»

По-видимому, понятие биографического контекста, как и самой биографии, не вызывает особых затруднений: с одной стороны, имеется обширный корпус текстов, где биография как род высказывания вводится в определенные аналитические рамки, с другой – «сама» биография, то, что мы склонны называть этим вполне привычным словом, предстает в качестве последовательности жизненных фактов, достоверность и значимость которых не подвергаются сомнению. Итак, есть способы писать биографию и есть биография, которая пишется. Однако этим не исчерпывается основной вопрос: что именно пишется и как? И какова роль таких документальных свидетельств, которые говорят уже на им одном присущем языке (я имею в виду в том числе и фотографию)?

Биография – запись, которая ведется из времени после. В самом этом слове присутствует внутреннее напряжение: «био» – то, что относится собственно к жизни, а «графия» – это фиксация, запись, рассказ. «Графия» как будто оберегает и ограждает «био» от любой случайности: распоряжаясь всем материалом жизни, она наделяет проживаемое полнотой и ценностью смысла.

epetrovs@iph.ras.ru

региональное
ученое
мемориальное
фонд
Санкт-Петербург

Но что значит придать жизни смысл? Это значит увидеть в ней цепь закономерностей, установить причинно-следственные связи, показать, как одно событие необходимо вытекает из другого. Это значит, иными словами, придать изначально хаотическому форму. А такое придание формы, независимо от того, на каком этапе жизни оно происходит, есть неизбежный взгляд на жизнь как завершенную. В самом деле, «графия» – запись – не имеет дела с жизнью как набором возможностей, с ее проективной открытостью будущему, ее множественными временами. Вместо многих сценариев жизни – а таковой, по меньшей мере, она предстает по ходу ее проживания – непреложность и всевластие интерпретации. И даже когда за жизнь борются разные интерпретации, то происходит это не в пользу жизни, а в пользу записи – одна интерпретация стремится отстоять свою истинность (свое превосходство) перед другой.

Есть попытки записать и то, что относится к невидимым проявлениям жизни: психобиографии призваны описывать желания или тот уровень реальности, который остается неформализуемым, невыразимым. Еще более тонкие анализы подводят к пределам собственно рефлексии, показывая, что любая попытка ввести опыт жизни в контекст осмыслиения неизбежно этот опыт переписывает в терминах, ему предельно чужеродных, – никакой единый образ и никакая фигура не передает становление субъективности в качестве утраты или, по крайней мере, в виде постоянного ускользания от самой себя. А если и передает, то это неудачная запись, запись как неудача, запись, подводящая к самим границам языка и представления. Следовательно, между записью и жизнью сохраняется неустранимый разрыв.

Но, возможно, существуют иные виды записи, иные формы самого графизма? Может быть, в пределе необходимо отказаться от языка, чтобы приблизиться к опыту жизни? Или, наоборот, освоить этот язык настолько, оутрить биографию как жанр, чтобы из подобного шаблона чтения (и восприятия) родилось то, что в него не в силах поместиться? Короче, как «обмануть» запись, чтобы восторжествовала жизнь? Наша культура существенно расширила диапазон свидетельств. К числу этих последних относятся и фотографии, документальность которых считается неоспоримой. (И это вопреки всем новейшим способам манипулирования фотоизображением: документальность в данном случае есть вчитываемое в них значение, их общественно востребованный смысл.) И какие бы подписи ни ставились к отдельным карточкам, фотография, что называется, говорит за себя. Более того, фотография и есть вместелище локальной памяти: именно таким выступает семейный альбом.

Однако уже ранние теоретики фотографии понимали, что если что и «показывает» фотография, то только меру несоответствия самой себе. Не единство референта и изображения, но разрыв – именно так трактуют фотографию ее наиболее вдумчивые исследователи от Вальтера Беньямина до Ролана Барта. Предъявить невидимое обычным глазом («оптическое бессознательное»); остановить, а стало быть, и омертвить живое; показать присутствие как заведомо утраченное (такова, по Барту, новая пространственно-временная категория, фактически создаваемая фотографией) – вот лишь некоторые из прозрений, связанных с тем, о чем мы говорим. И даже теоретики фотографической избыточности – Кракауэр говорил об абсолютном сходстве между

объектом и его изображением, о пространственном континууме, навязываемом фотографией, – и те уделяли первостепенное внимание различию: как сохранить подлинность воспоминания, задавался вопросом Кракауэр, чья объективная, в данном случае фотографическая, презентация всегда грешит против правды. Так же, замечу, и Бодлер был раздражен фотографией, ее чрезмерной реалистичностью – для него приход нового бога означал, как следствие, угасание способности воображения.

Представленная в этих разнообразных интерпретациях, фотография мыслилась сообщницей смерти. Беньямин прямо пишет о фотографиях Дэвида Октавиуса Хилла, где могильный антураж – а многие из самых первых снимков делались на фоне кладбищенских склепов – был способом предохнуть конец, оплакать жизнь уже при жизни. Но еще более говорящей является пронзительная книга Барта, когда распознание сущности фотографии (задача, которую ставит перед собой французский семиолог) неотделимо от работы траура: путь, который Барту предстоит пройти, есть постижение глубины утраты (матери, чье присутствие повторно обретается случайным снимком) и в то же время сути фотографии. Фотография в качестве утраты – так можно суммировать этот чрезвычайно влиятельный (а также разноплановый) подход.

Подчеркнем несколько моментов. С самого начала признается, что фотография показывает или слишком мало, или слишком много – но никак не столько, сколько нужно для обретения равновесия, корреспонденции с реальностью. Совершенная, она утрачивает доступ к истине воспоминания; профанная, она фиксирует лишь смерть, незримо источаемую всеми порами жизни, и эта смерть столь же метафорична, сколь и буквальна (например, можно обсуждать пределы собственно презентации). Как бы то ни было, но запись, оставляемая фотографией, носит неявный и специфический характер – это скорее интервал, невозможность удержаться в самом настоящем, позитивно – однозначно – его утвердить. В самом деле, настоящее наполнено фантомами – призрачным присутствием, соседством того, чего нет, что приходит только в полноте собственного отрицания.

Впрочем, может, этого достаточно? Достаточно констатировать наличие подобного зазора в самой темпоральной структуре фотографии, чтобы сказать (не без некоторого удовлетворения): вот так, окольным путем, мы и можем подойти к тому, что обычная запись и впрямь оставляет за рамками кадра, – достаточно «увидеть» фотографию другими глазами, подключить к ней элемент собственной (или чужой) рефлексии, и тогда можно надеяться каким-то образом удержать следы самой жизни? Может быть, различие, конститутивное для фото, – и есть эта удержанная жизнь?

Приходится признать, что понятое так различие – это лишь еще одна рамка опыта, неотделимая от процедур его представления. Иными словами, жизнь снова дается в объективированной форме, притом что таких объективаций может быть сколь угодно много. Со своей стороны мы хотели бы предложить иной подход к проблеме, а именно внести изначальную множественность туда, где прежде полагалась несамотождественность. Для этого фотография должна быть определена как: 1) анонимная и 2) отсылающая к коллективным формам восприятия.

В каком смысле можно говорить об анонимности? Прежде всего речь идет о самом жесте показа и вытекающих из него теоретических следствиях. Поясним эту мысль. Свое исследование фотографии Барт феноменологически начинает с разглядывания отдельных снимков: именно так, через движение взгляда, при постоянном внимании к этому последнему – ведь что такое *studium* и *punctum*, как не рефлексия над его интенсивностью, а заодно и возможным значением, – должна постепенно проявить себя природа фотографии. То, что уникальный снимок, где природа фото пропадает из безмерности утраты, не помещен Роланом Бартом в книгу, представляется вполне закономерным: это та самая фотография, по Барту – «моя» фотография, которая должна быть вырвана из потока обезличивающего Времени, равно как из тисков Интерпретации. «Моя» фотография свидетельствует о незаместимости утраты и неповторимом опыте любви. Это прочерк (в пользу) самой субъективности. Хотя нельзя не признать, что такое отсутствие становится решающим для всей последующей записи, если понимать под ней уже теорию фотографии, создаваемую современным нам философом.

Однако даже непредъявленная, фотография сохраняет силу достоверности. Мы ее не видим, но знаем, что она есть, знаем, что на ней изображено, знаем, какая интерпретация, усложненная, полагающая в основание эффект, вытекает из ее наличия. Иными словами, фотография – это по-прежнему уникат (говоря словами Беньямина) и даже просто «уникум»: единственное в своем роде свидетельство не менее уникального переживания. Барт писал о фотографии, сознательно архаизируя ее, то есть выделяя в ней пласти, чистые в феноменологическом и культурно-археологическом отношении. Но если попытаться ее, наоборот, «модернизировать» – и это, похоже, стало возможно именно сегодня, когда фотография в ее прежнем обличье уходит, но, уходя, вскрывает всю полноту заложенного в ней когда-то обещания, – если попытаться увидеть фотографию в такой действительно переломный момент, тогда на авансцену с неизбежностью выйдет другое. Не только плюралистичность фотографии как средства (о чем писала Розалинда Краус), но и сама ее необязательность, случайность – место «моей» фотографии (в бартовском понимании) сегодня решительно опустело.

Это не значит, что люди более не испытывают эмоций по поводу отдельных снимков. Это значит лишь, что там, где Барт пытался создать универсальный язык для описания неповторимого эффекта (в его определении – род *mathesis singularis*), там ныне ощущается нехватка. Для того чтобы начать разговор о фотографии сегодня, нам не нужно ничего ни предъявлять, ни по той же логике утаивать: фотография стала «какой угодно», «любой», а проще говоря – «ничейной» фотографией. «Какая угодно» вместо «моей». Но что понимать под этой метаморфозой?

У фотографа Бориса Михайлова есть серия «Танец». Она относится к 1978 году, то есть явно к «негероическому» времени нашей недавней истории. Это набор на вид любительских черно-белых карточек, отснятых в один и тот же день, возможно, даже вечер. Немолодые люди собрались на уличную дискотеку. Что передают эти блеклые снимки, кроме серии танцевальных шагов, порой неуклюжих, попыток заглянуть в объектив и в целом стремления «куль-

турно» провести свободное время? Они передают анонимность. Общность-в-анонимности. Это такая странная анонимность, которая позволяет «мне» узнать больше из этих карточек, чем из «моего» семейного альбома. Анонимность, возвращающая опыт неизвестного «мне» времени. И опыт этот открыт для «меня» – для нас – сегодня в той мере, в какой само изображение выявляет, по выражению Р. Уильямса, некие коллективные структуры чувства.

То, что мы «видим» на карточках Михайлова – этих и других, – это не набор культурных знаков. Фотографии не поражают ни определенностью контекста, ни точной – «документальной» – его передачей. Это не бытовые зарисовки и не жанровые сцены. И тем не менее здесь имеет место особенное узнавание. Здесь раскрывается жизнь во всей ее анонимности, когда любая форма индивидуации – поза, выражение лица, жестикуляция – выглядит случайной. В самом деле, позировать – это значит примерять к себе чужой шаблон, вставлять свое лицо в картонную оправу, делать саму эту оправу из лица. Позировать, смотреть в объектив – это подражать в отсутствие объекта подражания. И фотография схватывает не «милую неловкость», что мы по-прежнему относим на счет личности, единовластно управляющей своими состояниями, но саму сингулярность анонимной жизни, объединяющей людей.

Конечно, это жизнь, ограниченная рамками конкретного периода. Ее имманентно-историческое измерение и будет передаваться структурами чувства: речь идет о таком необходимо совместном проживании времени, которое не дублирует себя в готовых, семантически и идеологически устойчивых формах. По-видимому, это и есть то, что называется опытом, опытом отдельных поколений. Фотография не может его нам показать. Но сама она, прорывая пелену видимости, «узнается» тогда, когда опыт этот входит во взаимодействие с опытом сегодняшним. Иначе говоря, когда удается удержать непрерывность жизни. В обход любых ее объективаций. А это значит, что фотография проявляется тогда же, когда проявляет сама.

Попробуем сказать об этом по-другому. Сегодняшний зритель не существует сам по себе, в изолированной башне созерцания. Эстетический опыт, как это признано исследователями, давно утратил суверенность. В саму структуру восприятия заведомо встроен другой, вернее – другие. Аффект разделяем. Ко «мне» он приходит лишь опосредованный общностью, пропущенный сквозь фильтры самого банального, ибо степень унификации, «банализации» существования поистине беспрецедентна. А что является более банальным, чем сама фотография? Стертая до неразличимости, повторяющая штампы, сама воплощенный штамп (во всех значениях этого слова), разве может фотография открыть нам на что-то глаза? Но именно это она и делает. Она нам открывает глаза на нашу совместность, если угодно – на изначально разделяемую биографию. Более того, она «лишет» эту биографию, непременно множественную, скрепленную общностью аффективных, до-институциональных связей.

В фотографию сегодня возвращается то измерение, которое Бодлер считал навсегда утраченным. Он, как мы помним, связывал его с воображением. Еще ближе к нашей проблеме будет кракаузерское представление о «монограмме»: это тот «последний (предельный) образ», который сохраняется в памяти о прожитой отдельным человеком жизни и который фотография, как по-

лагал Кракауэр, передает лишь в крайней фрагментации. Как известно, в первых дагерротипах Беньямин угадывал ту самую ауратичность, которая не просто вскоре навсегда покинет фотографию, но чья судьба предрешена всей историей развития технических воспроизводящих средств – своеобразный эквивалент переживания возвышенного в восприятии изображений. Поле, открываемое фотографией сегодня, – это аура иных присутствий. Фотография словно активирует память, но заведомо неверную. Ибо в ней, в этой коллектической памяти, фантазий по поводу исторического ничуть не меньше, чем «самой» истории. Более того, «сама» история познается лишь посредством этих внеиндивидуальных аффективных искажений.

Парадоксальным образом такая «неистинность» может нас приблизить к истине исторических событий. В чем заключена документальность ранней советской фотографии? Только ли в наборе различных знаков? Или же в невидимых культурных кодах, чьим проводником является изображение? То и другое – видимая деталь, система культурного означивания в целом – находится на стороне «прочтения». Однако сама документальность требует иной достройки: это не столько «риторика образа» (если воспользоваться термином Барта), сколько референт, но уже подразумеваемый. В самом деле, документальность ранней советской фотографии постижима лишь в достаточно размытых категориях реализованной утопии, масштаба, государства – все это, впрочем, не раскрываемые снимками значения, но условия, при которых фотография становится видимой (и значимой) для определенного сообщества; при которых, более того, само это сообщество и проявляется. Это не просто ракурсы, излюбленные точки съемки и уж тем более не избираемый объект, но набор неких неформализуемых примет изображения, какие в принципе дают ему возможность состояться.

Если связь с фотографией 30-х кажется прерванной и все, на что мы можем рассчитывать, это реконструкция чувственности с помощью археологического метода, то снимки, относящиеся к завершающим десятилетиям советского периода, по-прежнему захватывают. Этот опыт нельзя считать завершенным, какие бы слова ни говорились по поводу так называемой эстетизации советского, эстетизации, как будто этот опыт «закрывающей». Такой опыт странными путями проникает в сегодняшний день, переплетаясь с опытом другим – нашей собственной, надвое расколотой исторической принадлежности. Некоторые историки предпочитают определять такое состояние в терминах травмы. Невозможность примириться с одним каким-то временем, найдя в нем для себя успокоение, – вот, похоже, отличительная черта всех тех, кому довелось (или доводится) жить на переломе. В этой ситуации прошлое не устоялось. Оно поселяется в настоящем, возвращается в него. И, обращаясь к перепутанным семейным альбомам – а именно так и можно выразить особое ощущение времени сегодня, и не только, наверное, у нас, – мы тем не менее не перестаем «узнавать»: в первую очередь время наших родителей, о котором по отдельности помним так мало.

Позвольте напоследок вернуться к фотографиям Михайлова. Это тот редкий профессионал, для которого фотография продолжает оставаться сугубо частным делом. Действительно, к кому она обращена, кто ее предполагает

мый зритель? И разве сам Михайлов не снимает, отказываясь от привилегии, равно как и эстетики культурно заданного взгляда? Эта фотография подводит к самому пределу представления (репрезентации), и вместе с тем в ней сохраняется особый, ни с чем не сравнимый лиризм. Михайлов твердо знает: чтобы рассказать правду, ее необходимо симулировать, ибо нет такой правды, которая существовала бы сама по себе. Нет правды вне времени и вне коллективных упований. Как нет и биографии, которая творилась бы в стерильности повествования. Есть лишь проживаемая жизнь – один из проектов фотографа иронично называется «Неоконченная диссертация», – и эта жизнь не устает ветвиться, петлять, претерпевать метаморфозы. Эта жизнь остается всегда и обязательно недооформленной. В ней не хватает смысла, целенаправленности, красоты. Зато в ней есть невероятная разомкнутость. И это она, а не кто-то другой за нее, ведет свою скрытую запись, о чём мы узнаём по случайным фигурам, кристаллизациям, следам. Фотография и улавливает эту самую случайность, пульсацию самой анонимности, из которой проступают контуры грез и мечтаний, а вместе с ними целые сообщества.

Геннадий Кузовкин

Принуждение к исчезновению¹ по материалам ведомственных инструкций НКВД-МВД (1930-1950-е)

Геннадий Валерьевич
КУЗОВКИН
НИПЦ «Мемориал», (Москва)

Мне хотелось бы предложить вниманию собравшихся несколько наблюдений о нормах, регулировавших в тюрьмах и лагерях во второй половине 1930-х – начале 1950-х годов регистрацию смерти, извещение о ней близких умершего, процедуру погребения тел. Речь пойдет не о жертвах казней, об этом уже довольно много написано, – а о том, что предписывала ведомственная нормативистика в случаях естественной смерти заключенных.

Эти наблюдения были сделаны в ходе работы по выявлению инструктивных материалов о персональном учете и режиме содержания заключенных – касавшихся ведения картотек и лично-учетных дел.

Ученые не без трудностей, но все же получают доступ к этим источникам и постепенно вводят их в научный оборот. Они используются в ряде исследователь-

kuzovkin@memo.ru

¹ Термин «исчезновение» заимствован из Декларации «О защите всех лиц от насильственных исчезновений», принятой Генеральной Ассамблеей ООН (18.12.1992). Декларация относит акты насильственных исчезновений к особо тяжким правонарушениям и причисляет к технологиям принуждения к исчезновению манипулирование или отказ в доступе к информации о лицах, лишенных свободы.

ских проектов «Мемориала» (Москва), например, программа «Репрессии против поляков и польских граждан» широко привлекает материалы Воркутинского ИЦ МВД; одним из основных источников перечня политических процессов в СССР в 1960–1980 гг. (готовится к изданию) стали материалы учетных картотек Дубравлага, Пермских политических лагерей, Владимирской тюрьмы; «Мемориал» в Красноярске работает с картотекой Норильлага. По понятным причинам традиция изучения подобного рода персонально ориентированной документации только складывается. И начатый поиск еще далеко не завершен.

Поиск велся в основном по описи рассекреченных приказов и распоряжений НКВД–МВД СССР в Государственном Архиве РФ. Опись представляет собой толстенную папку – результаты нормотворчества в НКВД–МВД изменились тысячами приказов, директив, распоряжений, указаний ежегодно. В 1999 году опись была частично издана, но в публикацию вошли приказы только до 1941 года – объем издания с минимальным справочным аппаратом составил 508 страниц²). Подчеркну, в описи лишь рассекреченные приказы, к тому же часть директив передана в архив ФСБ, т.к. ведомства внутренних дел и госбезопасности в нашем отечестве сходились и расходились многократно.

Изучались и фонды Тюремного отдела, и ГУЛАГа МВД, но в их составе, к настоящему времени, основательнее обследованы материалы второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Другая особенность работы заключается в том, что инструкциям для тюрем было уделено больше внимания, нежели аналогичным нормативным актам для ИТЛ.

За 1934–1935 гг. инструкций об учете и режиме содержания заключенных в тюрьмах и лагерях в описи не выявлено. Этот период представлен всего несколькими страничками – довольно скучно, особенно в сравнении с перечнями за последующие годы, которые куда более представительны.

Обнаружен только один приказ №105 от 08.08.1935 «Об организации следственных тюрем и тюрем для осужденных к лишению свободы», который поручал ГУЛАГу НКВД в декадный срок разработать инструкцию о порядке направления и содержания осужденных в тюрьмах НКВД³. В одной из позднейших директив упоминается Положение о следственных тюрьмах НКВД, введенное в действие приказом №57 от 06.06.1936⁴. В описи ссылка на него отсутствует, это может означать, что оно до сих пор (!) не рассекречено.

² Приказы НКВД СССР. 1934–1941 гг.: Каталог рассекреченных документов Государственного Архива Российской Федерации (Архив Новейшей истории России, серия «Каталоги», т. V). Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999 (в этом издании архивные ссылки даны на подлинники приказов, а поскольку в читальный зал обычно выдаются копии, то приводимая мной нумерация дел и листов несколько иная).

³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.7. Л.79–79об.; отменен приказом №0232 от 27.07.1939 «как утративший значение» (Д.39. Л.258).

⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.34. Л.245об.; хотя частично акт введен в научной оборот в кн.: Базунов В.В., Детков М.Г. Тюремы НКВД–МВД в карательной системе советского государства / НИИ уголовно-исполнительной системы МЮ РФ. М., 2000. С.9–10, имеется пересказ Положения, приведена дата его утверждения (06.07.1936) наркомом внутренних дел Г.Ягодой и архивная ссылка: Ф.9401. Оп.1. Д.100. Л.195–209. Однако интересующие нас вопросы в пересказе не затронуты.

Так, первым нормативным актом, затрагивающим интересующие меня темы, оказался приказ наркома Ежова №00112 от 15.03.1937⁵. Он ввел в действие два Положения: первое – о тюрьмах ГУГБ для содержания подследственных, второе – о тюрьмах ГУГБ для содержания осужденных. Приказ провозглашал резкий разрыв с предшествовавшей практикой, которая рисовалась весьма либеральной, порочной и опасной. Любопытен стиль преамбулы, отличающейся от традиционного набора стандартных приказных формул, который обычно разнообразят лишь косноязычие и старорежимные обороты.

Четыре абзаца вступительной части начинаются словами «Не ясно ли»: «Не ясно ли, что такой режим тюрем особого назначения [верхом неприличия в приведенном в приказе перечне послаблений было разрешение заключенным играть в крокет! – Г.К.], в которых содержатся наиболее важные политические преступники, по существу сводил на нет значение установленного им законом советского государства наказания <...> Не ясно ли, что такой тюремный режим, предоставляя заключенным троцкистам, зиновьевцам, меньшевикам и эсерам возможность широкого взаимного общения, облегчал им контрреволюционную деятельность в стенах [выделено в документе. – Г.К.] самой тюрьмы и давал им возможность организовываться и вырабатывать антисоветские документы, которые нередко попадали за стены тюрьмы, в существующие подпольные организации».

Теперь же главной задачей ставилась «строжайшая изоляция без малейшего ослабления режима <...> [при] полном запрещении использования заключенных на каких бы то ни было работах». Разрыв с прежними порядками подчеркивался и в резолютивной части: «Считая необходимым коренным образом изменить режим в тюрьмах НКВД, предназначенных для содержания подследственных и осужденных особо опасных преступников,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Все ранее изданные приказы и положения, устанавливающие режим и порядок управления тюрьмами особого назначения и внутренними следственными тюрьмами, отменить».

Приказ предусматривал некоторые структурные изменения по управлению тюрьмами: расформировывался тюремный отдел АХУ НКВД, тюрьмы для содержания особо опасных преступников из ведения ГУЛАГа изымались и вместе с тюрьмами-для содержания подследственных передавались в подчинение 10 отделу ГУГБ.

К приказу прилагались две брошюры в сереньких с сиреневым отливом обложках с грифами «Совершенно секретно». Обе параноидально сосредоточены на обеспечении изоляции, вероятно, поэтому о регистрации смерти заключенного, который уже не мог ничего разгласить и навредить, сообщалось довольно скромно. В Положении о тюрьмах ГУГБ для содержания подследственных⁶, сказано всего лишь (п.14): «О всякой убыли арестованного, в т.ч.

⁵ ГАРФ, Ф.9401. Оп.1а. Д.14. Л.36–36об.

⁶ Там же. Л.38–46об.

освобождении, дежурный помощник начальника тюрьмы заносит в специальную книгу регистрации "поступление и убыль арестованных"⁷. В перечне тех, кому начальники тюрем могут давать справки о заключенных, названы только Народный комиссар внутренних дел Союза ССР, его заместители, начальник 10 отдела ГУГБ и его заместитель, начальники отделов ГУГБ и начальники (их заместители) тех республиканских, краевых, областных управлений НКВД (органов НКВД), при которых находится тюрьма (п.54)⁸.

Во второй брошюре – «Положении о тюрьмах ГУГБ для содержания осужденных»⁹ – забыли вовсе упомянуть о праве доступа в тюрьму прокуроров, пришлось в мае 1939 выпускать приказ, устраняющий это упущение¹⁰. Положение запрещало свидания, кроме исключительных случаев, передачи (допускались только денежные), устанавливало норму переписки: 2 письма на волю и с воли в месяц. Пункт 14 гласил «В тюрьме должна соблюдаться полная тишина»¹¹. О смерти заключенных опять довольно бегло: «составляется акт, производится медицинское вскрытие трупа (согласно инструкции) и сообщается в 10 отдел ГУГБ» (п.46)¹²; об информировании родственников – ни слова. Перечень должностных лиц, кому выдаются справки о заключенных, совпадал с приведенным в предыдущей брошюре¹³.

Порядок выдачи свидетельств о смерти заключенных был установлен циркуляром Отдела актов гражданского состояния (ОАГС) НКВД СССР №114 от 31.05.1938¹⁴ (в качестве адресатов рассылки приказа названы начальники ОАГС, тюрем ГУГБ, лагерей). Процедура начиналась исключительно по инициативе близких умершего «только в тех случаях [выделено в документе. – Г.К.], когда от родственников заключенных <...> поступят заявления о выдаче им справок о смерти», тогда в ОАГС следовало отправить извещение (вместе с заявлением от близких), из ОАГС эти бумаги пересылались в ЗАГС для внесения в книгу актов о смерти и выдачи свидетельства. «Сведения о смерти заключенных органы ЗАГС [так в тексте. – Г.К.] заносят в книги записей в общем порядке. Сведения о месте жительства и занятии умершего заключенного записываются со слов

⁷ ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.14. Л.40.

⁸ Там же. Л.43об.

⁹ Там же. Л.48–56об.

¹⁰ Приказом НКВД №00229 от 07.05.1939 в п.9 Положения внесено указание о разрешении входа и проверки тюрем прокурорам спецотдела прокуратуры. Приказ №00229 ни в описи, ни в соответствующем деле (ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.32) не обнаружен – вероятно, не рассекречен?

¹¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.14. Л.50об.

¹² Там же. Л.53об.

¹³ Наверное, чтобы не повторяться или для пущего страха была сплетена бюрократическая петелька: пункт 52 «Справки о содержащихся в тюрьме ГУГБ заключенных начальник тюрьмы дает в порядке пункта 9 настоящего положения» (Л.53об). Отлистываем в начало, раздел «Проверка тюрьмы», состоящий из одного пункта 9: «Право беспрепятственного входа в тюрьмы ГУГБ и инспектирования тюрем во всех отношениях имеют только Народный комиссар внутренних дел Союза ССР...» (Л.50).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.29. Л.360–361.

родственников. В свидетельстве о смерти в пункте "место смерти" указывается только название города, где умер заключенный, но не места заключения <...> В отношении умерших заключенных, находящихся [так в тексте. – Г.К.] под следствием, вопрос о выдаче родственникам свидетельства о смерти в каждом отдельном случае согласовывается с нач. УНКВД (или прокуратурой), за которым заключенный числился¹⁵. К приказу прилагался образец бланка свидетельства¹⁶.

Приказ и оба положения действовали до 1939 года.

Первым было отменено Положение о тюрьмах ГУГБ для содержания подследственных. Оно и не найденное мною Положение о следственных тюрьмах НКВД №57 от 1936 отменялись приказом №00859 от 28.07.1939¹⁷. Этот приказ вводил в действие новое положение, распространявшееся на тюрьмы ГУГБ и внутренние тюрьмы НКВД и УНКВД республик, краев и областей с «ограничениями» по статьям 26 и 27. «Ограничения» приводились непосредственно в тексте приказа: «Извещения о смерти заключенных родственникам – НЕ ПОСЫЛАЮТСЯ и трупы НЕ ВЫДАЮТСЯ [так в документе. – Г.К.].»¹⁸. В самом положении (ст.27) значилось: «Трупы умерших в тюрьме заключенных, как правило, подлежат выдаче ближайшим родственникам, если последние об этом заявят, за исключением случаев, оговоренных в инструкции по применению настоящего положения»¹⁹. В Инструкции «ограничения», касавшиеся обвинявшихся по ст.58 и всех заключенных внутренних тюрем НКВД и центральных тюрем ГУГБ, были сформулированы в параграфе 69. И вновь внимание акцентировалось на словах «не выдаются», набранных жирным шрифтом. Параграф 62 предписывал извещать о смерти заключенного следственный или судебный орган, если заключенный был подследственным, и ОАГС республики, области или края по адресу заключенного перед арестом, а если он был неизвестен, то ОАГС той территории, где расположена тюрьма. Информирование родственников «особых» категорий заключенных предусматривалось параграфами 63 и 64: «извещение о смерти родственникам – не посыпается [выделено в тексте. – Г.К.]».

При обращении в тюрьму родственников заключенных этой категории имдается устная справка в порядке приказа №00515 от 11.05.1939 [о нем см. далее. – Г.К.] и разъясняется, что о смерти заключенного тюрьмой сообщено

Форма №1

Нач. ОАГС УНКВД по _____ области (краю)
 Сообщаю, что заключенный _____ (фамилия, имя, отчество)
 Умер ..... год ..... число ..... месяца
 в городе ..... Селе ..... крае .....
 Причина смерти _____ (точное название болезни)

Подпись администрации места заключения

* ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.244-272.

¹⁷ Там же. Л.245.

¹⁸ Там же. Л.248.

(в такой-то ОАГС), где они и могут получить установленную письменную справку о смерти [п.63].

При поступлении письменного запроса от родственника, проживающего в другом городе, <...> устная справка в порядке, указанном в параграфе 63, сообщается через тот орган НКВД, на территории которого проживает лицо, приславшее запрос» (п.64).

Инструкция предусматривала как судебно-медицинское вскрытие, так и осмотр тела (п.60). Вскрытие и осмотр удостоверялись актами (еще в июне 1939 был издан приказ НКВД №00674, содержащий регламент их составления и рассылки. Инструкция воспроизвела его почти точно, не упомянув источник, может быть, потому что в приказе опять «забыли» о прокурорах?).

Вскрытие полагалось производить при обнаружении признаков насильственной смерти, одновременно надлежало проинформировать прокурора и выслать ему акт вскрытия (п.65). Требовать вскрытия могли только: следственный орган, прокурор, наблюдающий за тюрьмой, начальник Тюремного отдела НКВД-УНКВД или начальник тюрьмы¹⁹ (с оговоркой, что в тюрьмах ГУГБ вскрытие должно производиться только в тюремных прозекторских помещениях, – прим. к п.61).

Если умерший не подпадал под «ограничения», то чтобы получить его тело (инструкция чаще оперировала словом «труп»), родственник должен был подать письменное заявление начальнику тюрьмы, устанавливавшись по отечественным меркам чрезвычайно сжатый срок – 12 часов с момента вручения извещения (п.66).

Неполучение заявления давало администрации тюрьмы право произвести погребение своими силами, по истечении 48 часов с момента смерти. Передача тела оформлялась актом, который помещался в личное дело (п. 67).

Далее (п.68) перечислялись основания, препятствовавшие выдаче тела: «Труп <> не выдается <>

а) когда заключенный умер от эпидемической заразной болезни;

б) когда администрация тюрьмы не имеет практической возможности доставить извещение о смерти заключенного его ближайшим родственникам в течение 36 часов с момента смерти (отсутствие адреса, удаленность проживания родственников);

в) когда тело подвергалось судебно-медицинскому вскрытию;

г) когда выдача трупа родственникам может, по мнению руководства местного органа НКВД, вызвать нарушение общественного порядка».

* Положение в этой части несколько противоречило приказу №00554 от 17.05.1939, точнее, объявленной им инструкции о порядке учета заключенных в тюрьмах ГУГБ НКВД СССР. Пункт 19 инструкции описывал судебно-медицинское вскрытие как обязательную процедуру, с составлением акта, который вместе с донесением тюрьмы и личным делом заключенного высыпался во 2-й отдел Главного Тюремного Управления, копия акта – в ОАГС для регистрации смерти (Ф.9401.Оп.1а.Д.33.Л.165). Приказ №00554 утратил силу в 1943 (отменен приказом №0217 от 02.06.1943 – подробнее о нем см. далее). К сожалению, инструкцию, действовавшую в 1937–1939 – ее ввел приказ №00210 от 1937 (в описи рассекреченных приказов не числится), обнаружить не удалось.

О погребении производилась отметка на акте вскрытия или осмотра, приобщаемом к личному тюремному делу заключенного (п.70), содержание записи не регламентировалось²⁰. В приложении приводилась форма сообщения в ОАГС²¹, а также форма сообщения родственникам²². Положение было отменено в 1955 году²³.

В Положении упоминался приказ №00515 от 11.05.39²⁴, ссылку на него содержал п.63 с описанием манипуляций с данными о смерти заключенных особых категорий. Приказ подписал сменивший Ежова на посту наркома Л.П.Берия. Этот акт изменял или, точнее, нормализовывал «информационную политику» ведомства после окончания Большого террора. Преамбула дает версию обстоятельств, которые повлияли на перемены: «По имеющимся в НКВД СССР данным, местные органы НКВД не дают исчерпывающих справок заявителям о местонахождении их родственников, арестованных и осужденных органами НКВД. В результате заявители обращаются к депутатам Верховного Совета, в прокуратуру и в различные центральные и правительственные учреждения, нередко приезжая лично за справками в Москву». Упорядочить справочную работу начальникам органов НКВД предлагалось в декадный срок (п.1). Выдача справок была возложена на 1 Спецотделы, через приемные НКВД (УНКВД) (п.2). Если родственники обращались непосредственно в общие тюрьмы, лагеря и ИТК – их администрации предписывалось также давать справки (п.5). Приказ содержал перечни данных: «О следственных арестованных сообщать: когда арестован, в какой тюрьме содержится и где находится дело (в следственном органе, прокуратуре, в суде); об осужденных сообщать: когда, кем, по какой статье осужден, на какой срок, куда направлен для отбытия наказания, указывая почтовый адрес тюрьмы или лагеря (для тюрем ГУГБ – указывать № почтового ящика)». При личном обращении к администрации мест лишения свободы справки разрешалось давать в сокращенной форме: «только о том – содержится арестованный или нет и, если не содержится, – куда и когда отправлен» (п.3). Приказ устанавливал: «Справки выдавать только устные», – выделено в тексте и помещено сразу же в п.1. Особой осталась только одна категория: «В отношении осужденных Военной Коллегией и тройка-

²⁰ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.34. Л.255–257об.

²¹ Инструкция воспроизвела бланк, установленный приказом №00674 от 11.06.39 (подробнее см. прим.29) вновь без ссылки.

²² Приложение №3

Гражданину _____

Гор.

Сообщаю, что содержавшийся в тюрьма (фамилия, имя и отчество) такого-то числа умер от _____ (указывается название болезни).

Труп умершего может быть выдан Вам для погребения.

При неполучении от Вас заявления о выдаче трупа до _____ часов (числа, месяца) умерший будет предан погребению.

Адрес тюрьмы:

Начальник канцелярии тюрьмы (подпись)

²³ Приказ №0084 от 12.02.1955. ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.549. Л.320–321об.

²⁴ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.33. Л.135–135об.

ми НКВД (УНКВД) к высшей мере наказания сохранить существующий порядок выдачи справок, производя их выдачу только через 1 Спецотделы». Приказ утратил силу в 1953 году²⁵.

Ежовские нормативные акты были окончательно отменены приказом №001477 от 14.12.1939²⁶. Им вводилось новое положение о тюрьмах ГУГБ НКВД для содержания осужденных. Положение подтверждало невыдачу тел умерших в тюрьмах ГУГБ (п.17), направление извещения в ОАГС и допускало устное сообщение родственникам через 1 Спецотдел НКВД-УНКВД (п.16), пометку на актах вскрытия или осмотра, приобщаемых к личному тюремному делу заключенного; изменился состав лиц, наделенных правом требовать вскрытия тела. Эту процедуру могли инициировать Прокурор СССР (в этом случае ему направлялся дополнительный экземпляр акта), начальник Главного Тюремного Управления и тюрьмы (при наличии «сомнений»)²⁷. Добавились, в сравнении с июльским Положением, нормы о возвращении имущества умерших (предусматривалось уничтожение носильных вещей в случае эпидемической заразной болезни и сдача в госфонд, если вещи, деньги и ценности не будут затребованы в течение шести месяцев).

В инструкции по применению отдельных статей Положения (в пояснениях к статье 16) давалась ссылка на приказ №00674 от 11.06.1939²⁸ «О порядке регистрации смерти заключенных». Вероятно, его издание было связано с тем, что в майском приказе о справочной работе ведомства позабыли отменить Циркуляр ОАГС НКВД СССР №114 от 31.05.1938, – теперь это было сделано. В преамбуле приказ ссылался на Постановление ЦИК и СНК от 27.06.1936 об обязательной регистрации рождения и смерти и устанавливал (п.2): «ОАГС области, края, республики, получив <...> извещение о смерти от администрации места заключения, дает <...> распоряжение городскому или районному бюро ЗАГС [так в тексте. – Г.К.] о производстве регистрации смерти, причем указывает, что в записи актовой книги не должно быть никаких ссылок на извещение и справки мест заключения. Графы записи в актовой книге 8–11 и 13–16 не заполняются». В приложении приводилась форма извещения²⁹.

Параграфы 5–7 описывали составление и направление экземпляров акта судебно-медицинского вскрытия или медицинского осмотра умершего. Если фиксировалась смерть подследственного, то составлялись три экземпляра акта, направлявшиеся: следственному органу, в Тюремный отдел (отделение),

²⁵ Отменен приказом №10387 от 26.12.1953 (ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д. 518. Л. 216–221об.). В 1949 в приказ №100515 было внесено изменение, устранившее отголосок Большого террора: аннулировался п.7, невероятный для отечественной бюрократической традиции, он обеспечивал «стремительный» развод с арестованными – «не требуя от заявителя никаких справок» (Л.135об.).

²⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.37. Л.171–184.

²⁷ Там же. Л.175.

²⁸ Там же. Д.34. Л.35–36.

²⁹ Бланк был аналогичен приведенному в Положении о тюрьмах НКВД для подследственных (приказ №100859 от 1939). В сравнении с формой №1, установленной Циркуляром ОАГС НКВД СССР №114 от 1938 (см. прим.15), замечено три изменения: извещение адресовалось в «Бюро ЗАГС», добавилось указание национальности умершего, обозначение места для скрепления печати.

в личное тюремное дело. В случае смерти осужденных, как правило, готовились только два экземпляра акта: для Тюротдела (отделения) и личного дела. Если же умирал осужденный, следствие по делу которого велось НКВД, то еще один экземпляр посыпался в 1-й Спецотдел НКВД СССР. Эти нормы касались тюрем, для лагерей оговаривался порядок действий только на случай смерти «осужденного-заключенного», следствие по делу которого велось органом НКВД: надлежало составить два экземпляра акта, один направить в 1-й Спецотдел НКВД СССР, другой поместить в личное дело. Все извещения мест заключения, скопившиеся в ОАГС и ЗАГС за прошлые годы, предписывалось сосредоточить в архивах ОАГС и хранить как справочный материал (п.10). Приказ был отменен в 1954³⁰.

Положение действовало до 1950. В заменившей его Инструкции о режиме содержания заключенных в срочных тюрьмах МВД³¹ (введена приказом №0620 от 11.09.1950) устная форма выдачи справок подтверждалась (п.214), но имелись и некоторые новации. В разделе «Выбытие за смертью» устанавливалось, что обязанителен только осмотр тела (п.233), вместе с тем подробнее регламентировалась процедура вскрытия, был расширен круг обстоятельств и лиц, которые могли ее требовать (п.236)³². Акты осмотра и вскрытия (приводились перечни обязательных сведений для каждого) составлялись в двух экземплярах: один направлялся начальнику Тюремного управления, отдела или отделения МВД-УМВД, другой приобщался к личному делу заключенного, вместе с копией извещения в ОАГС (п.241). Вводилась расписка родственников об извещении: «Родственникам сообщение о смерти заключенного посыпается через соответствующий орган МВД для объявления под расписку. После объявления сообщение с распиской родственника должно быть возвращено в тюрьму и приобщено к личному делу заключенного» (п.242). Инструкция сводила на нет возможность выдачи тел: «Трупы умерших заключенных, отбывавших в срочной тюрьме тюремное заключение, родственникам не выдаются» (п.243). В п.244 описывался «ритуал» предания тела земле: «Погребение трупа <...> производится через 48 часов после смерти и обязательно в ноч-

³⁰ Отменен приказом №0400 от 15.07.1954, который тоже предусматривал изъятие некоторых элементов информации: «Актовая запись о смерти заключенного не должна содержать никаких данных о том, что смерть наступила в месте заключения. Графы 8–9 и 12–14 актовой записи – не заполняются, а в графе 11 указывается “извещение №... от ...”» (ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.532. Л.317–318об., отменен или изменен распоряжением №315 от 1957 – по помете).

³¹ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.357. Л.314–334об. Инструкция не вводила новых форм документов, отсылая к инструкции по режиму содержания заключенных в следственных тюрьмах МВД (Л.334об., в примечании).

³² Там же. Л.333. «а) по требованию прокурора, наблюдающего за тюрьмой; б) во всех случаях скоропостижной или насильственной смерти; в) в случае смерти заключенного в общей камере (вне тюремной больницы или больничного стационара); г) в случае смерти заключенного в тюремной больнице или в больничном стационаре в первые 48 часов после его госпитализации; д) когда указанные в акте медицинского осмотра умершего заключенного причины смерти вызывают сомнение у начальника тюрьмы; е) когда начальник санитарной части (врач) тюрьмы находит необходимым вскрытие трупа заключенного, умершего от болезни, в целях проверки диагноза; ж) по распоряжению Министра внутренних дел республики, начальника УМВД, по краю или области или его заместителя; з) по распоряжению начальника тюремного управления, отдела или отделения МВД–УМВД».

ное время. Могила приготавливается заранее. Обращается внимание на достаточную глубину ямы – не менее двух метров. Погребение должно производиться под наблюдением работника тюрьмы, по должности не ниже старшего надзирателя. Труп из тюремного морга к месту погребения доставляется в закрытой машине или на повозке в специальном ящике. О погребении <...> составляется акт с указанием установочных данных, номера личного дела, места погребения и номера могилы. Акт о погребении составляется в одном экземпляре, подписывается представителем администрации тюрьмы, присутствовавшим при погребении, и приобщается к личному делу заключенного»³³.

Инструкция была отменена в 1958³⁴.

О регистрации смерти в общих тюрьмах НКВД для подследственных можно судить по двум инструкциям, регулировавшим учет заключенных. Первая была введена в действие Приказом №00158 от 21.02.1939³⁵, она предусматривала (п.42): судебно-медицинское вскрытие, составление актов о вскрытии и погребении (в случае смерти подследственного – приобщались к следственному делу), пометку о смерти «на учетных документах», ее формат не оговаривался (п.43)³⁶. Эта инструкция действовала до 1943 года.

В новой инструкции (объявлена приказом №0217 от 02.06.1943³⁷), которая именовалась «Инструкция по учету заключенных в тюрьмах НКВД» (как для подследственных, так и для осужденных), комплекс указаний о документировании смерти и информировании родственников умершего, содержался в главе «Выбытие заключенных из тюрьмы по другим причинам». Параграф 96 предписывал «немедленно» сообщать о смерти:

«а) в отношении подследственных, числящихся за судами и кассационных соответствующему следственному органу или суду по принадлежности с приложением акта о смерти <...>

б) в отношении всех без исключения умерших заключенных в ОАГС республики, области или края по адресу последнего местопроживания [так в тексте. – Г.К.] умершего перед арестом (а если местопроживание неизвестно – в ОАГС республики, области или края, на территории которой находится тюрьма) по прилагаемой форме (см. приложение №26);

в) родственнику умершего по прилагаемой форме (см. приложение №27)»³⁸.

Однако к пункту «в» имелось примечание, которое, ссылаясь на уже известные нам приказы 1939 года №00859 и №001477, повторяло их требова-

³³ Ф.9401. Оп.1а. Д.357. Л.333об.–334.

³⁴ Приказом №1017 от 29.12.1958 (ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.601. Л.б/н.)

³⁵ «О порядке учета заключенных в общих тюрьмах НКВД СССР для подследственных» (ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.32. Л.90–106).

³⁶ Там же. Л.95об. Раздел X «Исключение заключенных по документам учета за смертью».

³⁷ Там же. Д.141. Л.202–241.

³⁸ Бланки, приведенные в приложениях №26 и 27, не содержали принципиальных изменений в сравнении с формами, установленными ранее (см. прим. 15 и 29).

ние не посыпать извещение о смерти заключенных – «(подследственных и осужденных), привлеченных к ответственности или осужденных за контрреволюционные преступления», сохраняло устный формат ответа, т.е. воспроизводило норму приказа №00515³⁹.

Когда была отменена эта инструкция – точно не известно, в документации Тюремного отдела МВД за февраль 1956 имеются упоминания о ней как о действующей⁴⁰.

Подводя итоги обзора нормативных актов, регламентировавших регистрацию смерти и связанные с ней процедуры в тюремной системе, отметим две реформы, обозначив их условно как «ежовскую» и «бериевскую». Нормативистика, сложившаяся в ходе последней, устранила крайности эпохи Большого террора и оказалась достаточно стабильной, просуществовав вплоть до начала 1950-х. Необходимо сделать одно уточнение: с 1943 ведомства госбезопасности и внутренних дел были разделены, к НКГБ отошли центральные следственные тюрьмы (Лубянская, Лефортовская и др.), а также ряд тюрем для содержания осужденных. В 1946 была создана специализированная структура для руководства тюремами госбезопасности – не исключая, что до нового слияния ведомств в 1953 тюремный отдел МГБ мог разработать собственную нормативистику, однако ее следы в фондах ГАРФ мне пока обнаружить не удалось. Впрочем, во многочисленных актах приема-передачи дел из одного ведомства в другое мне не встретились упоминания об отдельных инструкциях для тюрем госбезопасности, тогда как имеются пометы о передаче упомянутых приказов-инструкций в МГБ, а позднее в КГБ. И все же вопрос остается открытым, поскольку вместо хлопотного составления собственных инструкций и положений, имелась возможность издать в дополнение к нормам МВД директивы, учитывающие специфику ведомства госбезопасности. Однако даже если собственная нормативная база и была подготовлена Тюротделом МГБ, то можно с изрядной долей уверенности предположить, что она вряд ли была либеральней, чем в МВД.

Говоря о тюрьмах ведомства внутренних дел (следственных и для содержания осужденных) можно быть определенней: с 1939 и до начала 1950-х был нормативно закреплен особый порядок регистрации смерти, информирования родственников и обращения с телами заключенных, привлекавшихся к ответственности по ст.58 и ее аналогам в кодексах союзных республик. В периоды объединенного существования двух ведомств этот порядок распространялся также на всех заключенных внутренних тюрем (следственных изоляторов) и центральных тюрем госбезопасности.

Родственники этих людей не могли рассчитывать ни на своевременное извещение о смерти близких, ни на то, что им отдадут тело (а с 1950 тела заключенных, отбывавших срок в тюрьмах МВД, без различия категорий не выдавались вовсе). Информирование производилось исключительно по инициативе родственников и только устно. Специальных указаний о фальсифика-

³⁹ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.357. Л.217об.–218, хотя прямой ссылки на этот приказ в тексте нет.

⁴⁰ Там же. Ф.9413. Оп.1. Д.5. л.90.

ции причин смерти не обнаружено, не найдены такие распоряжения и в части извещения родственников. Установлено лишь частичное изъятие данных о смерти заключенных в низовых звеньях системы органов регистрации актов гражданского состояния. Впрочем, о стремлении властей ограничить распространение информации и не документировать сообщение о смерти, за исключением установления самого ее факта, выявленные нормативные акты свидетельствуют недвусмысленно. Власть оставила за собой право не выдавать родственникам даже тела тех, кто оказался за решеткой не по политическим мотивам, – при любых результатах вскрытия и при гипотетической вероятности беспорядков (а с 1950 полностью отказалась от выдачи тел из т.н. «срочных» тюрем МВД).

Сама за себя говорит, на мой взгляд, ночная процедура погребения, в ее описании в Инструкции 1950 года акцент сделан на мерах маскировки (нет даже упоминания об установке знака на могиле, сказано лишь, что номер могилы указывается в акте).

Предстоит выяснить: зафиксировала ли Инструкция 1950 года традиционный обряд или же воспроизвела нормы (возможно, изменив их), которые были сформулированы в актах, изданных до образования союзного ведомства внутренних дел?

В доступных нам на сегодняшний день инструкциях для тюрем нет ни прямого запрета, ни разрешения информировать родственников о месте захоронения «невыданных» тел (судя по духу источников, видимо, об этом не сообщалось). Инструкции для ИТЛ также обходят эту тему.

Нормативистика ГУЛАГа исследована мной менее тщательно, нежели тюремная, поэтому коснусь ее бегло.

Приказ №00889 от 02.08.1939 с объявлением «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях» отменял все ранее изданные указания по вопросам режима содержания и относится к тем редким приказам, которые опубликованы⁴¹. Последний и довольно короткий раздел инструкции (всего четыре параграфа – 149–152) трактовал «О порядке извещения о смерти заключенных». Смерть заключенного и ее причины удостоверялись актом осмотра умершего, извещение родственников производилось в порядке уже упоминавшегося приказа №00674, предусматривалось информирование судебных или административных органов, вынесших приговор, возвращение вещей, за исключением принадлежавших приговоренным к ВМН (их вещи надлежало сдавать по акту в фонд государства)⁴². Временная инструкция, подтверждая поговорку, действовала почти 16 лет, пока ее не сменила «Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД», введенная приказом №0190 от 27.03.1947⁴³.

⁴¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / Сост. А.Кокурин, Н.Петров. М., 2000. С.456–476. (ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.35.16–28об.).

⁴² Указ. изд. С.474.

⁴³ ГАРФ. Ф.9401. Оп.1а. Д.234. Л.28–66об.; текст приказа имеется и в фонде МЮ СССР – Ф.9492. Оп.5. Д.14. Л.40–81.

Она детализировала процедуры «Оформления смерти заключенного». В отличие от «Временной инструкции», кроме осмотра предусматривалось патолого-анатомическое или судебно-медицинское вскрытие:

- «а) Во всех случаях насильственной или скоропостижной смерти, а также при самоубийствах и несчастных случаях, повлекших смерть заключенного;
- б) <...> смерти заключенного вне лечебного учреждения;
- в) <...> в лечебном учреждении в первые 48 часов с момента его госпитализации;
- г) по требованию судебно-следственных органов;
- д) по распоряжению начальника санитарного участка лагеря, УИТЛК-ОИТК» (п.326).

Определялся состав данных, включаемых в акты осмотра и погребения. В акте осмотра указывались: «полные установочные данные умершего: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, где проживал до ареста, подданство, когда, кем, по какой статье и на какой срок осужден, номер личного дела, дата и причина смерти». В акте погребения: помимо «установочных данных»: «№ личного дела, дата погребения, наименование и местонахождение кладбища, номер могилы». Перечислялись должностные лица, подписи которых должны стоять под актами (п.328, 329): акт о смерти подписывался начальником санчасти, врачом и представителем лагерной администрации; акт о погребении – «представителем администрации лагерного подразделения-колонии, надзирателем или стрелком, присутствовавшими при погребении». Акты скреплялись печатью лагерного подразделения-колонии и приобщались к личному делу умершего.

Инструкция требовала все случаи смерти заносить в специальную книгу (велась и хранилась в учетно-распределительной части лагподразделения-колонии) в хронологическом порядке, с указанием «полных установочных данных» умерших, номеров личных дел, причин и времени смерти, наименования кладбища и номера могилы.

Сотрудники учетно-распределительной части были обязаны вносить записи в книгу на основании актов о смерти и погребении (п.330).

В параграфе 331 описывалась процедура захоронения:

«Погребение трупов производится на лагерных или общих кладбищах, причем в последнем случае – в специально отведенных местах.

На могиле погребенного устанавливается дощечка с присвоенным ей порядковым номером не свыше 50, переди которого должны писаться литеры "А", "Б", "В" и т.д., последовательно меняющиеся после каждого пятидесяти номеров: "А1", "А2" и т.д., затем "Б1", "Б2" и т.д.». Отметим, что, в сравнении с Инструкцией для тюрем МВД (1950), нет указания на то, что хоронить надо обязательно в ночное время, нет других маскировочных мер, кроме скрытия числа похороненных.

Возможность выдачи тел даже не рассматривалась. Извещение направлялось в органы ОГС (форма идентична введенной приказом №00674 от 11.06.39), которые сообщали родственникам о смерти заключенного и выдавали справку, однако имелась оговорка о направлении извещений «порядком, предусмотренным инструкцией по оперативному учету заключенных и специальными указаниями МВД СССР» (п.332). Заявления родственников умершего, направленные в лагерь, персывались в ЗАГСы по месту жительства за-

явителей (п.335). Порядок возвращения вещей умерших остался прежний (п.334), добавилось лишь указание уничтожать вещи умершего от заразной болезни⁴⁴. Инструкция утратила силу в 1954⁴⁵.

Наиболее существенной находкой, касающейся искажения информации о причинах смерти, стала Директива ГУЛАГа МВД СССР (№9/59155) от 18.03.1946⁴⁶. Озаглавленная «О регистрации смерти спецконтингентов», она имела гриф «Совершенно секретно» и касалась тех, кто подвергался т.н. государственной проверке (военнослужащие Советской Армии, побывавшие в плену, жители оккупированных территорий). Директива распространяла на них приказ №00674 (о нем см. выше) и предназначалась не только начальникам проверочно-фильтрационных лагерей, но и ИТЛ (значительная часть взятых в проверку людей содержалась в исправительно-трудовых лагерях). О мотивах выпуска Директивы в тексте сказано скучо: «В связи с запросами с мест <...>». В пункте 4 содержались новые требования к оформлению извещения о смерти: «в графе "причина смерти", в случаях, если смерть последовала в результате заболевания "пеллагрой", дистрофией или истощения, в извещении эти диагнозы не писать, а указывать лишь сопутствующие этим болезням диагнозы, как то: "паралич сердца", "ослабление сердечной деятельности", "воспаление легких", "рак желудка" или "язва желудка"».

⁴⁴ ГАРФ, Ф. 9492. Оп. 5. Д. 14. Л. 51-51об.

⁴⁵ Приказом №0612 от 29.10.1954 (Ф.9401. Оп.1а. Д.534. Л.220-261об.) вводилась новая инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР. В разделе «Изложение с учета выбывших заключенных» в п.212 впервые предусматривалась возможность выдачи тела: «По ходатайству родственников умершего заключенного труп последнего может быть выдан родственникам по разрешению министра внутренних дел республики, начальника Управления МВД края, области в каждом отдельном случае» (Л.241об.). Сохранялась норма о лагерных кладбищах и специально отведенных «в установленном порядке» местах на общих кладбищах, но описание процедуры погребения было снято: «порядок захоронения умерших устанавливается Главным управлением исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР» (п.213, там же). Направление извещения о смерти регулировалось приказом №0400 от 19.07.1954 (см. о нем прим.30), ссылка на него была в п.214; п.216 запрещал Управлению лагеря (УИЛК-ОИТК) и непосредственно лагерным подразделениям-колониям выдавать родственникам справки о смерти заключенных (там же). Несколько изменился и расширился круг причин, по которым могла производиться процедура вскрытия: «– при подозрении на насильственную смерть; – при внезапной скопрострической смерти; – при неизвестной причине смерти; – при заявлении о неправильном лечении или о неправильном оперативном вмешательстве» (п.241). Инструкция была отменена приказом №050 от 29.01.1959 (Д.605. Л.95-142), в новой инструкции: п.104 предусматривал возвращение отправителю посылок, поступивших на имя умершего (Л.109об.), раздел XIV «Оформление смерти заключенных». Пункт 188, регламентировавший процедуру вскрытия, представлял собой контаминацию из двух предыдущих инструкций – пункт первый воспроизводил инструкцию от 1947, далее реанимировались параграфы отмененной инструкции 1954 года. В 1959 «реакции» для умерших сменился настолько, что появилась норма: «Погребение умершего заключенного, проживающего [так в тексте. – Г.К.] вне зоны колонии с семьей, может быть разрешено произвести семье умершего на местном кладбище» (п.189. Л.118об.), несколько понизилась пирамида лиц, наделенных правом давать разрешение на выдачу тела родственникам, решение доверили начальникам УИТУ (ОИТУ) МВД-УМВД, а в областях, где нет УИТУ (ОИТУ), – начальникам управления внутренних дел области. Слегка изменилась стилистика описания этой процедуры (вероятно, не затронувшая сути дела), разрешение именовалось «специальным» («по специальному на то разрешению»), но исчезла оговорка «в каждом отдельном случае» (п.190. Л.119). П.192 о направлении извещения о смерти ссылался на неназванные приказы МВД (там же). Почему-то исчезла фраза о том, что «порядок захоронения умерших устанавливается Главным управлением исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР». Штамп или помета об отмене этой инструкции в выданном мне экземпляре отсутствуют.

Это пока единственное распоряжение, прямо предписывавшее фальсифицировать данные о смерти⁴⁷, но оно касалось особой когорты лагерного населения. Правовое положение этих людей не слишком четко регулировалось советским законодательством⁴⁸, их содержание под стражей осуществлялось вне рамок советского уголовного процесса и даже традиционной судебной практики⁴⁹.

Сведений об отмене этой директивы мне пока не удалось обнаружить, можно лишь предположить, что она могла потерять актуальность к 1948 году, когда фильтрация перестала быть массовой.

Как уже говорилось, ГУЛАГовская нормативистика исследована еще недостаточно, поэтому ограничусь этим кратким обзором и не буду снабжать его предварительными выводами.

В заключение мне хотелось бы выразить признательность руководителю отдела спецфондов ГАРФ Д.Н.Нохотович.

⁴⁷ ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1225. Л.48 (копия для рассылки).

⁴⁸ Для сравнения: директива ГУЛАГа 1940 года требовала от учетных отделов лагерей подробности и точности в указании диагноза, критиковала безграмотное заполнение этой графы, приводя в т.ч. и такой пример: «В извещениях Красноярлага <...> вместо диагноза указано: "смерть последовала от пули"» – Директива №35/107497 (по штампу) от 19.08.1940 (ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1148. Л.239).

⁴⁹ Вероятно, допустимы аналогии со статусом «подозреваемых».

⁵⁰ В центральном аппарате МВД велись дискуссии: платить ли взятым в проверку как заключенным или как вольным. См. Сигачев С. Перечень проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР (1942–1948) [– Вступ. ст.] / М.: НИПЦ «Мемориал» (готовится к печати).

Анна Шор-Чудновская

Политическое значение биографического метода

Анна ШОР-ЧУДНОВСКАЯ

психолог, социолог, стипендиат Гессенского Фонда по изучению проблем мира и конфликтов (Франкфурт-на-Майне)

Биографический метод соблюдает и провозглашает «право на имя» – а если понимать «имя» широко, то «право на имя» – это одна из базовых демократических ценностей. Случайность ли это, что биографии и биографический метод социальных наук перекликаются с понятием демократии?

Обычно, говоря о значении биографического метода, останавливаются на том, что он позволяет выявлять достоверные факты истории, скрытые властью имущими, преступления, о которых предпочитают не знать или молчать, – и таким образом предъявить власти и общественности достоверную картину того, как сложилась жизнь отдельного человека при каком-то определенном режиме. Бессспорно, это значение биографического метода не может быть переоценено. И наверняка можно сказать, что в этом его политическое значение.

Однако я хочу описать другое значение биографического метода, которое представляется мне не менее, если не более политическим. Я хочу показать, что в основе биографического метода лежит не только понимание необходимости докопаться до исторической правды и не позволить политической власти скрыть свои преступления, но в основе этого

schor-tschenowskaja@hsfk.de

метода, как, наверное, и всех так называемых качественных методов, лежит определенное понятие человека и представление о его способностях и о соответствующей этим способностям роли в обществе. И таким образом, говоря о применении качественных методов, нужно учитывать, что они распространяют и закрепляют определенные нормы и ценности, а именно – нормы и ценности демократические.

Биографический метод социальных наук зарождался как попытка противостоять (ин)доктринизации, т.е одностороннему взгляду. Факт отдельно взятой человеческой жизни был наделен абсолютным приоритетом по отношению к Большим теориям и идеям. Распространение биографического метода предшествовало приходу к власти двух ведущих тоталитарных идеологий 20-го века. Вместе с тем есть основания полагать, что биографический метод способствовал укреплению либерально-демократической политической мысли, и в этом смысле биографический метод и качественная методология как таковая бесспорно сами являются частью одной из Больших теорий 20-го века – политической философии либеральной демократии и соответствующего ей субъекта, т.е. человека, наделенного соответствующими либерально-демократическому устройству общества качествами и способностями.

Применение биографического метода в социологических и социально-психологических исследованиях имеет почти вековую историю. Одними из первых его использовали в своих работах американские исследователи Уильям Томас и Флориан Знанецкий в 1920 году. В своем исследовании ценностей польских крестьян, эмигрировавших в Америку, авторы опирались главным образом на личные документы: письма, дневники, автобиографии. Практически одновременно с этим исследованием в Венском университете психологии Шарлотта Бюлер выполнила большую исследовательскую работу, построенную на использовании биографического метода. Ее книга «Жизненный путь личности как психологическая проблема», в которой предложены методы анализа биографического материала, поныне является классическим трудом для психологов-биографистов. В 1918 году вышла и первая работа русского ученого Н.А.Рыбникова «Биографический метод».

Отличием биографического метода можно считать большую сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека. В центре внимания исследователя оказывается документальное или устное описание событий с точки зрения самого «отдельного случая». И значимые социальные связи, и мотивы действия получают здесь убедительное освещение с точки зрения «деятельного субъекта».

«Субъективность» биографического метода открывает дополнительные возможности для пересмотра официальных версий истории, написанных с позиции властствующих групп, путем сопоставления их с повседневным опытом непривилегированных, «безгласных» людей. Как известно, кто говорит и кого слушают, т.е. право голоса, – это политические вопросы. В рамках биографической методологии проблема предоставления права голоса рассматривается как в политическом, так и в научно-теоретическом аспекте. Не случайно, что первоначально биографический метод использовался для изучения малодоступных для привычных опросов социальных групп: эмигрантов,

национальных меньшинств, подростков с девиантным поведением (ср. исследования Чикагской школы в 1920–1940 гг.).

Потребность в Биографическом методе как систематическом применении личной биографии проявилась именно тогда, когда ученые заинтересовались Чужим, т.е. не-нормой, не-усредненным субъектом. Очевидно, однако, что изучаемые рассматривались при этом как часть общества и наделялись с помощью социологических исследований правом голоса в обществе.

Основное внимание проблеме «иерархии правдоподобия» уделяла школа символического интеракционизма: социолог не имеет права при описании фрагмента социальной действительности принимать лишь одну, господствующую точку зрения, потому что в этом случае он заведомо игнорирует интересы, знания и смыслы других точек зрения и ограничивает достоверность результатов своего исследования. Биографический подход увеличивает шансы исследователя понять нестандартные смысловые перспективы, что повышает объективность научного исследования.

Таким образом, мы имеем дело с особым пониманием объективности знания и необходимости этой объективности, а также вытекающим из только что сказанного повышенным вниманием к различным точкам зрения, так называемым смысловым перспективам: право быть услышанным и доступ к истине должны быть распределены равномерно. Лишь сопоставление точек зрения позволяет полно и достаточно объективно воссоздать внешнюю картину событий и их субъективный смысл для участников. И потому, похоже, будет справедливым утверждение, что зарождение и развитие биографического методашли рука об руку с зарождением и развитием когнитивной науки, с одной стороны, и идеями демократии и демократизации, а также соответствующего демократического субъекта, с другой. Три эти течения научной (и общественной) мысли 20-го века взаимосвязаны и, вероятно, оказывали продуктивное действие на развитие друг друга. Более того, как мне кажется, они не просто связаны, а представляют собой три части одного и того же процесса.

Продемонстрировать это можно уже на следующем простом примере: давний спор о допустимости и достоинствах биографического метода ведется главным образом вокруг двух вопросов: о роли субъекта в социальных процессах и о степени доверия когнитивным возможностям человека.

Сегодняшняя идея политического устройства под названием «демократия» тоже построена на этих же двух принципах. И поэтому не случайно, что на протяжении всего века демократизации науки о человеке проявляли особый интерес к так называемым когнитивным способностям.

«Когнитивный» означает познавательный, соответствующий познанию. Когнитивные науки занимаются исследованием ментальной информации (информации, хранящейся внутри мозга и составляющей основу человеческого сознания) и способами ее обработки. Говоря о 20-м веке, часто указывают, что в первой половине 20-го века имел место так называемый «когнитивный переворот»: отказ от модели пассивно реагирующего человека и распространение взгляда на человека как на обладателя особой когнитивной системы, служащей переработке информации и устанавливающей активное взаимодействие человека с окружающей средой.

Это значит, что постепенно утверждалось представление об активно воспринимающем информацию и на ее основе самостоятельно планирующем и действующем человеке – именно таком, каким он и должен быть в демократически устроенном обществе, требующем от человека анализа информации и самостоятельного принятия решения. И хотя философия всегда посвящала себя познанию, только в 20-м веке начинается эмпирическое изучение отдельных механизмов и закономерностей развития мышления и познавательных процессов. Можно сказать, что когнитивная наука бросает вызов всей западной философии и ставит под сомнение многие ее постулаты, демонстрируя огромный прорыв в сфере познания человеческого разума и механизмов его ментальной деятельности.

Следует упомянуть, что «когнитивный переворот» – это выражение, которое встречается почти исключительно в западной науке и в психологии. Нередко можно встретить другое выражение: «лингвистический переворот», основанное на том, что примерно с 70–80-х гг. 20-го века внимание большинства гуманитарных наук приковано к знакам и символам, языку как любой системе знаков и символов. Лингвистический переворот, который я считаю следствием когнитивного, «заставил» считать язык самым важным и абсолютным, повсеместно присутствующим социальным, человеческим явлением и чуть ли не главным институтом человеческого общества.

Впрочем, иногда встречается и третье возможное обозначение: говорят еще и о «натуралистическом перевороте», произшедшем в 1950–1970 гг. когда для изучения человеческого познания стали применяться естественно-научные данные и методы. Полагаю, однако, что систематическое эмпирическое изучение познавательных и мыслительных процессов началось гораздо раньше, как минимум в 30-е годы, если и не еще раньше.

Расколдовывание мира (термин немецкого социолога Макса Вебера), резкое сокращение власти религиозных догм над человеческим сознанием привело к появлению идеологии – в первоначальном значении этого слова (см.: А. Дестют де Траси, «Элементы идеологии», 1817). Идеология – это наука об идеях, о законах возникновения идей. Совершенно ясно, что такая идеология – это также и наука о человеческой психике, возможностях сознания и власти знания. При этом, как бы ни менялось понимание и определение идеологии, она по сегодняшний день оценивается не критериями истинности, а критериями адекватности – как и восприятие человека как таковое – и рассматривается как механизм «сознательного переустройства общества» (Соловьев, 2001. С. 5. Выделено мной. – А.Ш.-Ч.).

Начало использования биографического метода обычно датируется двадцатыми годами 20-го века. Но предпосылки появления биографического метода были заложены еще в девяностых годах 19-го века, когда психология впервые стала считать, что сознание – это не емкость, в которой информация просто накапливается, а активная структура, познающая и изменяющая окружающий мир. Как писал Риккерт, стала размываться характерная для классического философствования позиция познающего субъекта как внешнего наблюдателя, поднятого над реальностью, вследствие этих перемен появляется представле-

ние об активной роли субъекта в отношениях с (социальным) миром. В конце 19-го века психология начинает «делить» сознание и выделять в нем отдельные, независимые друг от друга структуры, как минимум одна из которых наделена активной функцией по отношению к внешнему миру. Вероятно, одним из первых это сделал психоанализ, введя три отдельные «инстанции психического аппарата»: «Я», «Оно» и «Сверх-Я». Впрочем, уже раньше американский психолог Вильям Джеймс стал различать Самость как объект познания и Я как субъект познания. Примерно на рубеже веков в психологии появляется метод интроспекции, что стало возможным только благодаря убеждению, что психические (умственные) процессы человека доступны для самонаблюдения. Подобное развитие научной теории положило начало научной методологии, основанной на рефлексии (как отмечает Н. Печерская, вся идея европейского Просвещения и рационализма в целом связана с идеей рефлексии).

Центральным понятие рефлексии становится для методологии так называемой Чикагской школы (школы символического интеракционизма), чьим основным методом становится реконструкция индивидуального опыта. Теоретики символического интеракционизма утверждали, что человек является одновременно «потребителем» и производителем социальной действительности. Становление индивида и то, как складывается его жизнь, обусловлено социально, и потому изучение (авто)биографий отражает общие социальные процессы. Обыденный опыт, будничная жизнь, все, что считается неинтересным, привычным, незамечаемым, само собой разумеющимся, всевозможные клише, стереотипы и автоматизмы – все это не частные вещи, а части социальной действительности и подлежат изучению с помощью рефлексии. Свои новые методологию и теорию теоретики символического интеракционизма понимали в том числе и как представление права голоса, т.е. с самого начала эта проблема рассматривалась учеными Чикагской школы как в теоретическом, так и в политическом аспекте.

Один из самых интересных постулатов Чикагской школы – это представление об универсальной человеческой способности вжиться в чужую роль, перенять точку зрения другого человека. Больше всего внимания этому тезису уделял Джордж Херберт Мид, в чьей теории способность занять чужую точку зрения становится основополагающей как для социального, так и для умственного и нравственного развития. В теории Мида, так же как и во многих других антропологических теориях на рубеже веков, усвоение, интернализация Другого, т.е. социального окружения, считается необходимым для развития человеческой личности и интеллекта. Процесс этого у-своения описывается термином и теорией идентичности. Само слово «идентичность» подразумевает наличие чего-то или кого-то, со мной схожего, чего-то или кого-то, какого-то образца, чему или кому я тождествен, чье сущее я повторяю в себе. Уже само возникновение термина «идентичность» не случайно, ведь, казалось бы, его можно было бы и не вводить, ограничившись существующими терминами «самость» или «самосознание». Но, в отличие от них, термин «идентичность» впервые смещает акцент с личности человека на Другого и стремится описать равновесные отношения с Другим. С начала 20-го века зрелость человека, зрелость его мышления и социального поведения, т.е. становление

его идентичности начинают определять по способности отличать Другого от себя, во-первых, и, если нужно, – вставать на точку зрения Другого, во-вторых. «Зрелая идентичность» становится условием соблюдения собственной автономии и одновременно автономии другого человека.

Социальные теории Чикагской школы перекликаются с исследованиями развития интеллекта Жана Пиаже, который подверг анализу отношения между субъектом и объектом в процессе познания (см. ниже). Но еще до Пиаже мышлением человека вплотную занялся американский педагог Джон Дьюи («Демократия и образование», 1916), который совмещал в своих исследованиях и теорию демократии, и теорию мышления. Дьюи и его современникам была свойственна оптимистическая вера в человеческую разумность, рассуждающую и критическую способность зрелого человеческого интеллекта – именно та способность, которая отличает субъекта демократической политики.

Уже Дьюи утверждал, что понимание мира может быть достигнуто лишь в процессе самостоятельного активного взаимодействия с ним. Личностные смыслы, мышление, вся психическая жизнь человека возникает вследствие взаимодействия людей друг с другом. В этих взаимодействиях человек всегда бывает вынужден вставать на точку зрения другого человека при формировании собственного мнения и поведения – так возникает общечеловеческое содержание, обеспечивающее общность смыслов, вносимых людьми в общение, так же возникает и сознание, и самосознание отдельного человека. С другой стороны, Дьюи понимал, что природа демократического сообщества требует согласования различных позиций; таким образом, созревание понимания (самосознания) является предпосылкой демократических отношений в обществе, которые в свою очередь продолжают способствовать развитию личностного самосознания.

Появившаяся вскоре после Дьюи и Чикагской школы когнитивная теория Пиаже – это теория о равновесии адаптационных процессов, названных им ассоцииацией (доминирование уже имеющейся информации и приспособление новой поступающей информации под уже имеющееся знание) и аккомодацией (усвоение нового, приспособление уже имеющегося знания в соответствии с новой информацией). Созревание интеллекта представляется Пиаже как стремление к равновесию: у интеллекта адаптивная природа, а процесс адаптации тяготеет к равновесию. Адаптация по Пиаже – это равновесие во взаимоотношениях субъектов и объектов, выражющееся в разделении и координации своей точки зрения и точек зрения других людей. Причем подобный уровень интеллектуального развития Пиаже считал истинно объективной позицией познающего субъекта. В Школе Пиаже говорили «вначале был ответ». Как и когда-то Мид, Пиаже уделял основное внимание соотношению кооперации и принуждения в процессе становления личности, т.е. соотношению свободы (ассимиляции) и подчинения (аккомодации), только достигнутое равновесие наделяет человека творческой активностью и равноправными (равновесными) взаимоотношениями с окружающим миром, как физическим, так и социальным.

Дообъективная позиция, свойственная маленьким детям, была названа Пиаже эгоцентризмом. На этой стадии ребенок не способен менять познава-

тельную позицию и неосознанно приписывает собственную перспективу другим людям, и наоборот. Подобное неразличение точек зрения приводит к доминированию отношений подчинения. Путем последующей постепенной дифференциации у ребенка выделяется внутренний мир и противопоставляется внешнему, ребенок открывает точки зрения других людей и только так становится способным на равноправные отношения с миром.

Эгоцентризм – это смешение субъекта и объекта, и поэтому эгоцентрическая позиция не только не допускает равноправных отношений, но одновременно и не является объективной с точки зрения познания. При этом еще немецкий социолог Зиммель говорил, что основой понимания между людьми, а также научного понимания самих процессов понимания является разделение между Я и не-Я: «Ты» и «понимание» это одно и то же. Очевидно, что и способность к рефлексии, на которой основывали свои исследования сотрудники Чикагской школы, также связана с различием нескольких перспектив, точек зрения.

Отталкиваясь от теорий Мида и Пиаже, социальная психология стала считать, что процесс развития и созревания человека – это процесс активного взаимодействия с окружением. С другой стороны, еще Мид подчеркивал, что социальное окружение никогда не бывает гомогенным, однородным. Поэтому взросление человеческого существа, взросление его психики подразумевает овладевание способностью справляться с разнящимися представлениями и требованиями окружающих, не теряя при этом целостности собственной картины мира и собственного Я. Более того, именно конфронтация с пестрым, неравномерным и не всегда предсказуемым (социальным) окружением и способность человека выбрать, каким требованиям этого окружения отвечать, а каким нет, развивает в человеке его социальную компетенцию и его когнитивные способности.

Немецкий философ Юрген Хабермас писал в 1981 году, что когнитивная теория перенятия роли (перенятия перспективы) – это эманципаторная теория, описывающая становление самостоятельного индивида. Причем, вероятно, Хабермас говорит тут о той самостоятельности, которую Кант называл «совершеннолетием», т.е. личной и интеллектуальной зрелостью, позволяющей воспользоваться демократическим правом голоса. В основу своей демократической теории Хабермас положил представление о том, что становление идентичности равноценно способности к рефлексии и что когнитивная способность перенять перспективу является одновременно и социальной, и даже политической. Теория «коммуникативной рациональности» Хабермаса – одна из самых значительных теорий демократии второй половины 20-го века. В ней впервые сформулирована проблема «минимального Общего» (минимума совпадений): в какой мере мы можем отличаться друг от друга, не потеряв возможности говорить друг с другом и понимать друг друга. В психологии в последнее время появилось понятие «оптимально дозированного различия» (Д. Бендер-Шимански) – плодотворное взаимодействие с «чужим» опытом, с другой точкой зрения возможно только лишь при ее определенном, «допустимом» отклонении от собственной. Степень этого отклонения может быть недостаточной и слишком значительной, и в первом, и во втором случае, счи-

тают психологи, не произойдет активного взаимодействия – как с новой информацией, так и с другим человеком.

Понятия и выводы социальных теорий взаимосвязаны с политическим духом эпохи. Немецкий философ Ганс Йоас призывает не забывать об этом. Не подлежит сегодня сомнению нормативный характер социологической теории идентичности и теории перенятия перспективы. Однако я вижу в этой идеологической и нормативной связи не только опасности, но и возможности. Дух времени влияет как на обывательское, так и на научное мышление. В связи с этим вспоминается исследование способов решения математических задач, проведенное в Германии вскоре после ее объединения. Как оказалось, школьники из бывших Восточной и Западной Германий по-разному используют логику и нестандартные подходы при решении одних и тех же математических задач. Примерно об этом же писал и Адорно в своем «Исследовании авторитарной личности».

С другой стороны, не стоит сомневаться и в обратной связи: образцы мышления и научные методы способны поддерживать определенный дух времени, влияя на распространение норм и ценностей. Когда речь идет о демократии, имеют в виду обычно только политическое устройство, политические структуры и институты. В крайнем случае, иногда еще заходит речь и о демократических правах и свободах (ценностях). Однако демократия распространяется гораздо глубже, на все уровни человеческого (психического) существования: и нравственный, и социальный, и когнитивный. Иначе бы немецкие школьники из Западной Германии ничем не отличались бы на уроках математики от своих восточных сверстников. Несколько лет назад немецкий социолог Хельмут Дубиль ввел термин «эмоциональной демократии», обозначая им эмоциональную предрасположенность к равноправным, демократическим частным отношениям. Точно так же можно говорить и о «внутренней демократии» – понятийной, когнитивной предрасположенности к демократическому образу мышления.

Изучение когнитивных способностей человека имело, как мне кажется, два важных последствия: значительно выросло доверие к познавательным способностям человека и его умению активно адаптироваться в социальной среде и появилось понятие «перспективы познающего субъекта».

Оба эти следствия поразительно «совпадают» с демократическим пониманием роли субъекта в политической и общественной жизни. Если присмотреться к теории демократии, мы с легкостью обнаружим в ней те же идеи и термины, что и в теории и качественной методологии наук о человеке в 20-м веке. Демократию отличает в первую очередь соблюдение права политического участия или, как минимум, озабоченность соблюдением этого права. Кто говорит и кого слушают – это, с позиции демократической теории, вопросы политические.

Существует мнение, что понятие демократии как не-единомыслия, т.е. плuriалистичности, «равновесности множественности» появилось и утвердились только в 20-м веке. Просвещение, говоря о гражданстве, обращало внимание на уже упомянутое «совершеннолетие» субъекта и лишь незначительно оговаривало равновесные отношения между людьми в демократическом

обществе. Современное же понимание демократии гораздо больше опирается на представление о когнитивных способностях, рефлексии и умении рас- слышать (учесть) чужую точку зрения. Сегодняшняя демократия – это почти что «коммуникационная теория», описывающая искусство равноправной коммуникации. Вполне возможно, что дискурсивная теория демократии даже переоценивает когнитивные способности человека – настолько она концептуально от них зависит. Радикальный плюрализм представляет собой новую социальную теорию. В отличие от традиционного коллективизма, он несет с собой уважение личного достоинства человека. А в противоположность индивидуализму индустриальной эпохи он поощряет и утверждает коммуникацию с Другим. Сегодняшний Другой – это субъект диалога, в котором показано критическое сомнение в собственной познавательной перспективе.

Указанные выше последствия когнитивных исследований в такой же мере, как и к демократии, имеют отношение и к биографическому методу: эта методология была бы невозможна без доверия к мыслительным способностям человека и понимания важности его субъективной перспективы. Качественные методы выдвигают на первый план личность, ее права и свободу. Не случайно, что Ханна Арендт, оставившая нам собственную политическую философию демократии и написавшая знаменитую работу о тоталитаризме, тоже начинала с биографического анализа (история жизни Рахель Венхаген). Томас Кун (1976) доказал своим обширным эмпирическим исследованием, что выбор методологии зависит от социализации ученого, от усвоенных им норм и ценностей. Этот выбор можно рассматривать и как «пропаганду» определенных норм и ценностей. И потому можно сказать, что внимание к биографии особенно полезно для демократизирующегося общества, при этом я имею в виду биографии неизвестных людей (а не воспоминания о знаменитостях), которые, однако, именно и составляют политическую историю страны.

Заключение

Становление методологии социальных наук в 20-м веке позволяет обнаружить определенные параллели с развитием политической мысли. Применение так называемых качественных методов (к ним относится и биографический метод) не случайно сопровождалось дискуссиями о роли субъекта и преимуществах демократического правления.

Более того, мне представляется, что и идеи демократии и прав человека, и споры вокруг качественных методов, а также так называемый «когнитивный переворот» в социальных науках в середине 20-го века – все это взаимозависимые составные одного и того же идейного процесса. Изучение когнитивных способностей человека имело, как мне кажется, два важных последствия: 1) значительно выросло доверие к познавательным способностям человека и его умению активно адаптироваться в социальной среде; 2) появилось понятие «перспективы познающего субъекта». Оба эти последствия поразительно «совпадают» с современным демократическим пониманием роли субъекта в политической и общественной жизни. При этом важно учитывать, что речь идет не про

сто о «совпадениях», но и о закреплении демократического отношения к человеку – как в самой науке и ее методах, так и в обществе в целом.

Научные методы отражают и оказывают влияние на понятия и аргументацию политических дискуссий, а также на общий климат в обществе – поскольку в их основу всегда положено определенное отношение к человеку и его месту и роли в обществе. Качественные методы изучения человека и социальных процессов, и биографический метод в том числе, наглядно демонстрируют и предлагают демократическое понимание субъекта и его прав – в этом их политическое значение.

Список литературы:

- Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2001.
- Громов И. Мацкевич А. Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Печерская Н. Метафоры, создающие мир: образная структура парадигм социальной теории // Когнитивные модели и институциональные трансформации. М., 2003.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994.
- Соловьев А. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис, 2001, №2.
- Bender-Szymanski D. Kulturkonflikt als Chance fur die Entwicklung normativer Orientierungen // Politisches Lernen. 1999. №3–4.
- Dewey J. Philosophie der Demokratie. Frankfurt/Main, 2000.
- Destutt de Tracy A. Elements d'ideologie. Paris, 1817.
- Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Suhrkamp, 1995.
- Joas H. Die Entstehung der Werte. Frankfurt/Main, 1997.
- Kuhn Th. Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen. Frankfurt/Main, 1976.

Никита Елисеев

Стрельников – Сокольников

эхо биографии народного комиссара финансов в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»

Никита Львович ЕЛИСЕЕВ

критик, литературовед,
библиограф,
обозреватель журнала
«Эксперт Северо-Запад»

«Доктор Живаго» встраивается в традицию романов о революции. Он встраивается в традицию не советских романов о революции, здесь-то как раз полемика явная и подчеркнутая («Это ведь только в плохих книжках живущие разделены на два лагеря и не соприкасаются. А в действительности все так переплетается»¹), – любопытно, что Лара Гишар говорит это еще в 1918 году, то есть еще до того, как «плохие книжки» о «разделенности на два несоприкасающихся лагеря» во времена гражданской войны были написаны), – а либеральных. В этом ряду «Девяносто третий год» и «Боги жаждут» – самые сюжето- и темообразующие. Был, впрочем, еще один роман о социальном катаклизме, о слегка подзадержавшейся во времени и в пространстве сатурналии, который был столь же важен для Пастернака, как и западные, в слове воплощенные революции. «Капитанская дочка» – уральская повесть, как и «Доктор Живаго» – по большей части – уральский роман. В самом деле, вот в «Капитанской дочке» – никакой разделенности на два лагеря. Здесь взаимопересечения людей «во дни мытарств, во времена немыслимого

быта» изображаются едва ли не с удовольствием, во всяком случае не без юмора: «...я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Петр Андреич! Как Вас Бог милует?» Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»².

Понятно, что такого рода юмор не близок Пастернаку (как, впрочем, и любого другого рода – юмор), но сама ситуация благодетеля из вражеского стана – не просто близка. Она – сюжетообразующа. Поначалу может показаться, что «Пугачев» «Доктора Живаго» – таинственный Евграф Живаго, выручающий сводного брата из всех мыслимых и немыслимых передряг благодаря таким же мыслимым и немыслимым связям в верхах новой революционной власти, но по размышлении зрелом придется отказаться от этого уподобления. Евграф – слишком таинствен, слишком могуществен, слишком далек от главного героя, слишком он *deus ex machina*, чтобы быть «Пугачевым». На Екатерину II – тянет, на Пугачева – нет. Пугачев – это тот, с кем складываются человеческие отношения, несмотря ни на что, несмотря на то, что и расстрелять тебя может, а все равно сидишь и разговариваешь с ним по душам, и жалеешь его, и даже помочь ему хочешь, да где уж там, остается только вздыхать: «Емеля, Емеля!»

Такой герой в романе есть – это Стрельников-Расстрельников-Антипов, муж Лары Гишар, любовницы и любимой Живаго.

Он – патетичен и риторичен не менее других героев романа, но его патетика, его риторика как-то... человечнее. «...Мы жизнь приняли, как военный поход, мы камни ворочали ради тех, кого любили. И хотя мы не принесли им ничего, кроме горя, мы волоском их не обидели, потому что оказались еще большими мучениками, чем они»³. Логика, разумеется, хромает: «Позвольте, да вы же мне все зубы вышибли?» – «Так ведь из любви же! И как я страдал, покуда ваши зубы выхлестывал? Вы просто представить себе не можете, как я страдал!» – но эмоция убеждает, поскольку накануне самоубийства, обложенный, как волк, сильный человек спешит оправдаться, спешит объяснить свою жизнь – и это не может не вызвать сочувствие, едва ли не уважение. В конце концов, революционер, который остается верен себе, который и пулю в себя пускает, чтобы не измениться, чтобы не изменить и чтобы не позволить другим изменить себя, – человечнее поэта, в начале социального катаклизма с восторгом проповедующего: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости... В том, что это так без страха доведено до конца, есть что-то национально-близкое, издавна знакомое. Что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невиляющей верности фактам Толстого»⁴, – а в самом разгаре «хирургической операции» растолковывающего своему приятелю, вернувшемуся из ссылки: «Мне тяжело было слышать твой рассказ о ссылке, Иннокентий, о том, как ты вырос в ней и как она тебя перевоспитала.

² Пушкин А.С. ПСС в 10 тт. Т.6. М., 1957. С.491.

³ Пастернак Б. Ibid. С.536.

⁴ Ibid. С.227.

Это как если бы лошадь рассказывала, как она сама себя объезжала в манеже⁵. Какая ж «хирургия» без репрессий! Это уже не хирургия, а гомеопатия.

«Великолепный хирург», Стрельников подобных противоречий в себе не потерпит, может быть, поэтому его самоубийство кажется выходом, а не тупиком. Все, читающие и читавшие роман, знали и знают, что ожидало таких, как Стрельников, – арест, допросы, процесс, расстрел. Самое главное – его ожидала даже не смерть, а перемалывание, переламывание перед смертью. Вот этого он избег своим самоубийством.

На первый взгляд Стрельников весь из книжек, весь из литературы. Едва лишь он появляется перед Юрием Живаго во всей своей революционной красе в штабном вагоне на Урале, едва лишь потрясенный доктор, которого Стрельников чуть было не расстрелял под горячую-то руку, во всяком случае обошелся... мм... неласково, про себя воскликнул: «Как мог он, доктор, среди такой бездны неопределенных знакомств, не знать до сих пор такой определенности, как этот человек? Как не столкнула их жизнь? Как их пути не скрестились? Неизвестно почему, сразу становилось ясно, что этот человек представляет законченное явление воли»⁶, едва лишь по изложении революционной карьеры Стрельникова Пастернак завершает главу энергичным, ритмическим: «Разочарование ожесточило его. Революция его вооружила»⁷, – как человек читающий сразу определяет: ну да! старый знакомый! Гражданин Симурден или генерал Говэн из «Девяносто третьего года» Гюго и еще ближе, еще современнее – несчастный, обреченный гибели фанатик Эварист Гамлен из «Боги жаждут» Анатоля Франса.

Между тем что-то заставляет литературоведов именно в нем искать следы прототипов. Какая-то аура подлинности, мучительной подлинности окружает Стрельникова. Эта аура настолько убедительна, что Л.Долгополов, например, в своей статье «Владимир Маяковский и Юрий Живаго» пишет следующее: «Едва намечена в воспоминаниях Пастернака проблема двойничества, которая как раз в романе «Доктор Живаго» получит наглядное выражение и которая также будет непосредственно связана с Маяковским (Живаго–Стрельников, Стрельников–Маяковский как варианты одной общей проблемы)»⁸. Если учесть, что в этой же статье процитировано такое утверждение Пастернака: «Этот герой [Юрий Живаго. – Н.Е.] должен будет представлять нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским...»⁹, то получается, что Стрельников едва ли не двойник Пастернака по «маяковской» линии. Это не так – Пастернак настаивает на «инаковости» Стрельникова по отношению к Живаго и вообще к любому поэту. Потому-то Живаго и не замечает Стрельникова (Антипова), что они – разные, из разных миров, пересекшихся

⁵ Пастернак Б. Ibid. С.562.

⁶ Ibid. С.291.

⁷ Ibid. С.295.

⁸ Долгополов Л.К. Владимир Маяковский и Юрий Живаго (Заметки и предположения). Russian studies. 1996. Т.II. №1. С.79.

⁹ Пастернак Б. Ibid. С.80.

только во время революции и гражданской войны. Маяковского Живаго бы заметил, как заметил Маяковского и Пастернак, поскольку Маяковский был поэт, и прежде всего – поэт, то есть человек из мира Пастернака и Живаго. Настолько из этого мира, что Пастернак спешит сообщить об общности Живаго с ним, с Блоком, с Есениным и с самим собой – со всеми поэтами, так или иначе принявшими большевистскую революцию. А Стрельников – сама революция. Какое ж тут «двойничество»? Все равно что «двойничество» Григория и Пугачева. Здесь не «двойничество», здесь – диалог со всхлипом!

Самое интересное, что Л.Долгополов и сам понял некоторую неправоту уподобления Стрельникова Маяковскому. Вот что он пишет после цитаты из письма Пастернака М.П.Громову про Живаго как среднее поэтическое Пастернака-Блока-Есенина-Маяковского: «...не поверили Пастернаку ни критики, ни историки литературы. Все они в один голос, от публициста Бориса Пармонова и до авторитетного ученого Витторио Странда увидели Маяковского не в образе Юрия Андреевича, а в образе Антипова-Стрельникова, мужа Лары, Ларисы Федоровны»¹⁰. Вообще-то, и Л.Долгополов не поверил Пастернаку, поскольку принял рассуждать о том, что-де в образе Стрельникова Пастернак «запечатлел не художественную, а чисто человеческую ("поведенческую", социально значимую) сущность Маяковского».

«Человеческое, слишком человеческое», что позволяет связывать, соединять командарма Стрельникова и поэта Маяковского, – самоубийство. Самоубийство талантливого, одаренного человека, близкого к революции; самоубийство человека, делавшего революцию и связанным сложными нитями с поэтом, в романе с Юрием Живаго, в жизни с Борисом Пастернаком. Между тем как раз самоубийство Стрельникова – антиподно, наоборот самоубийству Маяковского. В описании самоубийства Стрельникова – преобразованный вздох сожаления, вроде вздоха сожаления Гринева: «Емеля, Емеля! Зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь?» Ясно же, чем окончилась бы жизнь Стрельникова, если бы не его самоубийство. Его ошельмовали бы на процессе свои же, революционеры. Он бы и сам наговорил на себя невесть что. Не таинственное романтическое самоубийство с каплями крови на снегу, как смерзшимися ягодами рябины, а позорный процесс и смерть в застенке.

Стрельников романа – не поэт, но революционер. Надобно сказать, что задача поисков прототипа этим утверждением не усложняется, а упрощается, поскольку у Бориса Пастернака было не так уж много знакомых революционеров, знакомых настолько, что с них можно было бы делать литературных героев. В пятой московской гимназии вместе с Пастернаком учились Николай Бухарин и Григорий Бриллиант, взявший себе партийный псевдоним Сокольников.

Бухарин вовсе не похож на военного подтянутого Стрельникова, а вот Сокольников похож не одним только псевдонимом: Стрельников – Сокольников. Имеются и вовсе забавные совпадения: в воспоминаниях его жены Га-

¹⁰ Пастернак Б. Ibid. С.80.

¹¹ Ibid. С.81.

лины Серебряковой упоминается фамилия того человека, у которого Галина Иосифовна жила после ареста мужа и до своего ареста. Благодетеля звали Антипов. Так зовут Стрельникова до его революционного крещения.

Пастернак оставляет еще одну внешнюю примету Сокольникова в Стрельникове: особая подтянутость, не щеголеватость, а... образцовость, что ли: «Он до такой степени был тем, чем хотел быть, что и все на нем и в нем неизбежно казалось образцовым. И его соразмерно построенная и красиво поставленная голова, и стремительность его шага, и его длинные ноги в высоких сапогах, может быть грязных, но казавшихся начищенными, и его гимнастерка серого сукна, может быть мятая, но производившая впечатление гладкой, полотняной»¹². Именно так описывали Сокольникова друзья и враги, от жены, упомянувшей аж об «аристократической внешности» своего мужа: «...изысканные манеры, чистое, что называется, аристократическое лицо с прямым гордым носом, темными глазами, высоким, необыкновенно очерченным лбом, вся его осанка хорошо вытrenированного и сильного физически человека вызывали изумление. Он действительно считал выдержку, молчаливость, любовь к одиночеству самыми цennыми чертами характера интеллектуала. Он был суров с окружающими и сам называл себя сатурнианцем. Как известно, родившиеся под знаком Сатурна молчаливы, скрыты, стремятся прочь от общества и склонны к самоубийству»¹³, – до автора статьи в «Известиях» о процессе 1937 года: «Сокольников – лощеный холуй англо-германского империализма»¹⁴. Не какой-нибудь – лощеный!

В исследовательской и мемуарной литературе о Пастернаке почти не упоминается Сокольников. Галина Серебрякова в своих воспоминаниях о муже пишет, что в 1920–1930-е годы Сокольников и Пастернак встречались довольно часто; в дневниковой записи друга Пастернака Якова Черняка коротко говорится о вечеринке 1927 года дома у Сокольникова: «Мы говорили о вечере, проведенном накануне [15 апреля 1927 года. – Н.Е.] у Григория Яковлевича Сокольникова, о людях, его окружающих, о смысле событий, поставивших под удар судьбы китайской революции, а вместе с тем и наши судьбы»¹⁵.

Если удастся доказать, что Сокольников был прототипом Стрельникова, – удастся доказать, что Пастернак вовсе не был всего лишь «гениальным дачником», каким казался или хотел казаться. Напротив! Пастернак тонко разбирался во всех перипетиях революционной борьбы или партийной склоки. Пастернак разбирался в таких тонкостях «драки диадохов», какие непонятны иному современному исследователю.

В противном случае он не только не смог бы в 1927 году побеседовать с Сокольниковым о перспективах «нашей и китайской революции», но и в 1946 году выбрать для своего революционера, своего Симурдена, не Бухарина,

¹² Пастернак Б. Ibid. С.291.

¹³ Серебрякова Г. Из воспоминаний // Смерч. (О В.Трифонове, Г.Сокольникове, М.Рютине: Сборник). М., 1988. С.233–242.

¹⁴ Известия. 1937. 25 января.

¹⁵ Черняк Я. Записи 20-х годов // Воспоминания о Борисе Пастернаке / Сост. Е.В.Пастернак, М.И.Фейнберг. М., 1993. С.123.

которого тоже ведь прекрасно знал и тоже учился с ним в пятой московской гимназии, но именно Сокольникова.

Как для поэта, для типичного поэта, он выбирает себя – личность, что ни говори, особую, особенную, обиняком стоящую среди всех современных ему поэтов, так и для роли революционера он должен был выбрать такую же стоящую обиняком фигуру, но в этом своем «обинячестве», «одиночестве» бывшую типичной.

Кто такой Сокольников? На первый взгляд, он незаметен. Какая-то широко рекламированная финансовая реформа, червонец, твердая валюта, «советский Витте», что-то такое нэповское, «бухаринское». Не знаковая фигура, как Бухарин и Троцкий. Между тем это важнейшая фигура во внутрипартийной борьбе 20-х. Пастернак с безошибочной точностью выбрал именно его представительствовать за революцию и за трагедию революции.

Накануне «великого перелома» 1929 года, накануне коллективизации это он, сторонник нэпа и враг «леваков», попытался «навести мосты» между бухаринским «правым уклоном» и троцкистской «левой оппозицией». Попытка эта провалилась. Попытка эта, наверное, подала Сталину идею о «беспринципном право-левацком блоке», но то, что эта попытка была, свидетельствует об уме, проницательности и принципиальности ее инициатора.

Судя по воспоминаниям вдовы Сокольникова Галины Серебряковой, Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант) был поразительно одинок. Он был не типичный большевик, точно так же, как Пастернак не был типичным советским поэтом. Сокольников всегда был один. Он не был ни с Бухариным, ни с Троцким, ни со Сталиным. Сам по себе. Никакой усредненной типичности – одна только особость и исключительность. Но в этом-то, наверное, и состоит настоящая «идеальная», если угодно платоновская «типичность».

Отец Григория Бриллианта (Сокольникова) Яков Бриллиант – врач, владелец московской аптеки, участник русско-турецкой войны 1878–1879 годов. Может, участие в этой войне отца как-то повлияло на «милитаризованность» сына? Все-таки командарм-8. Достаточно известный в свое время военачальник эпохи гражданской войны. В книжке Аркадия Первонцева «Кочубей», писанной про казненного белыми в 1919 году красного комбрига Ивана Антоновича Кочубея в момент, когда стала набирать обороты шовинистическая кампания, «сквозьзубно» помянуты соседи истинно-народного полководца. Мол, а кто был на левом фланге у казака? Какой-то Бриллиант, что он мог понимать в военном деле, даже прикрывшись псевдонимом «Сокольников»?

Но коли даже в беллетристике такого рода нельзя было обойтись без упоминания уже осужденного и убитого Сокольникова, значит, кое-что он понимал и в военном деле. Мама была русская дворянка, отсюда, вероятно, и «арийская внешность», на которой несколько неприятно настаивала Галина Иосифовна Серебрякова.

Брат, Михаил Яковлевич Бриллиант, крупный инженер, спец, как это имелось в ранней советской истории. Все как и полагается в интеллигентных российских семьях. Один брат – «нигилист в косоворотке», революционер, горе семьи и «заблудшая овца». Другой – положительный деятель, специалист, профессионал, работник.

Как и полагается в российской истории XX века, все значительно перепутанней, чем в плохих книжках. В 1933 году Михаила Яковлевича арестовали. К Григорию Яковлевичу приехала золовка. Сокольников сразу предупредил ее: «Мое вмешательство может только ухудшить участь Миши. Этот "сапожник" всех нас ненавидит»¹⁶. После чего добился освобождения брата. В 1937 был арестован сам.

Жена, Галина Иосифовна Серебрякова, сначала была женой троцкиста Серебрякова, потом троцкиста Сокольникова. Строго говоря, Сокольников не был троцкистом. Впрочем, и сам Троцкий троцкистом, строго говоря, не был. Галина Серебрякова была писательницей. Первая ее книжка – «Женщины эпохи Французской революции». Несколько очерков о прославленных женщинах Французской революции¹⁷. (В один из очерков Сокольников вписал один абзац о термидоре.) Серебрякова была репрессирована. После реабилитации писала книги о Марксе, Энгельсе¹⁸, воспоминания, в том числе и о муже¹⁹.

В послелагерной литературе Галина Серебрякова оставила не самый хороший след, что не облегчает моей задачи, поскольку ссылаться приходится на ее воспоминания, воспоминания Эренбурга, да... собственно, и все. Штука (повторюсь) в том, что само по себе утверждение: Сокольников – прототип Стрельникова «не стреляет». С тем же успехом можно доказывать, что прототипом Стрельникова был Троцкий, Бухарин, да хоть Жданов со Сталиным. В современной ситуации все они сливаются в одно неиндивидуализированное пятно: большевик.

Между тем тайны романа Пастернака готовы искать где угодно, но только не во внутрипартийной борьбе 20-х годов. Для этого есть резоны и основания: сам Пастернак устами своей героини Лары Гишар-Антиловой-Комаровской говорит о презрении к мелкой возне вокруг переделки земного шара, но, во-первых, это все же Лара Гишар, а не сам автор; а во-вторых, сам автор писал об уважении к тем, кто все-таки на эту возню отваживался. В-третьих, единственный человек, с которым доктор Живаго («великий человек» романа) чувствует себя воровень, – как раз ярый «передельвател мира» Стрельников.

Это замечают все вдумчивые исследователи романа. Обо всем своем окружении Живаго нет-нет да и скажет: до чего же вы все мелки! Вы должны быть счастливы, что живете рядом со мной! И только о Стрельникове он ничего подобного не говорит, не думает, а наоборот, изумляется: как же я прежде-то такую глыбу, такое матерое человечице не замечал?

Есть мааленькое косвенное доказательство того, что Стрельников не просто был «списан» с Сокольникова, но узнаваемо списан. В самый разгар травли Пастернака за роман «Доктор Живаго» Галина Серебрякова, будучи консеквен-

¹⁶ Генис В.Л. «Любитель парадокса» // Исторические портреты. М., 1993. С.92.

¹⁷ Серебрякова Г.И. Женщины эпохи Французской революции / Предисловие М.Н.Покровского. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. 165 с.

¹⁸ Серебрякова Г.И. Маркс и Энгельс. М.: Молодая гвардия, 1966. 880 с.; Она же. Карл Маркс. М.: Молодая гвардия, 1962. 688 с.; Она же. Предшествие. Роман о Фридрихе Энгельсе. М.: Художественная литература, 1966. 112 с.

¹⁹ См. прим. 13.

тной и вполне лояльной советской писательницей, восстановившейся в партии и т.д., не только не приняла участие в развернувшейся кампании, но съездила на дачу к Пастернаку, чтобы побеседовать о жизни, творчестве, прошлом и будущем.

Причем роман Галине Серебряковой не понравился, да и не мог понравиться. Во время той беседы Галина Иосифовна нашла возможным упрекнуть Пастернака в том, что он-то вот просидел на своей даче, покуда других брали²⁰. Таковые упреки делаются, как правило, вдовой, узнавшей в тексте своего убитого мужа. И делаются в личной беседе, а не на трибуне – по понятной, право, причине.

В черновых набросках к своему роману Пастернак писал о своем все-гдашнем почтении к людям, поставившим себе целью социальное освобождение человечества. Он прекрасно видел их узость и (что важнее) их обреченность, но вчуже уважал.

Почти теми же словами Пастернак заговорил с Галиной Серебряковой о ее муже в ответ на упрек по поводу собственного сидения на даче в то время как других брали. Галина Серебрякова не могла знать черновых вариантов «Доктора Живаго». Значит, Галина Серебрякова запомнила слова Пастернака. Значит, когда Пастернак думал о революционерах, он думал о Сокольникове.

Итак, покуда Пастернак занимался музыкой – поэзией – философией, его старший соученик занимался революцией – революцией – революцией. До-занимался до того, что был сослан в Сибирь на поселение. Оттуда бежал, добрался до Москвы, раздобыл заграничный паспорт и эмигрировал в Париж. В Париже, между прочим, перевел на русский язык роман модного тогда писателя Шарля-Луи Филиппа «Бюю Монпарнасский»²¹. («Он рассказал мне, что переводит социальный роман молодого французского писателя Шарль-Луи Филиппа, пересказал содержание. Мне стало скучно – я уже строчил стихи и зачитывался "декадентами". Несколько лет спустя я понял, что Шарль-Луи Филипп – хороший писатель»²²).

Несмотря на игривое название и несмотря на то, что написан этот роман про сутенеров и проституток, – это очень серьезная, очень печальная и очень сентиментальная книга. Я упоминаю ее не только для того, чтобы показать, что сам Сокольников не был чужд сочинительству и, значит, Пастернак мог поговорить с ним не только о перспективах китайской революции, но и о перспективах развития французской литературы.

Я упоминаю ее, поскольку сюжет книги кажется огрублением одного из фабульных ходов «Живаго». Сутенер совращает девушку. Девушка становится проституткой. Сутенер попадает в тюрьму. Девушка знакомится с честным парижским парнем Бюю. Бюю влюбляется в проститутку. Проститутка влюб-

²⁰ «Оппакивая погибших друзей, он так и не высунул головы из шоколадного шара-виллы в Переделкине с веселыми грядами картофеля и клубники. Я сказала ему все это. Мы долго беседовали с ним о его последнем, мягко говоря, неудачном, скучном и глубоко огорчившем меня романе» (Серебрякова Г.И. Борис Пастернак. О других и о себе. М., 1968. С.256.)

²¹ Филипп Ш.-Л. Бюю Монпарнасский / Пер[евел] с фр. Г.Я.Бриллиант. М., 1912. 149 с.

²² Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. В 3 тт. М., 1990. Т.II. С.162–163.

ляется в Бюю. Начинается тяжелая трудовая, но в высшей степени достойная жизнь. В самый разгар этой жизни появляется сутенер. Разузнает, где живет подружка. Заявляется к семейной паре ночью. Будит подружку, извиняется перед Бюю, мол, такое дело. Я – вернулся. Девушке пора за дело приниматься. Подружка безропотно собирает манатки, выходит следом за сутенером. Уже на улице он останавливается и спрашивает: «Стоп. А деньги? Деньги? Давай назад. Я тебя здесь подожду».

Проститутка возвращается, берет деньги у Бюю и уходит. Бюю сидит на постели и плачет. Вы узнали, конечно, уход Лары Гишар к подонку Комаровскому? В переводе Сокольникова было то, что можно было бы назвать «автобиографией духа» или предвосхищением каких-то собственных житейских ситуаций.

Шарль-Луи Филипп написал о хороших, но слабых, сломавшихся людях. Их побеждает абсолютный, стопроцентный подонок. Его цинизм, его уверенность в собственной силе, в собственном праве обезоруживают. Он только поманил пальцем, и она ушла, а честному и хорошему ничего другого не осталось, как только покориться. Лечь в грязь под ноги подонку. Что-то в этом было провиденциальное.

В Париже Сокольников успел закончить Сорbonnu и защитить диссертацию по экономике. Вот это следует выделить особо. Сокольникова, с легкой руки Ленина, называли парадоксалистом, но, может быть, то, что казалось парадоксом не окончившим экономическое отделение Сорбонны, для Сокольникова было просто ответом на экзаменационный билет.

Времена гражданской войны и революции – самые изученные в биографии Сокольникова. Здесь надо подчеркнуть вот что: конечно, у Пастернака были еще друзья среди большевистской верхушки. Один Бухарин чего стоит! Но никто из них не воевал так, как воевал Сокольников. Командарм! Ни в ком из них гражданская война не выявила военное, еще резче – офицерское.

Офицерское это проявилось (опять-таки) во внутрипартийной борьбе. Сокольников был активнейшим противником партизанской, антиофицерской «военной оппозиции». Здесь – исток его дружбы с Троцким и вражды со Сталиным. Сокольников и Троцкий защищали военспецов и воинскую дисциплину против разудалой партизанщины, сторонниками которой оказались тогда Ворошилов и Сталин. Вспомните подчеркнутое офицерство Стрельникова в романе. Отсутствие при нем комиссара. Этот факт стоит подчеркнуть еще и для того, чтобы напомнить: Сокольников был единственным командармом в Красной Армии, у которого не было комиссара.

Этот факт стоит подчеркнуть, чтобы еще раз обратить внимание на противоречивость ситуации Сокольникова, на его, если можно так выразиться, перманентную противоречивость. Именно он (противник спецеедской «войненной оппозиции») был автором разгромной рецензии на книгу знаменитого военного деятеля военспеца Свечина²³.

²³ Сокольников Г.Я. Бонапартизм под флагом революции // Правда. 1920. 17 июля. (Рец. на кн.: Свечин А.А. История военного искусства: Лекции, читанные А.А.Свечиным на ускоренном курсе Акад. Ген. штаба Рабоч.-крест. Красной Армии в 1918/19 учебном году. Вып.1. М.: Акад. Ген. штаба Раб.-крест. Красной Армии, 1920. 240 с.)

Рецензия называлась «Бонапартизм под маской революции». Григорий Сокольников расправился с военспецом, не скрывавшим своих симпатий к императору Бонапарту. Не исключено, что Сокольникову просто было поручено написать эту разгромную рецензию, с тем чтобы военспецы не зарывались и помнили, что даже те из большевиков, кто стоит за них в борьбе с партизанщиной, первыми ответят на первый же бонапартистский намек.

Вполне возможно, что Сокольников и сам себе поручил написать эту рецензию. Увидел, о ком мечтают защищаемые им офицеры, пошедшие на службу к революции, и поспешил уверить себя: я же прекрасно вижу все потенциальные опасности, сконцентрированные в моих подзащитных, но... Здесь и начинались те парадоксы, которые привели в конце концов сторонника нэпа наркомфина Сокольникова к поддержке троцкистов накануне разгрома всех и всяческих партийных оппозиций.

Повторюсь: если Пастернак, выдумывая своего идеального большевика, идеального революционера, типичного в платоновском смысле, думал о Сокольникове, то попадание было в «десятку». Все большевики, будь то Ленин, Троцкий, Сталин или Бухарин, – несли в себе по-настоящему неразрешимые противоречия. Но воплощенным противоречием был именно Сокольников. Именно это и делало его типичным революционером.

Вполне возможно, что он мелькнул на периферии еще одного великого русского романа XX века. Этот роман антиподен «Доктору Живаго». И автор этого романа – антипод Пастернака. Я имею в виду «Дар» Набокова. Редактор «Газеты» Васильев (здесь-то уж комментаторы потрудились: «Газета» – «Руль» Милюкова, Васильев – сам Милюков) говорит о каком-то большевистском деятеле, бывшем в большом фаворе при Ленине, а ныне попавшем в немилость.

«Я знал его в зените славы и добра», – говорит Васильев, «профессионально перевиная цитату». Разговор вертится вокруг недавних событий в Англии, упоминается торгрод Хинчук, – а после разгрома оппозиции Сокольников как раз и был отправлен в дипломатическую ссылку полпредом в Великобританию, и милюковская газета откликнулась на его назначение сочувственной статьей главного редактора. Статья называлась «Сталин или Сокольников?»²⁴

Сформулируем противоречия Сокольникова. Он был одним из немногих сторонников Бухарина, кто принимал непосредственное, военное участие в гражданской войне. Вероятно, этим определяется его особое, особенное (среди «правых уклонистов») отношение к Троцкому.

Сокольников был одним из немногих сторонников Троцкого, у кого было систематическое специальное экономическое образование. Вероятно, этим определяется его особое, особенное (среди «левых оппозиционеров») отношение к нэпу и к Николаю Бухарину. Сокольников был тем необходимым связующим звеном между «бухаринцами» и «троцкистами», которое могло бы возникнуть, но не возникло, не дотянулось до воплощения в реальность. Воп-

²⁴ Генис В.Л. «Упрямый нарком с Ильинки» // Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика. На пути к твердой валюте. М., 1995. С.32.

лотилось лишь в провокационную фикцию «право-левашкого блока» на последнем процессе бывших оппозиционеров. Однако до 1937 и даже до 1928 еще далеко. Я уже упоминал Сокольникова в связи с событиями на Дону. Сокольников прибыл туда в разгар рассказывания, «войны соломенных крыш против железных».

Сокольников был против жестких и жестоких мер рассказывания. Сохранилось его письмо в ЦК, где он настаивал на отмене печально известной директивы января 1919 года²⁵. Пастернак, само собой, не знал о подобных инициативах своего гимназического друга. Для поэта он оставался революционером, ни во что не ставящим ни свою, ни чужие жизни во имя великой цели.

Иное дело: был ли таким Сокольников на самом деле. Разумеется, вспыхнувшее Вешенское восстание он подавлял с той же беспощадностью, с какой подавлял и ижевско-воткинское восстание красноармейцев (восстание солдат-разинцев в городе Туркате, которое разгромил романский Стрельников).

Но было такое «но», о котором Пастернак мог только догадываться. Он, например, знать не знал о письме Сокольникова в ЦК с описанием грабежей и бесчинств Первой Конной, письме, на которое был дан ответ, какого и у Бабеля в его «Конармии» не сыщешь.

«Мы с Тухачевским считаем, что крики о разложении в смысле потери боеспособности буденовцев неосновательны. Пьянство и грабежи у них старое явление»²⁶. Я тщусь доказать, что Сокольников был заряжен той же степенью трагичности, что и Стрельников романа. Отчего это происходило? Оттого, что Пастернак пристально взглядался в своего гимназического шапочного знакомого, ставшего революционером.

В тексте своего романа он оставил немало знаков такого «вглядывания». В 1918 году Сокольников воевал на Урале, как раз там, где воевал Стрельников. Пастернак пишет: «...в его [стрельниковский] формуляр входило дело о солдатах-разинцах, поднявших восстание в городе Туркате и с оружием в руках перешедших на сторону белогвардейцев»²⁷. Сокольников руководил подавлением солдатского восстания в городах Ижевске и Воткинске. Восстал дивизия имени Пугачева. Восстала – и в полном составе, с красными знаменами перешла на сторону белых.

Итак, в 1919 Сокольников был сторонником Троцкого, а в 1920 он оказался союзником Сталина. Один из последних споров, который вел Ленин со своими партийцами, касался монополии внешней торговли. В этом споре Сокольников, как это было принято говорить, занял «антиленинскую позицию».

Ленин и Троцкий отстаивали монополию внешней торговли. На внешний рынок могло выходить только государство, революционное государство. Stalin, Каменев, Сокольников добивались кое-каких послаблений.

²⁵ Имеется в виду: Циркулярное письмо ЦК по отношению к казакам 24 января 1919. Опубл.: Известия ЦК КПСС. 1989. №6. С.177–178; Родина. 1990. №7. С.44.

²⁶ Цит по: Генис В.Л. «Любитель парадокса». Указ. изд. С.75.

²⁷ Пастернак Б. Ibid. С.294.

Сейчас бы сказали, что Сталин, Сокольников, Каменев добивались «стыдливой» монополии. Ленин выиграл этот спор. Наступали времена нэпа. Времена, наиболее благоприятные для Сокольникова. Эти времена считаются его звездным часом. Он был тогда наркому финансам СССР. Именно тогда ему удалось провести финансовую реформу, благодаря которой его прозвали «советским Витте».

Позиция его была тогда уже не революционная, но реформистская. Уже в этой позиции был слом, была трагичность. Сокольников ведь никогда не был теоретиком. Таким, как Троцкий, или Бухарин, или Преображенский. Он ушел в практику, в узкую специализацию. Его дело – финансы страны, завоеванной коммунистической революцией.

В первой послеленинской внутрипартийной борьбе его не видно, не слышно. Укрепляет финансы. Нельзя не увидеть в этом некоей «самоссылки», сознательного ухода на обочину. Ухода из большой политики в «спецы». Сокольникова никто не «уходил». Он ушел сам.

Стоит отдать себе отчет в том, что значит для революционера вообще и для пролетарского революционера в частности «стать спецом». Это означает отказ от тотальности, всеобщности своей деятельности. Свой жизненный успех, свой, если можно так выразиться, исторический успех Сокольников переживал как поражение, как крушение чего-то очень важного, смыслосодержащего.

Если не сигнал капитуляции, то симптом разочарования. Только что окончилась гражданская война, во время которой командарм-8 насмотрелся и настало многое. О жалобах на буденовцев я уже говорил. После взятия Бухары Сокольников писал Ленину приблизительно в тех же выражениях: «Итоги те, что с Бухарой обошлись, как, к несчастью, обходились со всяким "освобождаемым" городом наши части, когда они "вырываются из рук". Будем политически залечивать елико возможно»²⁸.

Однако это все же таки – «наши», а не «мои». Но ведь были в деятельности Сокольникова и такие действия, о которых нельзя было сказать «наши», только «мои». Пастернак пишет, что прозвище Стрельникова на Урале было Расстрельников. Не исключу, что кроме отсылки к герою романа Достоевского Раскольникову, здесь была отсылка к какому-то прозвищу, данному Сокольникову в бытность его на Урале.

От всего этого Сокольников отходил, отступал в финансы. Так сказать, твердая валюта и – хватит расстрелов. В это как раз время он «увел» у соседа по дому, Серебрякова, его жену Галину. Серебряков жил этажом выше и часто спускался к Григорию Яковлевичу поиграть в шахматы. По всей видимости, Сокольников в это как раз время задумался о формировании не только финансовых, но и собственной семейной стабильной жизни.

В это время Сокольников возобновил знакомство с бывшим шапочным знакомым по гимназии, ныне видным советским поэтом – Борисом Пастернаком. В это время у Сокольникова образовалось что-то вроде салона. У него бывали

²⁸ Цит. по: Генис В.Л. «Любитель парадокса», Указ.изд. С.76.

Фурманов, Есенин, Павел Васильев, Пастернак. Если применять мещанские словобороты, то получится, что Сокольников в те поры «лепил семейное гнездышко». Жена Галина, ее дочь от первого брака Зоря, дочка Юлиана. Семья, салон, удачно проведенная реформа – что еще надо человеку и политику?

Похоже на то, что – к примеру – Пастернак ходил к Сокольникову, чтобы «зарядиться» твердокаменной уверенностью: все шло, идет и будет идти, как надо. Но сам-то Сокольников в не меньшей степени нуждался в такой «подзарядке», в рассеивании сомнений, в обретении твердокаменной революционной уверенности.

Другое дело, что он не позволял своим сомнениям выплеснуться; не позволял себе проартикулировать эти сомнения. Монолога, подобного следнему монологу Стрельникова, Сокольников никогда себе не позволял.

Вероятнее всего, здесь имел место любопытнейший психологический парадокс, такое социальное, политическое, психологическое кви прокво. Гениальный поэт приходил к большевику, чтобы избавиться от интеллигентских сомнений. Большевик был не меньше поэта «колебателен», но уж раз к нему приходит гениальный поэт, то уже одно это избавляет от сомнений и колебаний.

А потом разорвалась «бомба». Сторонник нэпа, финансист, экономист, «советский Витте» оказался в последней троцкистской оппозиции. В решающий момент схватки Сталина и Троцкого, когда все «правые» – Бухарин, Рыков, Томский – поддержали Сталина, Сокольников поставил на Троцкого. И проиграл.

Как раз к тому времени относится запись в дневнике Якова Черняка о встрече Пастернака и Сокольникова, об их разговоре о «судьбах китайской революции». 1927 год, год, когда гениальный поэт понял, что твердокаменный большевик не такой уж и твердокаменный. 1927 год – год начала, истока «Стрельникова». Уверенный в себе, сильный вершитель судеб и справедливости начинает ломаться, начинает путаться в собственной судьбе.

Он уже готов повторить вслед за Робеспьером: «В революцию заходят далеко тогда, когда не знают, куда идти».

Однако поддержка Троцкого в его «последней и решительной» схватке со Сталиным – не самое судьбоносное, что случилось тогда с Сокольниковым. Его сняли с наркомфинства и отправили в дипломатическую ссылку, пол-предом в Англию. Вот тут-то Григорий Сокольников сорвался, сдурушился, сыграл на два фронта и тем, кстати говоря, вполне возможно, подал Сталину идею о «беспринципном право-левакском блоке».

В пьесе Юкио Мисимы «Мой друг Гитлер» Гитлер растолковывает зрителям (и читателям), что такое настоящая политика: «Удар – влево! Удар – вправо! И я в центре!» Иосиф Сталин так именно и поступал. С помощью «правых» разгромил неумных революционеров, поборников партдемократии. А потом взялся громить «правых».

Он справедливо полагал, что когда он возьмется проводить «левую» политику – ссыльные оппозиционеры охнут: «За что боролись? За что теперь страдать? С нашей правотой согласились не на словах, а на деле!»

В этот-то самый период Сокольников взялся доставить письмо Бухарина, почва из-под ног которого уходила, упывала, «отламывалась» – ссыльному Каменеву. Сокольников взялся свести правого Бухарина и левого Каменева.

Сокольников готов был соединить «правый уклон» и «левую оппозицию», дан-тонистов Октября и збертистов.

Все складывалось на редкость логично. Кому же еще и быть связующим звеном между «левыми» и «правыми», как не тому, кто разделяет взгляды «левых» на партийное строительство и взгляды «правых» на экономическую политику? Здесь не было «двурушничества», здесь была последовательная принципиальная позиция.

Сокольников не просто отвез письмо Бухарина Каменеву. Он организовал их встречу. На этой встрече Сокольников помалкивал. Иногда вставляя реплики. Например, напомнил присутствующим о теории «сладкой мести» Иосифа Сталина («Самое сладкое – крепко задумать, подождать, подкараулить, поймать – отомстить»²⁹).

Эта конспиративная встреча и была «звездным часом» Сокольникова. Вот в этот самый момент он и готов был исполнить возложенное на него судьбой – соединить честную революцию и честное госстроительство. Не удалось. Узнав о встрече и переговорах, Троцкий сформулировал свою позицию так: «Со Сталиным против Бухарина – да! С Бухарином против Сталина? Нет!»

Вслед за тем отпечатанный на машинке текст беседы Каменева, Бухарина и Сокольникова стал распространяться по Москве. Чуть позднее этот текст был напечатан в «Социалистическом вестнике» за границей³⁰.

Большего подарка Сталину придумать было нельзя. Был собран плenum, на котором разбиралось двурушничество Сокольникова и Бухарина. Каялись оба. После этакого ни Сокольников не желал ничего слышать о Бухарине, ни Бухарин о Сокольникове.

Понятно, что подобных историй Пастернак не знал и знать не мог. Понятно, что, изображая своего Стрельникова, он уберег его от внутрипартийной борьбы 20-х годов, от репрессий 30-х годов. Он уберег его даже от членства в партии. Стрельников – подчеркнуто беспартийный революционер, примкнувший к большевикам просто потому, что они самые последовательные и одновременно – самые дисциплинированные революционеры.

В этом случае, какой же Стрельников – Сокольников? В этом случае надобно вспомнить некоторые принципы отражения действительности в романе. Пастернак отбросил все самое важное для анкеты, для точной науки: национальность (Сокольников – еврей; Стрельников – русский) и социальность (Сокольников из достаточной интеллигентной медицинской семьи; Стрельников – бедняк, пролетарий), оставил самое незначащее – созвучие фамилий и характеров, внешнее сходство, особого рода одиночество, ну и собственное сочувствие. Ведь и своего alter ego, доктора Живаго, Пастернак избавляет от участия в советском литературном процессе, от поездки в Париж на Международный конгресс деятелей культуры, от участия в Первом съезде советских писателей, от стихотворения, посвященного Сталину.

²⁹ Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992. С. 257.

³⁰ К партийным конференциям. Партию с завязанными глазами ведут к новой катастрофе // Социалистический вестник (Берлин). 1929. 20 января.

Живаго умирает накануне всех этих событий. Так и Стрельников кончает с собой накануне эпопеи, внутрипартийной борьбы, репрессий. Смертью Живаго и самоубийством Стрельникова Пастернак упасает идеального поэта и идеального революционера от той (по его мнению) грязи, что случилась в жизни реальных поэта и революционера.

Здесь очевиден вздох сожаления не только по отношению к Сокольникову: «А ведь было бы лучше, если бы ты погиб в 20-м», но и по отношению к самому себе: было бы лучше выкинуть, зачеркнуть годы с 1929 по 1945, когда я взялся за роман. Об этом Пастернак писал близким людям, объясняя, что такое для него роман. Нечто вроде самоубийства или тех признаний, которые люди делали на политических процессах. Жестокое обновление жизни с полным зачеркиванием всей предыдущей, как раз то, что делает Стрельников, стремясь в романе, и что сделал Сокольников в жизни, признаваясь на процессе 1937 года в несуществующих преступлениях.

Нед. ведь скончалась одна из легенд

одной из величайших литературных эпох.
Скончалась о ХХ-миллениуме Боята некогда
одного из самых ярких представителей
литературной моды в СССР.
Скончалась легендарная писательница

Надежда Сокольникова, чьи романы
были любими многими поколениями
читателей и писателей, и чьи романы
вдохновляли многих писателей и писательниц
своим ярким языком, своеобразием и
стилем. Ее романы были переведены на
многие языки мира и получили широкую
оценку читателей. Ее романы были
переведены на многие языки мира и
получили широкую оценку читателей.

Александр Марголис

Биобиографический словарь политкаторжан второй половины XIX века

Александр Давидович
МАРГОЛИС

директор Фонда спасения
Петербург—Ленинграда

Автором сформирована база данных (403 биограммы политических каторжан второй половины XIX в.), первичная статистическая обработка которой позволила получить обобщенную характеристику эволюции численности и состава осужденных на каторгу за «государственные преступления» в период с 1861 по 1893 год.

Важным источником по истории политической тюрьмы и ссылки являются биографии участников освободительного движения. Организованные в виде формularios с единой структурой (биограмм), они представляют оптимальный объект статистического изучения. Так, можно группировать материалы по любому признаку, определять разнообразные обобщающие статистические характеристики, исследовать взаимосвязи между признаками, можно представить их в единой системе и выделить наиболее значимые факторы.

Биобиографический словарь политических каторжан второй половины XIX в. включает биограммы практически всех участников разночинского этапа революционного движения, осужденных на каторгу за «государственные преступления».

Словарь является хотя и вторичным (суммирующим первичные материалы), но внутренне единым источником. Ис-

amargolis@soros.spb.ru

точниковую базу биограмм Словаря составляют биобиографический словарь «Деятели революционного движения в России»¹, списки подсудимых на политических процессах 1860 – начала 1890-х гг.², списки и краткие биографические справки об узниках различных каторжных тюрем³, биографические справочники Всесоюзного общества политкаторжан⁴, биобиографический словарь В.А.Дьякова⁵, автобиографии революционных деятелей 1870–1880-х гг., опубликованные в Энциклопедическом словаре Гранат (т.40).

Особую группу источников представляют мемуары политкаторжан, многочисленные некрологи, опубликованные на страницах журналов «Былое», «Минувшие годы», «Каторга и ссылка», «Пути революции» и в других периодических изданиях. В числе архивных материалов, использованных при создании Словаря, – списки политических ссыльных в Сибири и на о. Сахалин за 1891–1896 гг., отложившиеся в фонде Департамента полиции⁶, документы фонда Комендантского управления Петропавловской крепости⁷, материалы Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Таким образом, извлекая сведения из различных документов, мемуаров, биографических справочников и т.д., удалось создать новый источник для социолого-статистического изучения политической категории. Каждая биограмма содержит определенное количество признаков, составляющих унифицированную «учетную карточку». Естественно, добиться полной равнотенности всех биограмм практически невозможно, далеко не все из них содержат полный набор выделенных нами характеристик, не всегда удавалось избежать последствий разнохарактерности первоисточников и т.д. Однако собранные и систематизированные данные обладают достаточной полнотой для вполне определенных выводов.

Из биограмм на данном этапе исследования отобраны для анализа сведения о возрастном, половом, сословном и социально-профессиональном со-

¹ Деятели революционного движения в России. Биобиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1927–1934. Т.1–3, 5. Словарь содержит свыше 16 тыс. биографий.

² Лемке М.К. Политические процессы 60-х годов. М.; Пг., 1923; Троцкий Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1978; Он же. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983.

³ Осмоловский Г. Кашийцы (Материалы для статистики русского революционного движения // Минувшие годы, 1908, №7; Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 3-е изд. М., 1924; Черновский М. Список политических каторжан, содержавшихся в харьковских центральных каторжных тюрьмах в 1874–1880 гг. // Каторга и ссылка, 1924, №5; Куниль А.А. Долгушинцы. М., 1931; Венедиктов-Безюк Д.Г. По казематам Шлиссельбургской крепости. 2-е изд. М., 1931; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т.3; Сенченко И.А. Революционеры России на Сахалинском каторге. Южно-Сахалинск, 1963; Дулов А.В. Революционеры шестидесятых годов в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири // Иркутск, 1973.

⁴ Участники русского и польского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Биографический указатель членов Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1927; Политическая каторга и ссылка. Биогр. справочник членов о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934.

⁵ Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. (Биобиографический словарь). М., 1967.

⁶ ГАРФ. Ф.102. 5-е делопроизводство. 1887 г. Д.27213. Там же. 1891 г. Оп.127. Ч.3. Д.8357. Там же. 1894 г. Оп.130. Д.222. Ч.2. Лит.А. Там же. 1896 г. Д.40. Ч.2. Лит.А.

⁷ РГИА. Ф.1280. Оп.6. Д.225, 232, 243, 249; Там же. Оп.8. Д.762.

ставе, принадлежности к революционным организациям, характере судебных процессов, приговорах, местах заключения осужденных на каторгу за «государственные преступления» в период с 1861 по 1893 год⁸.

Избранные для словаря хронологические рамки не являются произвольными. Первым из революционных демократов был сослан на каторгу в декабре 1861 г. М.И.Михайлов. Последний каторжный приговор за «государственное преступление» в XIX в. был вынесен Петербургской судебной палатой членам боевой дружины партии «Народное право» Б.И.Еллинскому и С.С.Соловьеву в сентябре 1893 г.

Численность. В 1860-е гг. осуждено на каторгу 44 чел., в 1871–1881 гг. – 185, в 1882–1893 гг. – 174. Обращают на себя внимание значительное повышение численности осужденных на каторгу в 1870-е гг. по сравнению с 1860-ми (более чем в 4 раза) и уменьшение, хотя и незначительное, количества каторжных приговоров в период реакции 1880-х гг. Последнее свидетельствует о том, что при общем нарастании масштаба репрессий внесудебная расправа постепенно превращается в главный метод борьбы с освободительным движением⁹. Эволюция численности осужденных на каторгу имеет скачкообразный характер, однако в целом преобладает тенденция к возрастанию числа политкаторжан с середины 1870-х гг. За десятилетие между 1876 и 1885 гг. осуждено 275 чел., т.е. почти 70% общего числа. Именно рубеж 1870–1880-х гг. был отмечен максимальным размахом борьбы революционных народников с самодержавием.

Возрастной состав. Возраст приговоренных к каторге колебался от 17 до 54 лет. Молодежь составляла преобладающее большинство: до 25 лет – 40,6% и от 25 до 30 лет – 42,7%. Осужденных старше 30 лет было всего 16,7%. Возрастная структура каторжан имеет свои особенности. Их средний возраст несколько выше аналогичного показателя среди участников революционного движения в целом, и на протяжении рассматриваемого периода он постепенно возрастает: если в 1860–1870-е гг. средний возраст осужденных был чуть больше 24 лет, то в период 1880-х – начала 1890-х гг. достигает уже 27 лет. Это след отраженной в отечественной литературе тенденции постепенного «старения лидеров» народнического движения¹⁰.

Половой состав. Важной особенностью разночинского этапа освободительного движения является участие в нем женщин. В 1877 г. на «процессе 50-ти» женщинам (С.И.Бардиной, О.С.Любатович, А.С.Хоржевской) были впервые вынесены каторжные приговоры, замененные затем ссылкой на поселение.

⁸ В словарь не включались участники национально-освободительной борьбы на окраинах Российской империи, в том числе польские повстанцы 1863 г. Исключение сделано только для членов польской партии «Пролетариат», которые неотделимы от истории политической каторги на Каве, Сахалине и в Шлиссельбурге второй половины 1880-х – начала 1890-х гг.

⁹ Если в 1880 г. в России насчитывалось около 1200 административно-ссыльных, то к 1 января 1901 г. их число возросло в четыре раза и достигло 3838 человек (Марголис А.Д. Административная политическая ссылка в России в 80–90-х годах XIX в. // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л. 1977. С.33–36).

¹⁰ Лурье Л. Я. Эволюция численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения на дворянском и разночинском этапах (по материалам библиографического словаря «Деятели революционного движения в России»). Автореф. дисс. к.и.н. Л., 1988. С.7, 10.

ние. В декабре 1878 г. на Кару была доставлена осужденная на «процессе 193-х» Е.К.Брешко-Брешковская. С этого времени начинается история женской политической каторги в России. Всего за период с 1878 по 1891 г. царские суды отправили на каторгу 44 женщины, что составляет около 11% всех политкаторжан – участников революционного движения второй половины XIX в.

Сословный состав. Из 382 лиц, сословное происхождение которых удалось установить, 147 человек были дворяне, т.е. доля дворян среди активных революционеров на протяжении 1860–1890-х гг. оставалась весьма значительной. При этом процент дворян на каторге был существенно выше, чем среди участников революционного движения в целом (соответственно 38,5 и 28,7%). Выходцы из других неподатных сословий составляли 27,2%, из мещан и крестьян – 33,8%. С изменением характера движения эволюция сословного состава шла в сторону вытеснения дворян разночинцами. Если в 1860-е гг. доля дворян составляла 50%, то в 1870-е она сократилась до 40%, а в 1880-е – начале 1890-х упала до 29,3%. Удельный вес крестьян и мещан среди осужденных на каторгу за «государственные преступления» непрерывно возрастал (1860-е гг. – 11,4%, 1870-е – 29,8%, 1880-е – начало 1890-х гг. – 39,7%).

Социально-профессиональный состав. Анализ имеющихся данных свидетельствует о том, что сословное происхождение не является определяющим фактором для пореформенного периода. Доказано, что в течение разночинского этапа большинство революционеров рекрутировалось из среды учащейся молодежи и профессиональной интеллигенции. Наши данные в целом подтверждают этот вывод, однако характерно, что доля студентов среди осужденных на каторгу сократилась с 45,5% в 1860-е гг. до 14,4% в 1882–1893 гг.

Одной из важнейших вех в истории освободительного движения было формирование особого социального типа – профессионального революционера. Первой группой профессиональных революционеров, сложившейся в середине 1870-х гг., были руководители народнического движения. Большинство из них начали революционную деятельность в период «рождения в народ». Представители этой группы продолжали руководить «Землей и волей» и «Народной волей» вплоть до разгрома последней. Профессиональные революционеры составляли 18,4% осужденных на каторгу в 1870-е гг., а в 1882–1893 гг. их было уже 28,7%. Если учесть, что в общей массе участников движения доля профессиональных революционеров никогда не превышала 3–4%, высокий удельный вес их в составе политической каторги является существенной особенностью ее социальной структуры в этот период.

Первым из русских рабочих был осужден на каторгу за «государственное преступление» в октябре 1874 г. петербургский слесарь М.П.Малиновский. Всего за исследуемый период было 53 политкаторжанина из рабочих. Рабочие составляли примерно пятую часть всех участников освободительного движения этого периода. Их доля в социально-профессиональной структуре политической каторги оставалась стабильной на протяжении 1870 – начала 1890-х гг. и была примерно пропорциональной их участию в движении – около 15%.

* Лурье Л.Я. Указ. изд. С.9.

Организационная принадлежность. Среди политических каторжан были представители практически всех революционных организаций и кружков второй половины XIX в. – от комитета «Великорусса» 1861 г. до народоправцев начала 1890-х гг. Из 343 человек, организационную принадлежность которых удалось определить, самую большую группу составляют члены «Народной воли» (150 человек или 43,7%), а 104 человека (30,3%) входили в состав различных народнических кружков 1870-х гг. (долгушинцы, «Большое общество пропаганды», «Москвичи», кружок «Бунтарей», кружки М.Я.Геллиса, И.И.Басова, Д.Т.Буцинского, И.М.Ковальского, С.Я.Виттенберга и др.). Затем идут члены польской партии «Пролетариат» – 24 человека (7%), «Земли и воли» 1870-х гг. – 12 (3,5%), Южно-русского рабочего союза – 8 (2,3%), ишутинцы – 8 (2,3%), представители «Черного передела» – 6 (1,7%), «Народной расправы» – 5 (1,5%), участники «Казанского заговора» – 5 (1,5%), «Земли и воли» 1860-х гг. – 3, партии «Народное право» – 2, Сибирской организации Г.Н.Потанина – Н.М.Ядринцева – 1, Северного союза русских рабочих – 1, группы «Освобождение труда» – 1 и др.

Оценивая роль политической каторги в истории освободительной борьбы второй половины XIX в., важно отметить, что в числе политкаторжан оказались многие наиболее активные революционеры, в том числе руководители и идеологи движения. Среди них вождь революционных демократов Н.Г.Чернышевский, а также М.И.Михайлов, П.Г.Зайчневский, В.А.Обручев, Г.Н.Потанин, Н.А.Ишутин, С.Г.Нечаев, А.В.Долгушин, И.Н.Мышкин, П.А.Алексеев, В.П.Обнорский, Е.О.Заславский, П.И.Войнарльский, А.Д.Оболешев, М.Р.Попов, Л.Варынский, 26 членов Исполнительного комитета и Распорядительной комиссии «Народной воли». С начала 1880-х гг. именно народовольцы определяли лицо политической каторги.

Суды. Дореформенными судами (суд Сената и различные военные суды) был осужден 31 революционер. Судебные уставы 1864 г. предписывали рассматривать государственные преступления в общем порядке – либо в судебных палатах, либо, в исключительных случаях, Верховным уголовным судом. Однако этими судебными инстанциями было вынесено лишь 27 каторжных приговоров, т.е. менее 7%. Существенный шаг в судебной контролреформе был сделан в 1872 г. учреждением Особого присутствия Правительствующего Сената (ОППС). Уже к 1873 г. политические дела большей частью оказались изъяты из общего порядка судопроизводства. ОППС вело политические дела с большими отклонениями от судебных уставов, зачастую при закрытых дверях. В 1870–1880-е гг. ОППС осудило на каторгу 97 революционеров (24,6%). Однако большинство политкаторжан судилось не в гражданских, а в военных судах, в ведение которых законы от 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г. передавали дела о «государственных преступлениях». В 1878–1893 гг. 237 человек попали на каторгу по приговорам военно-окружных и временных военных судов, что составляет более 60% всех политкаторжан второй половины XIX в. Наибольшее число каторжных приговоров вынесли военно-окружные суды Киева (61), Петербурга (55), Одессы (52), Варшавы (24), а также Якутский военный суд (20).

Приговоры. 93 человека (23,4%) были приговорены первоначально к смертной казни, а затем «помилованы» вечной или срочной каторгой. Сведения об окончательных приговорах удалось собрать на 397 человек. Из них 118

(29,7%) были каторжными I разряда, т.е. осуждены на 20 лет или без срока, 171 человек (43,1%) – II разряда (от 8 до 20 лет) и 108 политкаторжан (27,2%) осуждены на срок до 8 лет.

Места заключения. Главным центром сосредоточения осужденных революционеров была Нерчинская каторга (в 1860-е гг. – преимущественно Александровский Завод, в 1870–1880-е гг. – карийские тюрьмы, с начала 1890-х – Акатуй).

Наряду с Нерчинской каторгой использовались тюрьмы европейской России: в 1875–1880 гг. – харьковские централы, с июня 1880 по декабрь 1884 г. – Трубецкой бастион и Алексеевский равелин Петропавловской крепости, с августа 1884 по октябрь 1905 г. – Шлиссельбургская крепость. Для этих тюрем был установлен особый режим, который определялся не законом, а особыми инструкциями. В основу режима был положен принцип одиночного заключения, не предусмотренный «Уставом о ссыльных». Сюда были заключены наиболее опасные, с точки зрения правительства, революционеры.

С 1886 года еще одним центром политической каторги стал остров Сахалин. В 1890–1892 гг. осужденные на каторгу участники «якутского протеста» содержались в Вилуйском остроге в Якутии. Кроме того, в отдельных случаях политкаторжане содержались при иркутских каторжных заводах, в Александровском центrale, Иркутской, Красноярской, Тобольской, Верхнеудинской и Виленской тюрьмах, Мценской и Вышневолоцкой пересыльных тюрьмах, Свеаборгской крепости.

На Нерчинской каторге в исследуемый период находились 289 человек, из них на Каме – 213, в Акатуе – 32. Каторгу в Петропавловской крепости отбывали 74 человека, в харьковских централах – 50, в Шлиссельбурге – 48, на Сахалине – 31 человек, в Вилуйске – 19. Важно отметить, что 40% осужденных отбывали каторгу в двух и более тюрьмах. Так, Н.А.Ишутин в 1866–1879 годах последовательно содержался в Шлиссельбурге, Алгачах, Александровском руднике и умер на Каме; А.В.Долгушин из Новобелгородского централя был переведен на Каму, оттуда – в Петропавловскую крепость, а затем помещен в Шлиссельбург, где скончался; А.В.Якимова начала свой каторжный путь в Петропавловской крепости, продолжила в Карийской тюрьме, а закончила в Акатуе и т.д.

Жизненный путь после приговора. Удалось проследить до конца судьбы 330 политкаторжан из числа осужденных в 1861–1893 гг. Из них 118 человек (36%) погибли на каторге и поселении, 25 сошли с ума. Из числа погибших: двое казнены в Шлиссельбурге (Е.И.Минаков и И.Н.Мышкин), 26 человек покончили жизнь самоубийством (17 – на каторге), 90 умерли от болезней (66 – на каторге). Из 187 оставшихся в живых и сохранивших рассудок после долгих лет каторги и поселения 65 человек (35%) продолжили революционную деятельность на новом этапе освободительного движения. Больше половины из них вновь подвергались репрессиям и вновь продолжали борьбу с царским режимом.

До свержения самодержавия было суждено дожить лишь трети политкаторжан второй половины XIX в. (133 человека). Свыше 60 ветеранов революции стали членами Всесоюзного общества политкаторжан и сыграли важную роль в изучении царской политической каторги.

Константин Морозов

«Социалисты и анархисты – участники сопротивления большевистскому режиму...» методологические и источниковедческие проблемы составления словаря

Константин Николаевич
МОРОЗОВ

кандидат исторических наук,
НИПЦ «Мемориал», (Москва)

Словарь представляет собой общий список социалистов, в котором фиксируется самый минимальный набор параметров, позволяющих идентифицировать человека: фамилия, имя, отчество, партийный и литературный псевдонимы, даты жизни; партийная принадлежность. Как и биосправочник, Словарь ставит перед собой задачу увековечить память каждого члена данного социума, не ограничиваясь, как обычно, лишь именами нескольких десятков или сотен партийных лидеров и видных функционеров. Это первая попытка, ставящая такую цель в отечественной и мировой исторической науке, – попытка, опирающаяся на интеллектуальные ресурсы московского и питерского «Мемориалов» и на архивные материалы, собранные ими в ходе многолетней работы (составители Словаря – И.С.Заикина, В.В.Иофе и К.Н.Морозов, отв. редакторы – А.Б.Рогинский, К.Н.Морозов и И.А.Флиге).

Особо отметим, что Словарь и материалы к биосправочнику – не окончательное подведение итогов предыдущих исследований, а закладывание фундамента последующих.

Установка на охват всего социума уже сама по себе (безотносительно к имманентно присущим теме сложнос-

там) породила целый ряд методологических и источниковедческих проблем. При относительно слабой изученности темы, находившейся под запретом вплоть до конца 80-х годов XX в., к данному моменту в научный оборот введены лишь сотни имен, тогда как речь идет о тысячах (опыт последних полутора десятилетий показывает, что этот процесс грозит затянуться на многие десятилетия). Проработанность и освоенность темы сопротивления социалистов и анархистов большевистскому режиму (и не только в биографическом плане) явно недостаточна для решения поставленной цели, что создает разные проблемы вроде невозможности сверки по опубликованным источникам фамилий, извлеченных из документов ВЧК–ГПУ–ОГПУ и содержащих массу опечаток и путаницу (из-за низкого уровня грамотности и культуры делопроизводства), и бессилия занимающихся данной проблематикой специалистов, знающих имена лишь малой части своих «подопечных». Поэтому была принята установка на придание всей работе диалогового характера и привлечение информации извне с помощью специализированного веб-сайта.

Мы надеемся, что и Словарь, и Справочник приладут новый импульс исследованию темы, вооружат региональных историков и краеведов знанием имен, с которыми они смогут обратиться в местные архивы ФСБ, где и скрыта подавляющая часть источниковской базы. Ведь парадокс ситуации состоит в том, что созданная в недрах ВЧК–ГПУ–ОГПУ карточная система оперативного учета социалистов и анархистов с физическим уничтожением «подучетных элементов» и ликвидацией отделений Секретного Отдела ВЧК–ГПУ–ОГПУ, занимавшихся меньшевиками, эсерами, левыми эсерами, анархистами, можно сказать, «рассосалась» естественным образом. Учетные карточки были изъяты из картотек и по большей части подшиты в дела заключенных, а сама учетная система социалистов и анархистов вряд ли дожила до конца 50-х годов. Самым коротким и эффективным путем к возвращению имен тысяч социалистов и анархистов, боровшихся с режимом и подвергшихся репрессиям в 1920–1930-е годы, могло бы стать знакомство с описями и делами Секретного Отдела ВЧК, а также Секретного Отдела (позже Секретно-оперативного управления) ГПУ–ОГПУ и соответствующих структур НКВД. Ведь именно Секретный Отдел, а позже СОУ центрального аппарата в лице своих многочисленных специализированных отделений, а также СО губернских (областных) отделов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД развивали непосредственную оперативно-разыскную и агентурную деятельность против различных политических противников режима. Искать отдельные списки социалистов и анархистов (например, списки эсеров, числящихся за 3-м отделением СО ВЧК на 1 декабря 1921 г. или списки меньшевиков, высыпаемых в административную ссылку осенью 1922 г.) следовало бы именно в недрах этих отделений и самого СО–СОУ, а также в их докладах в Секретариат ВЧК, в Секретариат и Коллегию ГПУ–ОГПУ, а позже – в соответствующие структуры НКВД (безусловно, систематизированную информацию о социалистах можно будет найти в описях и делах ряда других структурных подразделений и органов данных ведомств). Но организация продуктивной работы историков с описями и делами всех этих фондов в центральных и региональных архивах ФСБ РФ для возвращения имен тысяч социалистов и анархистов (а также подробнейшего исследования двух

последних десятилетий жизни, борьбы и гибели этих людей и их социума в целом), смеем надеяться, ждет нас еще впереди.

Пока же существует парадоксальнейшая ситуация, когда в архивах ФСБ (как в центральном, так и в архивах местных управлений) для наведения справок от исследователя потребуют конкретных фамилий, которых он, как правило, не знает. Это создает замкнутый круг – для исследования данной проблематики и извлечения из небытия многих тысяч имен нужна работа в архивах ФСБ и МВД (там хранятся дела заключенных), нужны запросы в ГИЦ (Главный информационный центр) МВД, а для этой работы... нужно уже знать все эти тысячи и тысячи имен. Именно насущная потребность в обретении этих тысяч имен как своего рода ключа к архивам ФСБ и МВД и заставила искать обходные пути и собирать информацию из других источников.

Мы надеемся, что появление Справочника, подготовительных материалов и специализированного веб-сайта будет способствовать не только дальнейшему изучению судеб социалистов и анархистов – участников сопротивления большевистскому режиму, но и более глубокому исследованию множества различных сюжетов, связанных с данной темой, что, в свою очередь, приведет к появлению соответствующей энциклопедии и новых статей и монографий, авторы которых, как и мы, будут продолжать те традиции исследования тем «социалистического» сопротивления большевистскому режиму и «субкультуры российского революционера», которые были заложены на рубеже 1970–1980-х годов в сборниках «Память», и альманахе «Минувшее», а затем в начале 90-х в альманахе «Звенья» (а также в нелегально составленных в семидесятые годы XX в. одним из создателей сборников «Память» по устным опросам уцелевших меньшевиков «Материалы к словарю социал-демократов» почти на 500 человек), – традиции и исследовательские подходы, вошедшие составной частью в кровь и плоть «Мемориала». Эти традиции и подходы появились не на пустом месте, сами они стали продолжением (или попыткой продолжения) традиций «Былого», «Голоса минувшего», «Голоса минувшего на чужой стороне», «Каторги и ссылки», «Социалистического весенника», «Революционной России», «Воли России», «Современных записок» и «Нового журнала», глубинно чуждых господствовавшей в стране официальной идеологии и мифам, totally внедряемым в сознание миллионов читателей «Истории КПСС». Но и сегодня, когда на смену старым мифам пришли новые (не менее далекие от истины, чем старые), потребность в объективном постижении своего прошлого вовсе не исчезла. Постижение собственной истории и восстановление исторической правды логично и неизбежно ведет к отказу от некоторых стереотипов и упрощенных взглядов, которыми до сих пор буквально нашпиговано общественное сознание.

Идея использования различных форм организации биографического материала – а это Словарь, «биограммы» (краткие биографические справки, особенность которых заключается в том, что параметры биограммы не задаются заранее, как этого требуют законы энциклопедического жанра, а «плавают» в зависимости от наличия информации о конкретном человеке и от типа использованного исторического источника) и биографические статьи – и создания серии печатных выпусков «подготовительных материалов к биографичес-

кому словарю» (параллельно с размещением этих материалов на веб-сайте «Мемориала» в Интернете) родилась из необходимости систематизировать в высшей степени разнородную, несоизмеримую и неравноценную информацию о социалистах и анархистах, которая была собрана в ходе многолетней работы «Мемориала». О ком-то из наших героев мы в состоянии уже сейчас написать полноценные энциклопедические статьи, в которых будут отражены все требуемые для таких статей параметры (от дня и места рождения и смерти до всех важных вех жизни и эволюции политических взглядов). Но таких более или менее полноценных статей (без проведения дополнительных целенаправленных архивных изысканий, требующих много времени и сил) об оппозиционно настроенных социалистах, которые изучались не в пример хуже большевиков, сегодня, опираясь на ряд работ последнего десятилетия, можно написать в лучшем случае лишь несколько десятков.

О сотнях людей мы сегодня располагаем только отрывочными данными, рисующими лишь отдельные куски их жизни. Но «белые пятна» порой скрывают важнейшую, ключевую информацию, без которой не то что небольшую биографическую справку не напишешь, но и не ответишь на вопрос, что стало с этим человеком после последнего упоминания о нем в найденных нами источниках, скажем, в 1925 или 1933 г.

А вот о тысячах социалистов и анархистов мы имеем только крупицы информации, выловленные из писем в Политический Красный Крест (позже – Помощь Политическим Заключенным) или статей эмигрантской социалистической прессы (отражающей, скажем, лишь местопребывание данного социалиста в определенное время, участие его в голодовке, отправку из такой-то тюрьмы в такую-то ссылку и т.д. и т.п.).

Превращение всех этих весьма скучных и разрозненных кусков информации на несколько тысяч социалистов в полноценные биографические статьи, дающие более или менее цельное представление о личности данного человека и его жизненном пути, и составляет нашу цель, к которой мы стараемся прийти, но ее достижение неизбежно растягивается на многие и многие годы. Поэтому мы вынуждены нашу работу разбить на три этапа, каждому из которых будет соответствовать своя схема компоновки биографического материала. На первом этапе – это составление и постоянное пополнение общего списка социалистов (Словаря), на втором – написание биограмм (кратких биографических справок), на третьем – превращение их в полнокровные биографические статьи.

Необычность и новизна публикуемого Словаря (как первого выпуска материалов к биосправочнику) также и в том, что впервые в отечественной и зарубежной исторической науке в качестве перспективной ставится цельувековечения памяти каждого члена данного социума. На сегодняшний день Словарь включает в себя около 12000 социалистов и анархистов, находившихся в оппозиции к большевистской власти, но в ходе последующей работы (с помощью историков и родственников, а также за счет работы в ранее недоступных архивах) он будет уточняться и пополняться.

Словарь состоит из двух частей. Первая – «Основной список социалистов и анархистов – участников сопротивления советскому режиму (25 октябрь

ря 1917 – конец 1930-х годов). Список построен на принципе принадлежности к социуму и к борьбе с большевистским режимом. Костяк этого списка составляют социалисты и анархисты, чье участие в сопротивлении режиму и партийная принадлежность сомнению не подлежат. Но в целом ряде случаев есть сомнения в партийной принадлежности того или иного человека, и тогда мы указываем предполагаемые партийности, о которых имеются сведения. Если в письме в ПКК писалось о социалисте, то мы используем формулировку «Партийность не определена».

В этот же список вошли все персонажи с формулировкой «Б/п, проходил по делу», «Б/п, близок к...», «Б/п, примыкал к...», «По делу...», «Близок к...», «Примыкал к...». Сюда же мы включаем последовавших за мужьями в ссылку жен социалистов и анархистов, чья партийная принадлежность нам неизвестна. В этих случаях мы ограничиваемся указанием факта супружества.

Вторая часть – «Социалисты и анархисты из "Погубернского списка членов антисоветских партий, взятых на учет Органами ВЧК по 18 октября 1921 года" (М. 1921)» – составлена исключительно на материалах чекистской брошюры, содержащей сведения о 3178 человеках (всего лишь несколько десятков из них не социалисты и не анархисты).

Структура справки первой части Словника следующая:

ФИО, партийные и литературные псевдонимы, нелегальные фамилии
Даты жизни
Партийность
Сведения о родственниках, принадлежавших к социуму

Вот как выглядят справки первой части Словника:

ЧЕРНОВ Борис Викторович
(1900–1933)
Социалист-революционер.
(Отец – Чернов В.М., мать – Слетова А.Н., жена – Иоффе О.Л.)
ФЕДОДЕЕВ Александр Васильевич (партийный псевд. «Крепыш»)
(1899–10.09.1937)
Социалист-революционер.
(1-я жена – Бруштейн Ц. Е., 2-я жена – Олицкая Е.Л.)

Вот как выглядят справки второй части Словника, составленной на материалах «Погубернского списка»

НЕВЕДИН Иван Гаврилович
(ок.1885–?)
Социал-демократ.
Нижегородская губерния
НЕЛЮБОВ Яков Андреевич
(ок.1891–?)
Анархист.
Вологодская губерния

Наш Словник – это своего рода рабочий список, в который будут вноситься новые имена, уточняться партийность, исправляться ошибки, ведь главная его задача – это наметить границы нашего знания. Такой подход объясняется нашим желанием придать импульс развитию темы, дать необходимую основу для приращения информации, имеющейся у сотен исследователей и родственников. Более того, 3178 справок на социалистов и анархистов содержат информацию о губернии, в которой они жили в конце 1921 г., когда были взяты на оперативный учет органами ВЧК. Это значит, что уже сегодня региональные исследователи, не дожидаясь выхода остальных выпусков биосправочника, смогут направить запросы в региональные отделы ФСБ – запросы, содержащие минимум информации (ФИО, год рождения, место проживания), достаточный для нахождения в архиве материалов о данном конкретном человеке.

Крайне остро встали перед составителями проблемы определения границ самого объекта исследования, в том числе и в силу неопределенности понятия «выявление оппозиционности» и негодности чисто формальных подходов вроде формального членства в партии. В результате долгих обсуждений было решено использовать совокупность критериев.

Главным принципом включения в список того или иного социалиста или анархиста является совокупность двух критериев: его позиционирование себя социалистом или анархистом и его противостояние режиму в достаточно явной и зримой форме после 25 октября 1917 г. Третьим, дополнительным критерием мы считаем факт позиционирования его как оппозиционного социалиста самой властью, в том числе и факт применения к нему репрессий (например с постановкой на оперативный учет), ибо репрессия есть наиболее зримое позиционирование (маркирование) властью данного индивидуума как оппозиционного ей и опасного для нее человека.

Понадобилась именно совокупность этих критериев, т.к. поодинокче они не охватывают всей парадоксальности жизненных ситуаций и коллизий, которыми насыщена наша история. Отдельно взятый критерий принадлежности к оппозиционной советскому режиму партии в данном случае «не работает» – ведь тогда по формальному признаку в наш Словник должны попасть все члены оппозиционных советскому режиму социалистических партий, числившиеся в них после 25 октября 1917 г. Но мы знаем, что именно после 25 октября 1917 г. процесс ухода «мартовских» эсеров и меньшевиков из своих партий принял лавинообразный характер (ведь эти люди шли в «полуправящие» партии и неожиданно для себя оказались в оппозиционных). Уход начался в конце лета – начале осени 1917 г., но захватил и часть 1918 г. Эти люди, числясь еще от одного до нескольких месяцев в своих партийных организациях, практически полностью бездействовали, а позже покидали их, просто «голосуя ногами». Но формально той же весной 1918 г. в этих партиях чисились многие десятки тысяч членов.

Конечно же, мы не можем взять на себя обязательства выявления имен каждого из них, и прежде всего потому, что это сегодня и невозможно осуществить практически, так как документальные следы их пребывания в партиях либо вовсе отсутствуют, либо минимальны. С одной стороны, в условиях подпольного положения этих партий шифрованные списки членов местных организаций (там, где их составляли) уничтожались при первой же угрозе

обысков и арестов, и их можно считать безвозвратно утерянными. С другой стороны, большинство этих «мартовских» членов партий просто бездействовали и в силу своего бездействия и кратковременности пребывания в партиях, вероятнее всего, не успели попасть в поле зрения ВЧК (которая, к тому же, как минимум до середины 1918 г. находилась в стадии становления и професионализмом своих набранных «с бору по сосенке» сотрудников похвастаться не могла). Про «мартовских» социалистов можно сказать, с точки зрения будущей безопасности, что они «вовремя ушли», ускользнув от пока еще недостаточно бдительного взгляда чекистов.

Поэтому мы вводим критерий «позиционирования себя социалистом» и не-вступления в правящую коммунистическую партию. Но под этот, самый широкохватный, критерий попадут все, кто продолжал считать себя социалистом, находящимся в некоей оппозиции к власти, и не становился коммунистом, в том числе и те, кто вовне эту оппозиционность не проявлял, превратившись в обычного. С целым рядом старых социалистов, подобно В.Н.Фигнер, писавших письма с протестами против преследований социалистов и против смертной казни и пытавшихся действовать в манере своеобразной «бархатной оппозиции» (но все же оппозиции, хоть как-то проявлявшейся вовне), все понятно – их следует включать в наш список. Но ведь было огромное число социалистов и анархистов, в том числе и с дореволюционным стажем, совершенно ушедших в личную жизнь и ничего не предпринимавших. И тут начинает «работать» второй критерий – явного и зримого противостояния режиму после 25 октября 1917 года.

Что касается третьего (дополнительного) критерия, то с 1918 г. до (условно говоря) 1929–1930 репрессировали действительно более или менее за дело (ошибки были лишь из-за перестраховки или непрофессионализма чекистов, но их количество было невелико), и этот критерий в целом будет работать.

Поэтому наличие фамилии социалиста или анархиста в брошюре «Погубернский список членов антисоветских партий, взятых на учет Органами ВЧК по 18 октября 1921 года» (М., 1921), составленной на основе данных оперативного чекистского учета, а также факта применения к социалисту репрессий до рубежа 1920–1930-х годов достаточны для включения его в наш Словарник.

Таким образом, если чекисты в 20-е годы считали человека социалистом или анархистом и отправляли его в политизолятор, то иногда с ними в определении его таковым (или хотя бы политзаключенным) следует согласиться. Например, немало случаев, когда человек являлся беспартийным, но был репрессирован по делу эсеров или за анархистскую литературу или как попавший в «оперативные учеты» ВЧК–ГПУ–ОГПУ только из-за факта дружбы с «оппозиционным социалистом». Если он не становился ренегатом на допросах и был принят среди социалистов, то постепенно он и по существу становился одним из них – политзаключенным. Что-то подобное, похожее, происходило и с молодежью и студентами в 1923–1925 гг. Молодежь колебалась в своих партийных симпатиях и определялась с ними уже только под воздействием старых социалистов в политизоляторах и ссылках, т.к. на воле их практически не было. Подобное можно сказать и о женах социалистов (а судьба их детей, часто находившихся с ними в ссылках и продолживших лагерный путь своих родителей, вообще мало поддается «втис-

киванию» в какие-либо формальные рамки). Поэтому, хотя мы порой и не в состоянии уверенно сказать про данного человека, что он член такой-то партии, да и социалист ли он вообще, мы считаем, что его все равно надо включать в наш Словник. Ведь если имела место ошибка следствия и суда и сажали случайного человека (такое было относительно часто даже до революции, не говоря уже о чекистской практике), то у него всегда был выход: доказать свою случайность «откровенными показаниями», «прощением о помиловании» (а в советское время появились еще и «дача подписки о невступлении впредь» и подача объявления в газету о своем выходе из партии и отказе от прежних взглядов) и «недостойным» поведением в тюрьме и ссылке. Если же человек приживался в среде политзаключенных (хотя порой мы и не знаем, стал ли он социалистом), мы его включаем в список. В нашем Словнике такие персонажи обозначены двумя способами: «Б/п, по делу...» или «Б/п, близок к...».

Но вот что делать с этим критерием после 1930 г. (а особенно после 1935–1936), когда ярлыки и сроки приклеивались огульно? Как своих противников власти начинают позиционировать и людей аполитичных, нейтральных, лояльных, бывших эсеров, меньшевиков и анархистов, давно уже ставших членами ВКП(б), вешая на них анекдотически нелепые обвинения вроде участия в «к/р эцеро-бундовской террористической организации», в «а/с террористической меньшевистско-эсеровской организации в Московской коллегии адвокатов», в «нелегальной к/р шпионско-террористической организации харбинских эсеров, меньшевиков и двурушников в ВКП(б)», в «к/р террористической повстанческо-диверсионно-эсеровской организации "Крестьянский Союз"», в участии в «к/р эцеро-меньшевистской группе» и т.п. Все эти люди, в том числе и бывшие социалисты и анархисты, по самому факту применения к ним репрессий включены и будут еще включаться в многочисленные «книги памяти».

Иногда отличия реального «оппозиционного социалиста», прошедшего через тюрем и ссылок в 20–30-х, от того, кого власть таковым назначила за пребывание в социалистических партиях до революции или в 1917 г., видны невооруженным глазом. Во-первых, единственный арест датируется сразу 1937–1938 гг., а во-вторых, даже если не отмечено членство в ВКП(б), то все равно многих из них видно по профессиям (всякого рода главные бухгалтеры, юрисконсульты и т.д. и т.п.), в то время как практически все «оппозиционные социалисты», блуждавшие все 20-е годы по политизоляторам и ссылкам, к «приличным» профессиям на пушечный выстрел не подпускались (исключения вроде врача Д.Д.Донского и инженера-электротехника А.И.Альтовского были, но нечасто).

Однако критерий «применения репрессий» не только поэтому должен быть лишь вспомогательным. Ведь в Словник включаются все социалисты и анархисты, боровшиеся с советским режимом (вне зависимости от длительности этой борьбы и дальнейшей судьбы), в том числе и социалисты-эмигранты, не подвергавшиеся репрессиям.

Мы старались выявить (когда это представляется возможным) и обязательно включить в Словник следующие категории членов партий:

- члены ЦК и Организационных бюро областных, губернских, городских, районных, уездных комитетов социалистических партий;

- кандидаты и члены партийных фракций Учредительного Собрания;
- члены Заграничных Делегаций и заграничных групп содействия партии;
- делегаты общепартийных съездов и Советов партии, съездов и конференций областных, губернских, городских, районных, уездных партийных организаций;
- члены редколлегий, сотрудники, партийные публицисты и корреспонденты центральных, местных и эмигрантских социалистических журналов и газет, а также авторы подпольных листовок и обращений (включая гектографированные, машинописные и рукописные), конечно, в случае расшифровки псевдонимов и установления авторства;
- члены партии, характеризующиеся соответствующим образом в партийной и эмигрантской прессе, в некрологах, в более поздних воспоминаниях своих товарищей, в личной и партийной переписке;
- члены партии, характеризующиеся соответствующим образом органами ВЧК и вообще коммунистами разного уровня, боровшимися с ними;
- члены партии, подписавшие разного рода коллективные протесты (прежде всего касающиеся политических свобод и борьбы «за политический режим»), адресованные власти.

Последнее мы считаем необходимым распространить и на ряд старых революционеров, протестовавших (пусть и в мягких формах) против произвола властей.

Особо подчеркнем, что, исходя из принципа «проявленной оппозиционности», мы включаем в Словник целый ряд социалистов и анархистов, которые в 1918–1919 боролись с большевиками, а потом вступили в РКП(б). Среди таковых есть и ренегаты «с большой буквы»: как, например, руководившие в 1918 г. эсеровской боевой группой Григорий Семенов и Лидия Коноплева, в 1920–1921 ставшие членами правящей партии и сотрудниками советских спецслужб. Вместе с бывшим в 1918 г. секретарем МК ПСР Григорием Ратнером они приняли самое деятельное участие в организации процесса над с.-р. летом 1922 г.

Парадоксальная ситуация с левыми эсерами. Сначала (в ноябре 1917 – июне 1918) они, с точки зрения революционной морали, стали отступниками (и косвенно, а то и прямо принимали участие в преследованиях других социалистов, впрочем, сдерживая коммунистов от еще более энергичных мер), а затем часть из них снова перешла в оппозицию. И здесь для нас водораздел будет следующим: всех тех, кто остался после июля 1918 с большевиками (вроде М.А.Натаансона), в Словник не включаем, а тех, кто вступил с ними в борьбу (как М.А.Спиридонова и Б.Д.Камков), – включаем. Для соблюдения заявленного критерия «проявление оппозиционности» мы включаем в Словник даже А.А.Биценко и Я.Г.Блюмкина: их оппозиция к власти летом 1918 г. была хотя и кратковременной, но яркой и деятельной, после чего они, впрочем, вступили в большевистскую партию и из оппозиционных социалистов быстро превратились в весьма одиозные фигуры. В случаях, подобных ситуации с А.А.Биценко, Я.Г.Блюмкиным, Г.И.Семеновым и Г.М.Ратнером, сначала указывается их партийная принадлежность на момент их борьбы с большевистским режимом, затем их вступление в правящую партию.

Некая парадоксальность такого подхода с лихвой компенсируется тем, что отказ от селекции деятелей «социалистической и анархической внесистемной оппозиции» позволяет не впадать в однобокость и тенденциозность, опасную своими «лубочными картинками», позволяет не плодить новые мифы, не лакировать драматическую действительность междуусобной войны в социалистическом социуме, а показывать без смягчения и трагизм ситуации, и разброда в умах, и преданность старым идеалам одних, фанатизм других, беспринципную бесхребетность третьих и малодушие четвертых. Без таких историй, как история эсеров Александра, Евгении и Григория Ратнеров, мы не поймем ни драматизма ситуации, когда гражданская война провела свои окопы и баррикады по семьям, ни человеческой стойкости Евгении, ни фанатизма Григория – а значит, обедним красками картину реальной жизни. Старший брат Александр Ратнер погиб 5 марта 1918 г. при расстреле в Москве демонстрации в поддержку Учредительного Собрания. Евгения Ратнер, до революции арестовывавшаяся восемь раз и пять лет проводившая в крепости, в 1917 г. была избрана в ЦК ПСР, а в 1922 г. посажена на скамью подсудимых и приговорена к смертной казни. Младший же брат Григорий Ратнер, в 1918 г. бывший секретарем МК ПСР, в конце 1919 г. вступил в эсеровскую группу «Народ», более лояльно настроенную к большевикам, ушел в Красную Армию, где и стал членом РКП(б). В начале 1922 г. он по согласованию с высшим партийным и чекистским начальством добровольно вошел в группу подсудимых-ренегатов, став ее лидером (впервые в мировой практике на этом процессе были формально созданы две группы подсудимых, сидевших в разных местах, со своими отдельными адвокатами, выступавших с различными групповыми заявлениями), и заявил, что ради революции не грех и родную сестру отправить на эшафот.

Достаточно логично, что за пределами нашего исследования остается «внутрисистемная оппозиция» – различные оппозиционные течения и группы внутри правящей коммунистической партии (в лице «децистов», троцкистской или рютинской оппозиции и прочей). И хотя эта коммунистическая «внутрисистемная оппозиция» подвергалась репрессиям и изгонялась из «системы», она все же представляет совершенно отдельный объект исследования. Чуждость друг другу коммунистических оппозиционеров и социалистов и анархистов ярко проявилась в тюрьмах на рубеже 20–30-х, где первые считали последних контрреволюционерами и отказывались от какого-либо общения с ними¹.

Из-за лимитированности наших сил и возможностей мы вынуждены ограничивать исследование сопротивления социалистов и анархистов в СССР только общероссийскими социалистическими партиями и анархистскими организациями, отказавшись от исследования региональных (национальных) социалистических партий, компактно районированных (грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, украинских и белорусских эсеров и т.д.). Предметом нашего рассмотрения стали члены партии социалистов-революционеров (ПСР), меньшинства партии социалистов-революционеров (МПСР), партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), Союза социалистов-революционеров мак-

¹ См., напр.: Олицкая Е. Воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т.2. С.130–131, 152–157.

симилистов (ССРМ), Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), анархистских и сионистских социалистических организаций. Последние в силу специфики самого еврейского народа, не имевшего определенной исконной территории и в 20-е годы стремительно расселявшегося из черт оседлости по всей России, фактически превратились в весьма своеобразную всероссийскую организацию.

Безусловно, само понятие «членство в партии» применительно к 20-30-м годам требует пояснений и оговорок. Самая принципиальная из них – это то, что, с одной стороны, речь идет о совершенно особом социуме со своей субкультурой и своими порядками, с другой – о социуме, жившем в совершенно особых условиях – условиях подполья, политизоляторов, концлагерей, ссылок и «минусов». Все это в совокупности делает абсурдными формализованные подходы и формализованное мышление. Когда мы говорим «член ПСР» или «член РСДРП», то, с точки зрения формальной, это абсолютно правомерно применительно к 1918 или к 1921 и абсолютно неправомерно применительно к 1927 или к 1931, так как обе эти партии в России организационно перестали существовать уже к середине 20-х годов. Даже существующие расхождения в периодизации гибели партийных организационных структур, скажем, ПСР (официально власти считали годом ее гибели 1922, год процесса над ней и год грандиозной дискредитационно-пропагандистской кампании против нее; сами эсеры таким годом считали рубеж 1925–1926 годов – время исчезновения последнего Центрального Бюро ПСР), не помешают никому признать, что, скажем, в 1927 г. организационно ПСР в России не существовала. Это совершенно бесспорно. Но парадокс заключен в том, что хотя в России этих партий и не было, но было несколько сотен или тысяч людей, продолжавших считать себя членами этих партий и в 1927 г., и в 1935 и в 1937. Что же это за феномен – член партии, которой нет? Конечно же, после середины 20-х годов речь должна идти не о партиях как таковых, а об особых социумах, особой среде, многие представители которой не перестали считать себя членами своих уничтоженных партий, вне зависимости от того, называли ли они себя членами партии или говорили о сохранении своего прежнего мировоззрения.

Так, например, когда член ЦК ПСР В.Н.Рихтер, умерший от тифа в 1932 г. в казахской ссылке, незадолго перед смертью подписывал свою автобиографию: «Член партии социалистов-революционеров В.Рихтер», – это не было ни ошибкой, ни случайностью. С формальной точки зрения, такая подпись выглядит весьма абсурдной, но только не по логике того сообщества, к которому и принадлежал до самой смерти В.Н.Рихтер (и еще несколько тысяч социалистов и анархистов). Характерно, что он не подписался «социалист-революционер», как это нередко делали, скажем, в 1913–1916 гг., когда для всех было ясно, что организационно ПСР в России не существует и называть себя членом того, чего нет, считалось странным (выход находили или в такой формулировке, или называя себя, скажем, членом «студенческой фракции с.-р.» такого-то института или членом «коллектива с.-р.» и т.п.). Подпись Рихтера демонстративна, и демонстрирует он свое несогласие с тем, что партии эсеров нет, для него лично она существует, но существует не как партийный организм, а как социум людей, считающих себя членами этой партии, не отказав-

шихся от нее несмотря на давление и угрозу гибели и ждущих подходящего момента для возвращения к активной политической деятельности и восстановления своей партии. Впрочем, в тех случаях, когда его коллеги использовали во время допросов в рамках определенной ими тактики поведения и не столь категоричные формулировки партийности, суть вещей не менялась. Так например, арестованный в 1933 в г. Буйнакске член ЦК ПСР Е.С.Берг назвал себя «по убеждениям членом партии с.-р. по настоящее время», являющимся «политическим противником» по отношению к правящей партии.

Остро встала перед нами проблема массовых источников. Необходимость поиска обходных путей в решении проблемы источникового дефицита возникла, как уже отмечалось, из-за малодоступности дел соответствующих структурных частей и подразделений ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, способных дать массовые источники для решения поставленных задач.

Помимо Архива В.В.Иофе, который в течение многих лет собирал самые различные, в том числе и архивные, материалы, основным источником информации являются тысячи писем (заявлений и информационных сообщений) самих политзаключенных в Политический Красный Крест с момента его образования в 1918 г. до его ликвидации в 1936. В течение нескольких лет усилиями научных сотрудников НИПЦ «Мемориал» Л.А.Довжанской, И.С.Заикиной, И.И.Осиповой, С.С.Печура, Я.В.Леонтьева и некоторых других была проведена полистная роспись уникального архивного фонда Политического Красного Креста, позже переименованного в Помощь Политическим Заключенным (ПКК–ППЗ), хранящегося в Государственном архиве РФ (ГАРФ. Ф.8409 и 8419), и тем заложен фундамент нашей работы над Словником.

По своему характеру документы ПКК различны. Большая часть из них – это всякого рода личные заявления как самих политзаключенных, так и их родственников в ПКК и лично Е.П.Пешковой об оказании всякого рода материальной помощи, просьбы о наведении справок о судьбе родных и близких и т.п. Из этих документов можно перечерпнуть сведения о настоящем положении политзаключенного и о сути проблем, которые он хотел разрешить с помощью ПКК. Есть немалое количество писем, в которых очень ярко рисуются самые разные стороны жизни и борьбы политзаключенных как в ссылках, так и в политизоляторах. В этих же письмах есть указания о местонахождении и судьбе тех или иных товарищей. Данные, сообщаемые о себе самими политзаключенным (от части то же самое можно сказать и о данных, сообщаемых о нем его родственником), отличаются высокой достоверностью, конечно же, с поправкой на память (скажем, возможна путаница в датировке своего ареста, отправки в ссылку и т.п.). Существуют и проблемы, связанные с плохим почерком корреспондента, когда при прочтении фамилий возникают разночтения. Разные прочтения (и, конечно же, разное написание, когда корреспондент писал фамилию другого человека «на слух») фамилий малоизвестных социалистов создали для нас две серьезные проблемы. Во-первых, это привело к «двоению» и «троению» одного и того же человека, и не всегда

легко их можно идентифицировать и свести воедино, а во-вторых, учитывая многообразие и специфику российских фамилий, далеко не всегда понятно, какое из имеющихся прочтений является верным.

Огромный интерес среди материалов ПКК представляют специальные «Опросные листы Московского Политического Красного Креста», которые выдавались сотрудниками ПКК для заполнения разного рода политзаключенным (в том числе социалистам и анархистам) в 1919–1921 гг. Они ценные не только широким кругом затрагиваемых вопросов, но и большой достоверностью сообщаемых о себе человеком данных. Впрочем, следует помнить, что степень информативности подчас зависела от самого опрашиваемого.

Особо можно выделить письма в ПКК старост разных партийных фракций тех или иных тюрем и мест ссылок, считавших своим долгом передавать информацию о судьбах товарищей. Представляется, что в 1920–1930-е годы ПКК стал одним из немногих доступных для заключенных и сосланных социалистов каналов коммуникации, по которому опосредованным образом им иногда удавалось узнавать о судьбах и местонахождении своих товарищней. Старости фракций фактически и были поставщиками этой информации в ПКК. В качестве примера такого самоотверженного и педантичного старости можно назвать эсера С.А.Студенецкого.

Фактически ПКК превратился (помимо других своих функций) в своеобразный всероссийский тюремный почтовый ящик, с помощью которого сообщали о себе в надежде, что информация дойдет до ушей не только сотрудников ПКК: узнавали о своих товарищах, сообщали даже те крохи информации, которые через вторые и третьи руки попадали к ним, и т.д. и т.п. Отметим, впрочем, что уже в последние 3–4 года существования ПКК приток писем от политзаключенных серьезно сократился – очевидно, из-за предупредительных мер чекистов и тюремной администрации, и последние весточки о большинстве наших героев датируются самое позднее началом 30-х годов.

Насколько полно и презентабельно документы ПКК отражают численность и партийную принадлежность политзаключенных социалистов – сказать крайне сложно. Представляется все же, что подавляющее (или хотя бы преобладающее) число политзаключенных (или их родственники) обращались за помощью в ПКК хотя бы один раз. О тех, кто по тем или иным причинам не обращался сам, в ПКК сообщали старости и товарищи. Таким образом, как нам кажется, большинство социалистов, находившихся в тюрьмах и ссылках с 1918 г. по (условно говоря) 1932 г., – почти неизбежно упомянуты в документах ПКК.

Вторым массовым источником являлись различные материалы официального делопроизводства.

Сразу подчеркнем, что достоверность и точность информации, почертнутой из чекистских документов, весьма различна и сильно зависит от их характера и типа. Следует разделить две разнородные проблемы. Во-первых – проблема достоверности определения чекистами того или иного человека как социалиста или анархиста с 1918 г. до рубежа 1920–1930-х годов (т.е. даже до начала прямых фальсификаций и оговоров). Низкий профессионализм чекистских оперативных кадров в начале 20-х годов, помноженный на пер-

воначально слабую агентурную сеть, которая только закладывалась в политических партиях (а именно секретные сотрудники, по авторитетным свидетельствам всех признанных асов царской охранки, давали самую ценную информацию, а главное – давали возможность видеть организацию изнутри и понимать, кто в ней есть кто), приводили к тому, что в оперативные учеты попадали случайные люди, схваченные по делам социалистов. Но арестованные «случайные» проходили все же фильтрацию и отсев. О численности «случайных» и «ошибочных» мы можем только гадать, но все же после всех фильтраций вряд ли она была большой. А вот что касается достоверности всех стоявших в качестве социалистов и анархистов на оперативном учете в губотделах ВЧК к октябрю 1921 г. и их реального участия в оппозиции режиму, то, располагая лишь подобными списками, мы проверить степень достоверности их маркировки таковыми без дополнительных источников не в состоянии. Ведь всех «случайных», попавших в учеты, чекисты отфильтровали позже или с помощью агентурной информации, или после арестов и допросов и т.д., но эта информация для нас недоступна.

Во-вторых, крайне остро стоит проблема точности передаваемых в официальных документах сведений, плодящая массу сложностей в нашей работе. Низкий уровень делопроизводства, помноженный на недостаточную элементарную грамотность работников (включая машинисток), привел к тому, что в 20-е годы сплошь и рядом в официальных партийных и чекистских документах допускалась небрежность, перевирались фамилии, а количество опечаток и ошибок в фамилиях не поддается учету.

Достаточно взглянуть на один из ключевых документов в подготовке и проведении процесса над с.-р. летом 1922 г., а именно – постановление Президиума ГПУ от 24 февраля 1922 г., в котором было предъявлено обвинение 43 «членам ЦК ПСР состава 1917, 1918 и последующих годов» и 140 «активным членам ПСР» за участие «в организации вооруженного свержения Соввласти, терроре и экспроприациях». Небрежность, допущенная при составлении этого документа, феноменальна: у половины обвиняемых отсутствовали инициалы, были допущены многочисленные ошибки в фамилиях, в ряде случаев назывались несуществующие фамилии (в том числе и варианты одной фамилии), в списке оказались умершие и погибшие. И если подобное допускалось в документе, который давал старт публичному судебному процессу, а сам подлежал публикации, то нетрудно себе представить, в каком «профессиональном» и «делопроизводственном» состоянии находились документы для сугубо внутреннего использования.

Главная проблема, с которой столкнулись составители, – это частое и невероятное перевирание фамилий. Специфика же многонациональной России и русского языка такова, что если даже в традиционнейшую русскую фамилию Иванов внести одну опечатку, то отвергнуть новую фамилию будет порой затруднительно (например – Званов, Чванов, Иранов, Ишанов, Иланов, Ижанов, Ивонов, Ивинов и т.д.).

Хотя с течением времени бюрократическая машина несколько отладилась, некоторые вещи все равно оставались на невысоком уровне, как, скажем, невысоким оставался образовательный уровень: в 1920–1930-е годы иностранных

языков не знали не только машинистки, но зачастую и их начальники (это видно по машинописным копиям перехваченных писем, которые изобилуют пропусками). Показательно, что результаты обследования, проведенного летом 1920 г., выявили, что из около 2 тысяч сотрудников ЧК из 32 губерний высшее образование имели 15 человек (0,88%), из них юридическое – лишь двое².

Источник официального делопроизводства, используемый нами, – «Погубернский список членов антисоветских партий, взятых на учет органами ВЧК по 18 октября 1921» (М., 1921) – дает информацию о 3178 людях. Памятая о фантастической небрежности делопроизводства в это время и допуская наличие в этой брошюре ошибок и неточностей (в том числе и в фамилиях), мы все же считаем ее достаточно ценной.

Использовались в нашей работе и введенные в научный оборот в последние годы массивы документов из официального партийного и чекистского делопроизводства (документы хранились в АПРФ, ЦА ФСБ, ГА РФ, РГАСПИ). Речь идет о сборниках документов, посвященных эсерам, анархистам, меньшевикам, максималистам и процессу социалистов-революционеров 1922 г., изданных в издательстве РОССПЭН.

Обработка нескольких сотен следственных дел, хранящихся в ГАРФ (Ф.10035. Архив следственных дел), была проведена сотрудником НИПЦ «Мемориал» Л.А.Довжанской, и ее материалы были использованы нами для сверки и расширения нашего Словарика. Степень достоверности информации следственных дел различна. Высока достоверность сведений о месте и времени рождения, учебе, местах работы и жительства, арестах и отсидках, но в ряде случаев не исключено, что допрашиваемые явно умалчивали о тех эпизодах своей жизни, которые могли отягчить их судьбу. Конечно же, сомнение вызывают и обвинения того или иного человека в контрреволюционной деятельности в 1930–1940-е годы как явный продукт чекистского творчества.

Словарик вводились имена и из тюремных списков, составленных для внутреннего пользования З отделением Секретного Отдела ВЧК–ГПУ на эсеров, числившихся за этим отделением. Эти списки хронологически охватывают период с декабря 1921 по апрель 1922 г. и содержат информацию на более чем 250 человек. Работа с «Фotoальбомом членов ЦК и активных членов ПСР», хранящимся в ЦА ФСБ (Ф.Н-1789. Т.21), дала весьма интересную информацию о 90 эсерах, потому что в нем каждая фотография, сопровождалась справкой, иногда достаточно пространной.

Третьим массовым источником являлись всякого рода коллективные письма-протесты и тюремные списки, составленные самими политзаключенными.

Основной тюремный список, которым мы пользовались, – список на 428 социалистов и анархистов, находившихся в Соловках³. Кроме этого, мы изу-

² См.: Лавлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 56.

³ Соловецкие политзаключенные (1925) / Публ. Е.Жемковой и А.Рогинского // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Т.1. С.252–298.

чали и другие тюремные списки политзаключенных, и списки ссылочных того или иного места ссылки, составленные старостами.

В конце коллективных писем-протестов, как правило, собственноручно расписывались все члены социалистических фракций данной тюрьмы или лагеря. Они особенно важны для установления того, какой фамилией пользовался в этот момент сам социалист. Чекисты могли годами именовать человека двойной фамилией (одна настоящая, другая – та, под которой человека арестовывали: Г.Л.Горьков-Добролюбов, В.Л.Утоф-Дерюжинский, Н.А.Аверкиева-Прушакевич и др.). Чекистское расположение фамилий совсем не знало, что первая настоящая, а вторая – нет. Так, зсрка Мина Свирская после ареста в 1921 г. стала на всю жизнь Гершевич-Свирской из-за ошибки паспортиста, запутавшегося в сложностях двойного еврейского имени ее деда.

Количество писем-протестов, находящихся в нашем распоряжении, невелико, как и невелико число социалистов-«подписантов», но почти наверняка немалое их количество было перехвачено тюремной администрацией, так что нас еще ждут находки в архивах.

Достоверность этих двух видов источников крайне высока, и они используются нами для проверки информации других источников, в том числе и официальных. Хотя это и звучит парадоксально, но при определении степени достоверности в написании фамилии или партийности, выбирая между официальным тюремным списком и списком, составленным самими социалистами и анархистами, мы, безусловно, отдадим предпочтение последнему.

Четвертый источник – сообщения в эмигрантской (отчасти в российской нелегальной) прессе. Освещение борьбы и тюремных судеб товарищей в России являлось для социалистической эмигрантской прессы важнейшей задачей, и для подобных материалов места не жалели. Это ценнейший источник, но в ряде случаев информация, пришедшая за границу по длинной цепочке – через третьи руки и окольными путями, – подвергалась искажению и грешила неточностью.

Представление об уровне ошибок, скажем, при передаче фамилий в эмигрантской прессе дает пример с членом ЦК ПСР Морозовым С.В., названным в №14–15 «Революционной России» за ноябрь–декабрь 1921 г. Мавроговым С.В. Так как речь шла о члене ЦК, которого хорошо знали за границей, то в данном конкретном случае имели место, скорее всего, ошибка наборщика и недогляд корректора. Когда же речь шла о малоизвестных рядовых партийных работниках, то путаница могла достигать анекдотических размеров. Разные написания одной и той же фамилии даже в одном и том же журнале встречались весьма часто.

Впрочем, ни в коем случае не следует все сообщения в эмигрантской прессе о репрессированных социалистах считать недостоверными. Следует отметить, что эмигрантские социалистические газеты и журналы достаточно трепетно и серьезно относились к тому, чтобы добывать и публиковать информацию о репрессированных товарищах, а в случае их гибели редакции старались давать максимально подробные некрологи. Подчеркиваем это для того, чтобы было ясно, что как только некая информация о том или ином со-

циалист просачивалась за границу, об этом тут же стремились сообщить (естественно, не забывая как о конспирации, так и о принципе «не навреди!»).

Однако ошибки делала не только эмигрантская пресса, но из-за условий подполья, отсутствия нормальной коммуникации, эффекта испорченного телефона путаницы было немало и в сообщениях российских социалистов. Ярким примером этого может служить пример с тамбовской эсеркой Евгенией Семеновной Бондаренко, арестованной в 1920 г. В обращении Центрального Организационного Бюро ПСР от 10 июля 1921 г. «К социалистическим партиям всех стран», опубликованном в «Революционной России» в №10, она была названа Евгением Бондаренко. Можно предположить, что ошибочная информация пришла в ЦОБ ПСР (находившийся в России и выполнявший функции арестованного ЦК), где ее не смогли перепроверить. О Евгении Семеновиче Бондаренко писалось и в №9 «Социалистического Вестника» за 1921 г. То, что путаница преследовала ее, видно из двух писем в ПКК из Владимирской тюрьмы в 1921 г., в которых она упоминалась уже как Август Семенович Бондаренко. Ошибка перекочевала и в современную литературу, получив, так сказать, вторую жизнь. Так, например, в комментарии к сборнику документов «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 тт. / Т.3. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г.»⁴ написано: «Бондаренко Е., с.-р., арестован в июне 1920 г. в Тамбове по обвинению в идейном руководстве и связи с крестьянским восстанием». Разобраться удалось лишь после знакомства с фотоальбомом членов ЦК и активных членов ПСР, хранящимся в ЦА ФСБ, где биографическая справка на Евгению Бондаренко и ее фотография исключают любые сомнения.

Похожий случай встретился нам в письме в ПКК, где сообщалось о Кальян Евгении Николаевне, члене ПСР с 1906 г., арестованной в сентябре 1920 г. в Воронеже, сидевшей в 1921 г. в Бутырках и освобожденной 7.02.1922 г. Но проверка по тюремным спискам 3-го отделения СО ВЧК по состоянию на 22 декабря 1921 г. показала, что арестованного 23 сентября 1920 г. и находящегося в декабре 1921 г. в Бутырках звали Кальян Евгений Николаевич. И хотя безусловной веры в официальные записи этого времени (они нашликованы ошибками и неточностями) у нас нет, но выбор в данном случае склоняется в сторону информации СО ВЧК, а не корреспондента ПКК. По нашим представлениям, подобная ошибка именно в тюремных списках, в силу их специфики, была бы слишком чудовищной и вряд ли возможной даже для чекистского делопроизводства начала 20-х годов. Впрочем, окончательная уверенность появится лишь при получении сведений из дополнительных достоверных источников.

В заключение еще раз подчеркнем, что Словник и Справочник – это не завершение работы, а лишь один из ее важных этапов, который, смеем надеяться, придаст мощный импульс всестороннему и многоспектральному исследованию темы «социалистического» сопротивления большевистскому режиму и выведет ее на новую, более высокую орбиту.

⁴ М.: РОССПЭН, 2000.

Дмитрий Северюхин

«Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е» опыт литературной энциклопедии¹

Дмитрий Яковлевич
СЕВЕРЮХИН

искусствовед,
автор ряда монографий,
справочных изданий,
исследовательских
и критических статей
по вопросам старого
и современного
отечественного искусства,
по петербургскому
краеведению;
в 1980-е годы печатался
в самиздате

I. Постановка проблемы

Историю отечественной культуры второй половины XX века невозможно понять, не изучив историю независимого культурного движения и его важнейшей составляющей – неофициальной литературы, или литературного самиздата.

Вплоть до конца 1980-х годов литературный самиздат был явлением общероссийским или, точнее, общесоюзным. Литературный самиздат Ленинграда составлял важную часть самиздата общесоюзного и обладал целым рядом особенностей, которые закономерно вытекали из того положения, которое наш город традиционно занимал в культурной истории страны.

¹ Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Я. Северюхина; авт.-сост.: В. Э. Долинин, Б. И. Иванов, Б. В. Останин, Д. Я. Северюхин. М., 2003. 622 с. Книга включает около 300 биографических статей об авторах и организаторах самиздата и более 100 статей о самиздатских журналах, альманахах, сборниках, о неофициальных кружках, семинарах и конференциях. Включена также обстоятельная хроника событий неофициальной культурной жизни Ленинграда от момента смерти Сталина до заката советской эпохи. Прилагаются аналитические статьи В. Э. Долинина, Б. И. Иванова и Д. Я. Северюхина.

Город с величайшим интеллектуальным потенциалом, с большими культурными амбициями, с огромной читательской аудиторией, Ленинград в советские годы оказался в ряду провинциальных городов, находившихся под двойным идеологическим гнетом – местного и общесоюзного партийного начальства. Многие важнейшие для ленинградской культурной жизни решения принимались в Москве на уровне центральных ведомств – именно там зачастую решались судьбы книг, спектаклей, концертов, кинофильмов, созданных ленинградскими авторами, там решалась судьба самих авторов.

Но, как ни странно, местная партийная власть в Ленинграде зачастую была более ретивой в своем консерватизме, в результате чего степень свободы здесь всегда была существенно ниже, чем в Москве. Не случайно в те годы происходило перемещение писателей из Ленинграда в Москву; именно в Москве сложились писательские судьбы таких авторов, как Василий Аксенов, Андрей Битов, Анатолий Найман, Евгений Рейн, которые начинали свой путь в Ленинграде.

Противоречие между образом столичного Петербурга, которым город оставался в сознании интеллектуальной части общества, и реальным провинциальным советским Ленинградом давало дополнительный импульс развитию ленинградской неофициальной культуры. Именно эти обстоятельства обусловили факт существования ленинградского самиздата как самостоятельного культурного феномена.

Говоря о литературном самиздате, мы прежде всего должны уяснить главные причины, породившие это явление и обеспечившие этому явлению столь прочную временную устойчивость. Мы должны также увидеть нечто общее и нечто очень важное, что объединяло в историко-культурном контексте таких разных авторов, как Анна Ахматова, Иосиф Бродский, Рид Грачев, Борис Вахтин, Виктор Кривулин, Олег Григорьев, Владимир Эрль, Аркадий Бартов, Аркадий Драгомощенко или Митя Волчек. Разумеется, это литераторы разного масштаба, разных поколений, разных направлений и эстетических пристрастий. Вместе с тем все они могут быть охарактеризованы как авторы ленинградской неофициальной литературы, чье творчество развивалось свободно, независимо от официоза и от требований коммунистической цензуры.

Фундамент этой общности, этой принадлежности к неофициальной литературе строится на трех основных положениях.

Первое положение состоит в неприятии официальной идеологической доктрины, составляющей суть социалистического реализма. Для неофициальной литературы был характерен широчайший содержательный спектр, в котором находили свое место философия, религия, мистика, общественная мысль, исторические рассуждения, сатира, свободные полеты фантазии и эrotические переживания и многое-многое другое – все то, что находилось под фактическим запретом и не имело шансов преодолеть официальный (хотя нигде не прописанный законом) цензурный барьер.

Вторая составляющая фундамента неофициальной культуры состоит в неприятии официально тиражируемой эстетики, которая также составляла неотъемлемую часть «социалистического реализма». Для неофициальной ли-

тературой был характерен широчайший спектр эстетических подходов, широчайший диапазон формального языка – от всего многообразия классических форм до самых смелых авангардных экспериментов. Произведения многих независимых авторов были абсолютно неприемлемы для официальной печати отнюдь не по идеологическим, а именно по эстетическим, т.е. по формальным соображениям, и в особенности это касалось именно новаторских форм, которые попросту были непонятны литературным чиновникам и, следовательно, ими отвергались.

Третье положение состоит в следующем. Неофициальная культура строилась на представлении о своей принадлежности к единой мировой культуре, на осознании своей причастности к мировому культурному процессу. Преодоление вынужденной культурной изоляции, порожденной тоталитарным коммунистическим строем, воспринималось независимыми авторами как важная личная установка. Ими остро осознавалась необходимость глубокого освоения забытого и полузапрещенного литературного прошлого, необходимость восстановления прерванных культурных традиций и утраченных связей с современным западным миром. Не случайно постоянной составной частью самиздата становились стихи почти не издававшихся официально поэтов Серебряного века, произведения футуристов, позже – обериотов, проза Михаила Булгакова, Евгения Замятина и Андрея Платонова, русская религиозно-философская литература. Не случайно также весьма существенный пласт самиздата составляли переводы многих западных авторов XX века, не допущенных к советскому читателю.

Перечитывая сегодня стихи Иосифа Бродского, написанные в 1960-е годы, на первый взгляд трудно понять, почему они оказались абсолютно неприемлемыми для официальной печати, а сам поэт стал мишенью для нечестного и позорного уголовного преследования. Ведь в его стихах нет места антисоветским выпадам, недозволенной политической сатире или порнографии. Ответ кроется в высказанных выше положениях, а именно: ни по глубинному содержательному наполнению, ни по формальным признакам поэзия Бродского, насыщенная разнообразными культурными реминисценциями, не могла быть упакована в обертку социалистического реализма, она попросту не умещалась там, а потому была отвергнута официозом и безраздельно принадлежит неофициальной литературе. То же самое можно сказать и о Викторе Кривулине, и о Леониде Аронзоне, и о Льве Васильеве, которым при советской власти удалось официально опубликовать лишь по нескольку стихотворений, и о многих других ленинградских поэтах и прозаиках.

Говоря о неофициальной литературе, мы должны ответить себе на вопрос о том, как соотносится она с литературой официальной, с литературой, выпускавшейся в СССР невероятными по сегодняшним меркам тиражами. Что можем мы рекомендовать молодому поколению, нашим детям и внукам в качестве неких литературных образцов, эталонов высокого литературного качества? Что мы должны включать в антологии и учебники по русской литературе XX века?

Имеем ли мы право противопоставлять имена Иосифа Бродского, Виктора Кривулина, Леонида Аронзона, Рида Грачева таким именам, как Давид Самойлов, Александр Кушнер, Юрий Казаков или, скажем, Фазиль Искандер? Означает ли факт существования неофициальной литературы перечеркивание, отрицание таких авторов, как Константин Паустовский, Вениамин Каверин, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Чингиз Айтматов или Василь Быков, творчество которых развивалось в русле официальной советской литературы? Стоит ли сегодня забывать о том, что такие произведения, как «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, «Пoэма без героя» Анны Ахматовой и большинство стихотворений Бориса Пастернака были опубликованы в СССР официально?

Здесь, разумеется, могут существовать разные взгляды. Я думаю, что если говорить о именно о Литературе, а не о конъюнктурных, политически ангажированных текстах, то русская литература XX века существует как некий единый культурный пласт, который включает в себя и лучшие произведения, опубликованные в самиздате и тамиздате, и многое из того, что в СССР удалось опубликовать официально.

Я рискну даже сказать, что при ретроспективном рассмотрении принадлежность к коммунистической, равно как и к любой другой идеологии не должна быть причиной отрицания того или иного автора или его творчества. С этой точки зрения произведения даже столь одиозных приверженцев социалистического реализма, как Юрий Бондарев, Сергей Залыгин или Анатолий Иванов, должны рассматриваться прежде всего как произведения литературные.

Целью нашей работы было не перечеркивание, не вытеснение или замещение советской литературы самиздатом, а расширение представлений о русской литературе XX века, введение в читательский и исследовательский оборот ряда имен и текстов, долгое время остававшихся в тени, на периферии общественного внимания.

Другой нашей задачей было исследование полувековой истории самиздата как культурно-исторического феномена, в основе которого лежат явления политического, идеологического, социального, нравственного, культурного и эстетического порядка.

В связи с этим мы не задавались целью классифицировать представленных в справочнике авторов по их литературной значимости и старались уйти от оценочных характеристик. Мы уделили внимание и знаменитостям, чьи имена сегодня у всех на слуху, и авторам, оставившим не слишком заметный след в литературе. Наша книга – это прежде всего собрание литературных биографий, которые, как нам кажется, могут быть интересными и сами по себе, безотносительно к масштабам литературного дарования. Перед нами – судьбы, которые составляют неотъемлемую часть культурной истории нашего города и отечественной литературы.

II. Методология

Я прикоснулся к самиздату в начале 1980-х годов, в самом конце социалистической эпохи, и мое участие в неофициальной культуре тех лет было ми-

нимальным. В данной работе моя функция сводилась в основном к методологии, поскольку на протяжении последних двадцати лет я специализируюсь на справочных изданиях по вопросам культуры и в своей работе всегда стараюсь рассматривать книгу как некий цельный организм, отдельные составляющие которого связаны между собой логически и композиционно.

Что означает «методология» применительно к справочнику, имеющему характер литературной энциклопедии?

Во-первых, это выработка принципов отбора персоналий и явлений.

Во-вторых, это поиск и систематизация способов получения информации.

В-третьих, это выработка формы подачи материала.

От правильного разрешения этих трех вопросов в конечном счете зависит ценность полученного продукта, зависит то, насколько эта книга соответствует ожиданиям авторов и читателей, насколько оправдан сам ее выпуск.

Принципы отбора персоналий и явлений детально сформулированы нами в кратком уведомлении «От авторов». Тем не менее, критика, которую нам в последнее время приходится выслушивать, заставляет меня напомнить и кратко пояснить наши основные положения. Итак:

1. Книга является литературной энциклопедией, а не энциклопедией общественно-политического или диссидентского движения. Поэтому мы ограничиваемся здесь исключительно литературной темой и включаем только тех авторов и те издания, которые публиковали именно литературные тексты. Правда, мы достаточно широко трактуем здесь термин «литература», предполагая, что он подразумевает также и культурологию, и литературоведение, и философию и теософию, и историю, и краеведение. Но, скажем, изготовление листовок политического характера (при всем уважении к авторам этих листовок) мы не относим к литературному процессу.

2. Книга является энциклопедией самиздата, т.е. включает тех авторов, чьи произведения получали распространение в неофициальной культурной среде. Отмечу, что многие весьма известные авторы, принадлежавшие к этой неофициальной культурной среде (например, Ефим Эткинд, Константин Азадовский или Геннадий Шмаков), насколько нам известно, не распространяли своих произведений в самиздате и потому в энциклопедию не включены.

3. Книга охватывает совершенно определенный исторический период, а именно: 1950-е – 1980-е годы. Я даже хотел бы конкретизировать (и это мы обсуждали при формулировании названия книги): мы имеем в виду период с 1953 по 1991. С чем связаны такие жесткие хронологические рамки? 1953-й год – год смерти Сталина и Берии – во многих отношениях являлся переломным. Это год начала «десталинизации» (еще не обозначенной тогда вслух), год начала «оттепели» (повесть Эренбурга с этим названием появилась в начале следующего, 1954 года). С этого времени фактически можно начинать отсчет истории неофициальной культуры не как простой суммы разрозненных и не связанных друг с другом эпизодов, а как некоего целостного явления, некоего феномена, свойственного нашей эпохе. 1991-й год знаменует собой окончание коммунистического периода в нашей истории. Это год выхода Закона о печати, подразумевающего отмену политической цензуры, год ликвидации коммунистической диктатуры и развала Советского Союза; добавлю, что это и год возвращения на-

шему городу его исторического имени. Самиздатская культура, обладавшая сильной инерцией, продолжала существовать и после 1991 года, однако говорить о ней в прежнем смысле уже не приходится. Поэтому литераторы, обратившиеся к самиздату в 1991 и позже, в энциклопедию не включались.

4. И наконец, представляемая книга является энциклопедией, т.е. справочным изданием, которое по своему жанру не может и не должно претендовать на глубокий литературоведческий анализ. Здесь приводятся краткие биографические справки об авторах самиздата, кратко очерчен их творческий путь, определены жанры, в которых преимущественно работал тот или иной литератор, приводится библиография, в которую входят как самиздатские, так и официальные публикации, в отдельных случаях дана лаконичная характеристика творчества писателя.

Несколько слов об источниках, легших в основу настоящего труда. Первоначально, при составлении словарника, мы опирались на беседы участников неофициального культурного движения. Успеху этого первоначального этапа во многом способствовало то обстоятельство, что сами авторы энциклопедии являются участниками этого движения, представляют его различные поколения и направления. Мы привлекли в качестве постоянных консультантов таких знатоков и активистов самиздата, как Эдуард Шнейдерман, Владимир Эрль, Сергей Дедюлин, Сергей Стратановский, Тамара Буковская, Борис Тайгин. Каждый из них внес весомый вклад в наш общий труд, ощутимо расширив нашу информационную базу.

Кроме того, в нашем распоряжении были полные комплекты или полные оглавления таких изданий, как «Часы», «Обводный канал», «37», «Предлог», «Митин журнал», антология «Острова» и девятитомная антология Кузьминского «У Голубой Лагуны», и некоторых других изданий. Все это позволило нам в относительно короткий срок составить достаточно представительный именной список.

В дальнейшем мы расширяли сеть личных контактов, благодаря чему живые интервью стали основой нашей информационной базы. С точки зрения энциклопедической работы, это обстоятельство имеет некоторый недостаток, а именно: в отличие от архивной справки, личное интервью часто страдает необъективностью и почти всегда содержит неточности. Парадоксально, но некоторые люди, дававшие нам интервью, теперь имеют к нам претензии в связи с ошибками и неточностями в их биографиях. Однако в рамках настоящей работы мы не ставили себе задачу фундаментальных архивных изысканий и сверок. На последнем этапе систематически исследовался фонд Российской национальной библиотеки, поскольку большинство авторов самиздата теперь имеют официальные публикации, которые часто сопровождаются краткими справками об авторах.

Работая над этой книгой вместе с соавторами, я стремился придать ей качество цельного произведения, и мне хочется верить, что эта задача хотя бы в какой-то мере выполнена. Может быть, это послужит некоторым извинением за неточности и ошибки, за отсутствие абсолютной полноты собранных сведений, которая всегда желаема, но всегда недостижима.

Денис Шилов

Биографика в региональных энциклопедиях

Денис Николаевич
ШИЛОВ

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
группы исторической
библиографии РНБ

Доклад посвящен особенностям биографических статей в региональных энциклопедиях. Его цель – вынести на обсуждение некоторые общие проблемы, возникающие у авторов при написании таких статей, и предложить возможные способы их решения. Собственные взгляды автора на биографику в региональных энциклопедиях сложились как в процессе работы над энциклопедией «Санкт-Петербург», так и из опыта знакомства с несколькими десятками имеющихся в РНБ изданий, а также с анкетами, присланными от редакций уже вышедших и готовящихся энциклопедий в оргкомитет прошедшего в октябре 2003 г. в Санкт-Петербурге международного научно-практического семинара «Проблемы создания региональных энциклопедий»¹. В основном рассматривались вышедшие за последние семь–восемь лет полномасштабные (т.е. содержащие тысячи статей) универсальные эн-

grib@nlr.ru

¹ Полные тексты докладов, дискуссий, анкеты редакций, научно-методические материалы, а также обширные библиографические списки региональных энциклопедий России, Украины и Белоруссии см.: Проблемы создания региональных энциклопедий: Материалы междунар. науч.-практ. семинара (СПб., 14–16 окт. 2003 г.). СПб., 2004. 487 с.

Но есть и противоположные примеры, причем «партийные» статьи вполне уживаются под одной обложкой с «беспартийными», поскольку написаны разными авторами.

Так, характерный пример остатков радикализма прошлого представляют собой некоторые статьи краеведческого словаря-справочника «Курск». Приведу для иллюстрации своего тезиса несколько примеров. В статье о революционере А.А.Дюмине сообщается: «Активный борец за справедливость и новую жизнь, Дюмин везде, где бы он ни работал, развивал бурную деятельность. <...> Февральскую революцию 1917 г. встретил с оружием в руках, громил царские саперные казармы» и т.д. Если подобные факты кажутся автору определяющими, может быть, следует включить его героя в особый словарь погромщиков? В другой статье читаем: «Озембовский легко участвовал в борьбе с врагами молодого советского государства». Что значит легко? С удовольствием убивал или что-то иное? Отчасти подобные высказывания объясняются тем, что в указанном справочнике в числе авторов значатся историки, скончавшиеся десятилетия назад, еще в советские времена.

Отметим, что данная методологическая «находка» курской редакции весьма сомнительна – покойные ведь писали не для данного издания, да и справочник – это не хрестоматия. Представляется, что авторы универсальных изданий должны быть, во-первых, живы, во-вторых, более беспристрастны, а редакторы – внимательно читать текст книги насквозь.

В связи с вышесказанным вторым содержательным перекосом в биографическом корпусе статей во многих энциклопедиях мне представляется значительное преобладание «разрушителей» над «созидателями»: много героев всевозможных войн, борцов за свободу, участников различных рейдов и операций и т.д. Сравнительно мало людей мирных – землевладельцев и землевладельцев, купцов, ученых, особенно если их деятельность пришла на XVIII–XIX вв. Есть, конечно, и обратные примеры. Можно указать на энциклопедию «Челябинск», в которой можно встретить немало неизвестных дореволюционных имен – больше, нежели в энциклопедиях городов, бывших до 1917 г. губернскими центрами, чья история, как правило, значительно богаче историческими личностями. Проблема, таким образом, не всегда заключается в невозможности добыть необходимые данные.

Следует, как представляется, пересмотреть вопрос о группах лиц, чьи биографии попадают в энциклопедию автоматически. Например, в большинстве изученных изданий в корпусе биографических статей обязательно присутствуют очерки обо всех местных Героях Советского Союза и России, Героях Социалистического Труда или кавалерах ордена Славы или Трудовой славы трех степеней. В некоторых подобные биографии чуть ли не преобладают. (Этот подход не охватывает даже тех лиц, которых он должен охватывать по определению).

По нашему мнению, такой подход методически неверен. Включение в энциклопедию каких бы то ни было персон по формальному признаку вообще представляется спорным, будь то кавалеры, губернаторы, первые секретари или, скажем, врачи наук по всем специальностям. Статьи такие зачастую малосодержательны и непознавательны для читателя; скажем, данные о Ге-

рях Советского Союза часто просто выписываются авторами из опубликованных справочников, сведения нередко обрываются 1945 годом, а о последующей судьбе «героя» ничего не говорится. Кроме того, подобная «всеохватность» во всех энциклопедиях обычно распространяется на одни и те же категории лиц: пока еще нет изданий, где бы по формальному признаку были помещены биографии всех без исключения губернаторов, городских голов, почетных граждан, предводителей дворянства и т. п., поскольку это было бы равносильно проведению широкомасштабной исследовательской работы, а биографии этих категорий лиц известны гораздо хуже. В результате в ряде изданий значительную часть занимают компилиативные справки, излагающие уже давно известные факты.

Между тем в некоторых энциклопедиях присутствует вполне адекватное, как нам кажется, решение указанной проблемы – это сводные списки. Как на пример, укажу на энциклопедию «Башкортостан», вышедшую уже семь лет назад: в тексте присутствуют полные перечни Героев Советского Союза и соцтруда, кавалеров ордена Славы, губернаторов и т.д. В списках указаны все лица без исключения; отдельные же статьи отведены лишь наиболее выдающимся представителям каждой категории. Подобные списки, кстати, есть в большинстве энциклопедий и являются чрезвычайно информативным дополнением к ним. Особенно хотелось бы отметить в этом отношении пензенскую и челябинскую энциклопедии, в каждой из которых несколько десятков (!) подобных списков.

В том редком случае, когда действительно есть возможность дать статьи обо всех лицах, входящих в какую-либо категорию – без ущерба для полноты биографического корпуса статей в издании в целом, – почему бы и нет, но декларировать, что человек включен в энциклопедию только за то, что он губернатор или первый секретарь, – значит, как мне кажется, сделать шаг от принципа научности к принципу дипломатической представительности.

Требует, безусловно, тщательной проработки и вопрос о соразмерности биографий, которые редакция помещает в справочнике. Для короткого примера возьму несколько статей «Уральской исторической энциклопедии». Статей о дореволюционных губернаторах почти нет, есть только небольшие статьи о И.И.Неплюеве и В.А.Перовском. Но не только эти, но и статья «Танковые колонны», для Урала отнюдь не рядовая, – меньше, чем статья о современном губернаторе Эдуарде Росселе. Подобные примеры есть, конечно, и в других изданиях. Особенно хочется отметить имеющую место в некоторых изданиях любовь авторов к самим себе – если, конечно, по формальным признакам им удалось попасть в энциклопедию. Например, в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани» весьма подробные сведения об авторах даже выделены в особое приложение к изданию. Зато нет подписей под статьями, только неудобные для поиска числовые отсылки в конце книги, набранные к тому же мельчайшим шрифтом.

В большинстве рассматриваемых изданий присутствует достаточно жесткий формуляр биографической статьи, что, на наш взгляд, совершенно необходимо. Первая информационная позиция в нем всегда – даты и места рождения и смерти персонажа. Конечно, число, месяц, год и место должны обя-

зательно присутствовать. В большинстве рассмотренных энциклопедий так и есть; иногда, правда, этот принцип не проводится жестко, что, очевидно, происходит, от недостатка редакторской работы: например, в энциклопедии «Новочеркасск» даты жизни известного инженера и министра Ф.П.Деволлана обозначены только годами, хотя полные даты можно почерпнуть практически в любой энциклопедии. В «Белгородской энциклопедии» (первое издание) не указана дата рождения летчика Маресьева и т.д. Есть, правда, одна энциклопедия, полностью пренебрегающая точными числами, а также местами рождения и смерти включенных в нее лиц, если это произошло за пределами губернии. К сожалению, это будущая энциклопедия «Санкт-Петербург». (Возникает ассоциация с мировоззрением древнего человека: все люди живут только в нашей деревне, а за ее пределами – неизвестно кто). К тому же, неясно, при отсутствии указания на Петербург, произошло ли событие в другом месте или автор статьи вообще не владеет данной информацией.

На примере мест рождения и смерти в биографических статьях хотелось бы отдельно обсудить вопрос об исторической географии в региональных энциклопедиях. Насколько можно судить, как правило, специальной редакторской обработки текстов на этот предмет не проводится. В результате в этом отношении в статьях можно встретить полнейший разнобой. По-видимому, сложно спорить с тем, что места событий должны соответствовать по названию своему времени. Если человек родился в наместничестве (как бы это не привычно ни звучало), то так и следует писать, не осовременивая до губерний или, Боже упаси, области. Чтобы привести характерные примеры, было сделано наугад несколько выписок из биографий в «Удмуртской энциклопедии». Итак: 1903 год – д. Льгово Ивановской области, 1898 год – Лотошинский район Московской области, 1910 год – с. Медведь Новгородского района Ленинградской области, 1911 год – д. Норья Нылгинского района УАССР, 1912 год – г. Днепропетровск УССР, в том же году – Тамбовская область, 1927 год – Республика Башкортостан, 1912 и 1986 годы – Ижевск (правильно: Ижевский завод – Устинов). Безусловно, возможны двойные указания: дат – по старому и новому стилям, мест – по современному событиям и нынешнему административно-территориальному делению. Но осовременивать события антиисторично.

Встречаются и менее существенные географические огнихи: например, указано только село или село и губерния, не указан уезд или уезд и губерния. А ведь, как указали в своей анкете сотрудники «Воронежской энциклопедии», «практически в каждой российской области (крае и т.д.) имеется по нескольку сел с расхожими названиями типа «Покровка», «Пески», «Спасовка» и т.д.

Совсем уж мелочь, но тоже приятно, когда географические названия в биографиях, особенно при указании мест рождения и смерти, приводятся однозначно. Если решено не ставить «г.» («город») перед названиями губернских и областных городов – всегда не ставить, если наоборот – наоборот. Хорошо бы один и тот же населенный пункт обозначать одинаково. Пример опять из «Удмуртской энциклопедии»: родился в Петербурге, умер в Санкт-Петербурге.

Очень часто в редакторской правке нуждается и содержательная часть опубликованных биографий. Иногда это касается чисто стилистических осо-

бенностей текстов; например, в «Псковской энциклопедии» о Беклешове сказано, что он «работал в департаментах Сената» – полагаю, что сам герой статьи обиделся бы, если бы услышал это: дворянин – служил.

От осовременивания происходит и не всегда верное обращение авторов с чинами и орденами. Некоторые любят перечислять все полученные чиновником ордена, ассоциируя их, по-видимому, с орденами советского времени. Известно, однако, что большинство дореволюционных орденов жаловалось по выслуге лет, так сказать, «за отлично-усердную службу»; существовали достаточно жесткие международные сроки и т.д. Рассуждая о чинах, авторы не всегда представляют себе соотношение военного, гражданского и придворного чинопроизводств, историю и значение чинов вообще. Например, в «Белгородской энциклопедии» в статье о И.В.Лопухине, не упоминая ни о ма-
сонстве, ни о мемуарах своего персонажа, автор считает должным нас, читателей, просветить: «В 1807 г. получил чин д.т.с., который согласно "Табели о рангах" (гражданский чин 2 класса), соответствовал чинам генерал-аншефа и адмирала». Помимо сожаления, которое вызывает столь непроизводительное расходование строк на пояснение неизвестно кому банальных вещей, хочется указать «просвещенному» автору, что чин генерал-аншефа исчез за десять лет до 1807 года, появился чин генерала от инfanterии (кавалерии и т.д.).

Иногда в солидных в целом изданиях пропущены в печать очень досадные ошибки или очевидные нелепости. Например, из «Пензенской энциклопедии» можно «узнать», что Сперанский составил «Свод законов» в десяти томах. В той же энциклопедии в биографии Невельского сказано, что в 1874 г. тот «был предложен к баллотированию в почетные мировые судьи Городищенского уезда», и на этом мысль завершается. Читателю остается лишь догадываться, чем дело кончилось. В «Белгородской энциклопедии» из справки о М.А.Корфе можно узнать лишь то, что он учился вместе с Пушкиным в Лицее и позднее «написал угодливую "Историю о декабрьских событиях"». В той же энциклопедии все представители Дома Романовых оказались на букву «Р»; повезло лишь основателю династии – он почему-то на «М». Главный редактор справочника «Курск» в статье о Белоконском пишет о неудовольствии его деятельностью со стороны губернатора Д.А.Милютина, который никогда губернатором не был, а был им его бесталанный сын А.Д.Милютин. В «Смоленской энциклопедии» морской министр Воеводский похоронен в 1912 году, между тем как он умер спустя четверть века; известный французский генеалог Жак Ферран назван Фераром и т.д. Автор саратовской энциклопедии сообщает о С.А.Щеглове, что «за большой вклад в краеведение тот был награжден орденом Станислава 4-й степени – никогда не существовавшей». В «Белгородской энциклопедии» декабрист А.А.Скалон был отправлен в августе 1826 г. в полк «по распоряжению Николая ??». В том же издании под портретом «Щеголов П.Е.» (т.е. Павла Елисеевича) начинается статья «Щеголов Павел Алексеевич», после статьи об известном меценате князе Н.Б.Юсупове следует справка о нем же в статье другого автора «Юсуповы». Все эти промахи очевидны, выявить и исправить их для грамотного редактора не составило бы никакого труда.

Очень удачной и своевременной представляется тенденция многих изданий («Пензенская», «Московская», «Поморская», «Владимирская», «Смолен-

ская» и другие энциклопедии) помещать статьи о родах и династиях – дворянских, купеческих, профессиональных. Особенно важными, на наш взгляд, являются подробные справки о дворянах-землевладельцах, написанные на основании архивов местных депутатских собраний, – данные эти практически впервые вводятся в научный оборот.

Весьма немаловажной нам кажется такая с виду мелочь, как постановка ударений в биографических статьях, что присутствует во многих, но далеко не во всех изданиях. И профессиональный историк не всегда правильно может поставить ударение, особенно когда фамилия в наши дни малоупотребительная.

Наконец, хотелось бы указать на столь досадный факт, как отсутствие в целом ряде региональных энциклопедий сколько-нибудь содержательного научного введения, в котором бы объяснялись читателям характер издания, принятые редакколлегией принципы отбора статей, материала и пристатейной библиографии для них, структура и формуляр статей, основные указания по пользованию книгой и т.д. Можно следовать общепринятым традициям составления энциклопедий, можно вводить и отстаивать любые новшества – но все это должно быть подробно объяснено читателю во вводном очерке, он не обязан и не может обо всем догадываться сам.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть два тезиса, представляющих особенно важными. Во-первых, в энциклопедическом издании обязательно должны быть особые редакторы, специально проверяющие биографии и статьи вообще насквозь – пусть даже на основании собственных познаний. Не лишним бывает и авторам читать статьи друг друга – многие ошибки выявляются именно так. Особенное внимание следует уделять исторической географии. Во-вторых, в выборе персон следует стремиться к исторической, а не к дипломатической представительности. Кому не суждено в истории быть забытым – того и не забудут.

Эскиз биографии (портрета) друга

Валерий Борисович Голофаст
(24.03.1941 – 08.12.2004)

Неожиданно для всех, что называется – в одиночесье – ушел из жизни человек.

Хотя разница в возрасте у нас всего полгода, я всегда воспринимал его как старшего. И не только потому, что он, кандидат наук, сначала был руководителем группы в секторе у В.А. Ядова, потом сам стал заведовать сектором, а я был младшим научным сотрудником, потом просто научным, а потом и старшим. В первую очередь потому, что Валерий был очень образован, начитан, поразительно вдумчив, спокоен и солидно нетороплив.

Внешне-событийная часть биографии Валерия может уложиться в страничку. Однако, биография ли это? Так, некоторые вехи.

Валерий Борисович Голофаст родился 24 марта 1941 года в Днепропетровске. Его отец – Борис Петрович Голофаст – был конструктором в одном из днепропетровских КБ, умер в 1967 году. Его мать – Анна Ивановна Голофаст (в девичестве Бунченко) – бухгалтер, в настоящее время пенсионерка, живет в Днепропетровске. Младший брат Валерия Георгий окончил днепропетровский металлургический институт, живет и работает в своем родном городе.

Окончив школу, Валерий около двух лет работал слесарем, затем поступил в днепропетровский металлургический институт. Закончив первый курс, решил, что металлургия – не его призвание. Поехал в Москву, где пробыл меньше суток (Москва ему не понравилась) и уехал в Ленинград.

Фрагменты из юношеского дневника. Автору по его собственному свидетельству 19 лет.

28 сентября 1960.

Вот что было за это время. Мой привезд в Л[енинград]. Моя радость и моя задумчивость. Экзамены. Поездка в Дн[епропетровск], потом назад. Удар обухом по голове: зачищен без общежития. Жалкие попытки попасть на ночевку в общежития. Ужин 200 гр. польской колбасы и 2 городских булки с Сашей Ц... Одна сумасшедшая ночь и один полу сумасшедший вечер... Пустота и спокойствие. Так и нужно!! Почему ты всегда смеялся?

Это потому, что я обалдел. От Ленинграда, от солнца, от того что в кармане – звенят пятаки!...

<...>

4 октября.

У меня было достаточно случаев убедиться, что человека делает человеком только воля. Сейчас я нахожусь в таких условиях, когда ничего, решительно ничего не может помешать мне поступать так, как я должен и хочу...

<...> Каждый день – это жизнь, вот мысль, которая появилась некоторое время тому назад, еще там, дома, и с которой началось мое настоящее воспитание. Это она привела меня сюда. Но теперь я не знаю, что собой делать. Но я это узнаю.

Может быть это и не нужно уже делать, может быть я уже понял тот закон жизни, который делает человека человеком...»

<...>

29 октября.

Статьи в сборниках и журналах. Планы моей учебы. Логика и психология. Мечты о годовом обзоре.

Кстати, а пророс, мой почерк постепенно выравнивается, я чувствую свою руку. Это значит, что я ехожу в форму, почти вошел. Я уже, наконец-то, могу работать почти не напрягаясь.

Главное – независимость. Исполнять задания, чтобы с этой стороны ни от кого не зависеть.

Мне не однажды становилось грустно, что в свое время я не стремился хорошо знать украинский язык. Достать хороших украинских книг обязательно.

<...>

30 октября.

Когда пишешь — рождается написанное. Только так и возможна работа писателя. Образ за образом, слово за словом лепится всегда. Те, кто обдумывает, а потом только отстукивает на машинке, делают неправильно. Это все равно, что из прутьев делают внешний каркас скульптуры, а потом заполнят его глиной...

Между страниц дневника от руки переписанное «Открытое письмо Столину» Ф.Раскольникова из «Новой России» № 71 от 1 октября 1939 года.

Валерий поступил на французское отделение филологического факультета Ленинградского университета, которое и окончил в 1966 году. Еще будучи студентом в 1964 году женился. Окончив университет, года два работал в Инженерном замке, в патентной библиотеке Центра научно-технической информации. В 1967 году родилась дочь. Потом аспирантура в ленинградском секторе философии АН СССР, защита диссертации. Его научным руководителем стал Анатолий Григорьевич Харчев. Диссертация была посвящена положению семьи в буржуазном обществе. В советское время существовало довольно мощное направление — критика буржуазной социологии. Вот этой критикой он и занимался в своей диссертации. Естественно, не только критикой — он с головой окунулся в мир постижения науки об обществе.

Дочь выросла, вышла замуж. У Валерия появилась внучка Катя, его любимица.

К тому времени, когда в 1975 году образовался ИСЭП (Институт социально-экономических проблем АН СССР), Валерий был уже известным в среде социологов специалистом и авторитетом. В секторе Владимира Александровича Ядова он возглавлял группу, которая занималась проблемами семьи. Большое исследование «Ваша семья» было проведено в 1976—1978 годах в Ленинграде и в Латвии (Рига и Даугавпилс). Итогом этой работы стала книга, которая так и не увидела свет. Партийные критики нашли ее идеологически ущербной и набор был рассыпан. Мало того, было длинное партийное разбирательство — персональное дело и т.п.

Правда, в 1981 году вышла в свет его собственная книжка «Методологический анализ в социальном исследовании». И хотя, скромничая, Валерий жаловался, что у этой книжки мало читателей, это было не совсем так. «Методологический анализ» цитируется до сих пор и довольно часто.

К сожалению, писал он медленно и трудно. Могло показаться (а многим именно так и казалось), что он просто ленив. Но скорее другое — Валерий жил очень напряженной интеллектуальной жизнью. Филолог по образованию (да и по сути) он очень ответственно и бережно относился к слову. Но не было собеседника лучше Валерия Голофаста. Вот и все.

Впрочем, можно добавить, что в советский период Валерий был практически «невыездной». Зато после 1986 года он побывал в Англии, во Франции, в Канаде, дважды в США, в Норвегии, Финляндии, Швеции.

Года два – два с половиной тому у него случилась беда: компьютер поймал вирус. И не было иного способа избавиться от него, как форматировать жесткий диск и заново поставить операционную систему. При этом пропала вся информация, что хранилась в машине. Но более всего он расстраивался из-за того, что пропала почта. Я, честно говоря, не мог тогда понять, чего он так расстраивается. Понял я это только сейчас. Переписка по электронной почте с большим числом корреспондентов – это был и его дневник, и его способ работы.

Вот несколько фрагментов этой обширной переписки.

21.05.2004

<...> мне трудно истово зажечься «русской идеей», к которой я всегда относился с иронией и подозрением <...>. По моему, это отжившие поиски. Так понимаемая этническость – это немецкий (и не только) строительный миф 19 века, когда возводились, укреплялись, расширялись границы или создавалась их видимость (например, в Британской, Французской, Российской и прочих империях той поры – мода была такая). Потом был bipolarnyй мир (замечу, не этнический). А теперь новый расколотый, вернее все расходящийся и расходящийся, как дистанция между богатыми и бедными (причем, утешительная мысль двуполярного мира – что бедные все-таки богатеют – больше не подтверждается фактами. Почему-то, из уважения к экономике и статистике, мне пока это кажется важным). Правда, стреляют пока все же из автомата Калашникова по всем сторонам, хотя некоторые до сих пор используют дубинки и ножи. А полиция – щиты и газы или щадящие (кого?) пули. <...>

У меня свое мнение, что творится с миром (хотите, пришло мою «рецензию» на Левинаса?), а с Россией происходит тривиальная, банальная, обычна история. Еще меня поражает сознание избранности москвичей и прочих эмигрантов. Очень жаль. Я не хочу сказать, что нужно образовать петербургский или лондонский или франкфуртский кружок – в пику и в противопоставление. Нет нужды, но посмеяться над претензиями – позволено.

<...> вспомните Ваши реакции на выражение «культура». Всякая культура многослойна, драматически

разорвана, конфликтна и сшита из разных кусков. Только индивид или группа стремится что-то интегрировать из этого культурного космоса. И в меру текущих канонов индивида или групповой жизни. Но иногда этим же занимаются политологи или идеологи (не по Кюстину). Иногда этим стремлением бывают охвачены целые нации (в европейском, а не в этническом смысле). И вновь начинается бой...

Трудный день был не так уж и страшен. Хотя и был. Спустил. У нас наконец прорезывается тепло – где-то больше 10 градусов. Все же – север. И нет Гольфстрима рядом, и гор, которые экранируют, например, Стокгольм. Как южанин, я вам всем завидую. Привет, пишите, В.

08.07.2004

Нет, культура не стремится к интеграции. Она принципиально разорвана – на классовые культуры – на местные – на тупиковые – на всеядные – на открытые и замкнутые и т.п. Это логичный (если логичный) человек, или изысканный (который ценил раньше, в стратифицированном обществе, единство стиля – какие забытые слова!) стремился (раньше?) к своей интеграции, себя и в отношении с другими, друзьями... Теперь «все сойдет», индивид стал «анархистом», по обозначению одного старого англичанина, Стивена Тулмина, человека, которого интересовала только философия физики, нынешняя. Но это все было четверть века назад.

А я сегодня был на якобы докладе – некто Хорст Зиберт (для меня солдатское имя), один из ведущих советников канцлера, из Килья. Очень смешно. До этого он беседовал с Грефом в Москве. Говорит, я занимаясь только Германским, а у нее только три проблемы – малый рост, большая безработица и мало денег на соцобеспечение. Все три связаны. Поэтому я становлюсь либералом. Ура! Он показывал свою книжку на русском – «Эффект кобры» или что-то в этом роде. Очень интересно. Говорит, в Индии одно время развелось много кобр. Правительство объявило – убивайте кобр, мы будем за них платить. Так индийцы стали разводить кобр. Чтоб больше денег получить от правительства. Это, говорит, стандартная реакция населения на все шаги правительства. Нужно, мол, чтобы население верило правительству и охотно соглашалось на его предложения. Разве не смешно! Особенно нам. А в Киле, вероятно, народ очень разумный. <...>

Я мысленно пока собираюсь отдохнуть. Но еще мысленно. У Бенхабиб я нашел классную идею — градуированное гражданство. Понемножку для всех. Несколько только, кто будет служить в армии и как уладить мусульманские разводы, ну еще есть маленькие проблемки (некоторые индиечки хотят сжечь себя после смерти супруга). А все остальное решается к гармонии выходцев из всяких отсталых стран, культур, цивилизаций... <...>

Да, мобильный телефон — это жутко интересно. Я даже сам когда-то написал статью про эти новые миры — у нас в Телескопе под пышным названием «Электронная среда или новые пещерные люди». И вопрос правильный? что даст нам новое поколение. Но что — я не знаю.

А еще Валерий всегда носил с собой один-два блокнота. Вот, например, что он писал:

Они ходят, закрыв уши. Я видел их в Париже и Нью-Йорке. Но теперь их много и вокруг нас. Их становится все больше. Впервые они появились в Токио. Но теперь они ходят по всему миру, закрыв свои уши маленькими орущими пробками с проводами, уходящими под одежду. Говорят, немцы ближе всего подошли к тому, что на автомобиле можно ездить так, чтобы его не водить. Машина сама держит дистанцию, выбирает маршрут и следит, чтобы водитель не уснул.

Конечно, в метро или на улице ужасный шум, грохот и, главное, какофония звуков. Голосов почти не слышно. Вот они и ходят со своими музыкальными пробками в ушах. Другие люди им не нужны. Они почти не мешают. Но я думаю, когда же люди начнут, как и машины, ходить, закрыв глаза. Действительно, кругом грязь, многие люди одеты неважно, а некоторые даже роются в мусорниках. Смотреть не очень приятно. Но будет ли хорошо ходить, закрыв глаза? По дороге на работу я прохожу мимо компьютерного клуба. Там всегда, как селедки в бочке, сидят юноши и девушки. И, не отрываясь, смотрят на экран. Мне сказали, что в основном они играют. И пока сидят. Но компьютеры совершенствуются так быстро, что скоро они начнут ходить или бегать или танцевать. И при этом будут смотреть на экран и играть. Интересная будет жизнь.

Или вот еще:

Знание – сила, т.е. смычка с властью. А прежде было знание – тайна, мистика, мудрость, харизма (т.е. передача своей воли другому, авторитету, добровольное поклонение превосходству другого).

Описать параметры игры.

Другой – это полная недоступность, абсолютная инаковость, несмотря на близость, сходство – гомология, но не тождество.

И еще, это запись очень актуальна, так как Валерий собирался таки принять участие в дискуссии о качественных и количественных методах не только небольшой репликой вроде «Отвлечение социологии» (см. «Неприкосновенный запас» №3(35), электронный вариант).

- 1) Каковые причины кризиса количественной парадигмы?
- 2) Каковы границы понимания культуры как текста?
- 3) Как формируются, охраняются и меняются дискурсы
- (3) антинатурализм, да
- (4) судьба рациональности – нерациональность, кризис модели рационального выбора
- (5) и управления
- а) методы оценки социальных программ + Бруно Латур
- б) социология как функция гражданского общества
- в) как идеология.

Шутка ли школа российской социологии. Теория шлейфа. Нужно вербовать аспирантов, сторонников.

И совсем рядом – об ином:

- закрытие – открытость локальности
- (6) функциональные отношения ограничивают обязанности и обязательства. Мир становится хрупким, не прочным, держится «на соплях» (Тамара Максимова в Асуане).
- (7) В функциональных отношениях очень сильно ощущение чуждости
- (8) Два полюса приватности и локальности
- (9) От-чуждение – о-своение
- (10) Редукция обязательств в функциональных отношениях.

Очевидно, что все это – заметки для себя. Однако мы регулярно общались с Валерием, и я могу себе представить, в какого рода тексты эти заметки могли в конечном итоге выплыться. И тут-то понимаешь всю глубину того горя, той беды, что случилась рано утром 8 декабря.

О.Божков

Содержание

<i>Абрам Рейтблат</i> Нравственные мотивации биографа	3
<i>Борис Беленкин</i> Маргинальные биографии: нарушение словарных схем	9
<i>Борис Дубин</i> Границы и ресурсы автобиографического письма	19
<i>Гabor T. Rittershorn</i> Жизненный путь, индивид, масса, история, биография и автор	29
<i>Борис Колоницкий</i> Оскорблении императорской фамилии и антидинастические «народные» слухи эпохи Первой мировой войны	36
<i>Марина Сорокина</i> «Свидетели Нюрнберга»: от анкеты к биографии	50
<i>Петр Митцнер</i> Историк литературы и биография	64
<i>Олег Божков</i> Население биографии: свои и чужие	69
<i>Ирина Флиге</i> Гулаг как создатель биографического источника. Биографии Гулага: норма и маргинальность	79
<i>Нина Цветаева</i> Ценностное измерение биографических нарративов	100

<i>Елена Петровская</i>	
Фотография в биографическом контексте	109
<i>Геннадий Кузовкин</i>	
Принуждение к исчезновению: по материалам ведомственных инструкций НКВД–МВД (1930–1950-е)	116
<i>Анна Шор-Чудновская</i>	
Политическое значение биографического метода	131
<i>Никита Елисеев</i>	
Стрельников – Сокольников. Эхо биографии народного комиссара финансов в романе Бориса Пастернака “Доктор Живаго”	141
<i>Александр Марголис</i>	
Биобиблиографический словарь политкаторжан второй половины XIX века	156
<i>Константин Морозов</i>	
«Социалисты и анархисты – участники сопротивления большевистскому режиму...»: методологические и источниковедческие проблемы составления словарника	162
<i>Дмитрий Северюхин</i>	
«Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е»: опыт литературной энциклопедии	179
<i>Денис Шилов</i>	
Биографика в региональных энциклопедиях	185
Эскиз биографии (портрета) друга.	
Валерий Борисович Голофаст	193

Научно-информационный центр «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д.С.Лихачева
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ

Вторые чтения памяти Вениамина Иофе

16–18 апреля 2004

Сборник докладов

Научный редактор И.Флиге

Редакторы Е.Русакова, Т.Косинова

Ответственный за макет А.Ходот

Корректоры Е.Ермакова, Т.Моргачева

НИЦ «Мемориал»
Издательство «Норд-Вест»

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул. Рубинштейна 23, оф. 103

Сдано в набор 12.10.2004. Подписано к печати 29.10.2004

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №_____

Отпечатано в типографии ООО «Комплекс»
Санкт-Петербург, 199053, наб.Макарова, 22